

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

СЕРИЯ

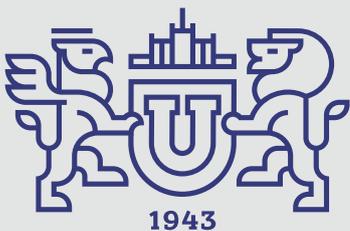
**СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

2024, том 24, № 1

SERIES

**SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES**

2024, volume 24, no. 1

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024
Т. 24, № 1

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
д. филос. н., проф. **Грунт Е. В.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
д. социол. н. **Тараданов А. А.**
ассоц. проф. **Хацеган В.-П.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY
SERIES

2024
Vol. 24, no. 1

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Grunt Elena Viktorovna, D. Sc. (Philosophy), professor (Russian Federation)
Hatsegan Vasil-Petru, ass. Professor (Romania)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)
Taradanov Alexander Ardalionovich, D. Sc. (Sociology), professor (Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
АВДАШКИН А. А. Корейцы на Урале в 1920–1930-е гг.: мобильность, социальный облик и структуры.....	6
ПОТЕМКИНА М. Н., САВИЧЕВА Ю. О. Архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области как источник изучения производственной повседневности женского населения Челябинской области в годы Великой Отечественной войны.....	13
СОГОМОНЯН З. А. Губернаторские выборы в США как зеркало социально-экономической ситуации (на примере старопромышленного Приозерья в период 1976–2000 гг.).....	20
Искусствоведение	
АКИЛОВА А. Д. Архаизирующая и классицизирующая тенденции русского провинциального портрета.....	29
ВАН Б. Национальный характер и художественные особенности живописи Гун Лилуна.....	39
ГАВРИЛИН К. Н., ФЕДОРОВА Н. В. Аршил Горки и художники русской эмиграции в США в 1920–1930-е годы.....	50
ПУДОВ Г. А. «Ветвь невьянского сундучного промысла...» (о кунгурском сундучном производстве середины XIX – начала XX века).....	59
СОЛЕЙМАНФАР З. Танцевальное искусство в художественном проектировании титров иранского кино.....	65
Литературоведение. Журналистика	
ГОРБАЧЕВСКИЙ Ч. А. «Шум времени» в произведениях о Колыме Г. Г. Демидова.....	72
СМОЛЕНСКАЯ М. А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности.....	78
СМЫШЛЯЕВ Е. А., ИБРАЕВА В. И. Субъектная структура поэзии молодых южноуральских авторов.....	87
ТЯНЬ Ю. Особенности и проблемные аспекты функционирования социальных сетей в контексте китайской информационной политики периода пандемии.....	95

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
AVDASHKIN A. A. Koreans in the Ural in the 1920–1930s: mobility, social appearance, and structures.....	6
POTEMKINA M. N., SAVICHEVA Y. O. Archival documents of the United State Archive of the Chelyabinsk Region as a source of studying the everyday life of the female population of the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War.....	13
SOGOMONYAN Z. A. Gubernatorial elections in the USA as a mirror of the socio-economic situation: the Old Industrial Region of the Great Lakes, 1976–2000.....	20
Art Criticism	
AKILOVA A. D. Archaic and classicizing tendencies of the Russian provincial portrait.....	29
WANG B. National character and artistic features of Goon Liloon’s Painting.....	39
GAVRILIN K. N., FEDOROVA N. V. Arshile Gorky and Russian emigre artists in the USA in the 1920s – 1930s.....	50
PUDOV G. A. A branch of the Nevyansky chest craft (Kungur chest production of the mid 19th to early 20th century).....	59
SOLEYMANFAR Z. Dance art in the artistic design of titles of Iranian cinema.....	65
Literary criticism. Journalism	
GORBACHEVSKY C. A. <i>The noise of time</i> in literary works devoted to Kolyma by G. G. Demidov.....	72
SMOLENSKAYA M. A. Unreliable narration and unreliable focalization in works of non-classical Russian literature.....	78
SMYSHLYAEV E. A., IBRAEVA V. I. Subjective structure of poetry of young South Ural authors.....	87
TYAN Y. Features and problem aspects of the operation of social networks in the context of Chinese information policy during the pandemic.....	95

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Материалы исторического раздела посвящены разным аспектам современной исторической науки. В статье А. А. Авдашкина основное внимание фокусируется на таких сюжетах, как миграция, социально-демографический облик и социальные структуры корейских мигрантов на Урале в 1920–1930-е гг. Исследование М. Н. Потемкиной и Ю. О. Савичевой посвящено изучению комплекса документов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) по проблеме организации производственной повседневности женщин в годы Великой Отечественной войны. З. А. Согомонян в своей статье анализирует результаты губернаторских выборов, проходивших в регионе Великих озер (the Great Lakes region) США на протяжении 1976–2000 гг.

В разделе «Искусствоведение» А. Д. Акилова проводит исследование художественных особенностей одного из ярких явлений отечественной живописи XVIII – XIX вв. – русского провинциального портрета. Статья Б. Вана посвящена анализу национального характера и художественных особенностей живописи выдающегося китайского живописца Гун Лилуна. К. Н. Гаврилин и Н. В. Федорова исследуют творчество американского художника армянского происхождения Аришила Горки в контексте его жизни в США в 1920–1930-е годы. Исследование Г. А. Пудова посвящено сундучному промыслу, существовавшему во второй половине XIX – начале XX века в деревнях Кунгурского уезда, в которых он зародился под влиянием кустарей Среднего Урала. З. Солейманфар в своем исследовании на примере титров иранских фильмов, созданных после революции 1979 года, прослеживает обращение дизайнеров к танцевальному наследию Ирана и выявляет сходство дизайнера кинотитров с базисными элементами хореографии, в частности, балетным театром и народным танцем.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» Ч. А. Горбачевский исследовал особенности художественного воплощения колымского мира с его специфическими северными реалиями в рассказах и повестях Георгия Демидова. Статья М. А. Смоленской посвящена категории ненадежного нарратора и ненадежного фокализатора в русской литературе конца XIX – начала XX века. Е. А. Смышляев и В. И. Ибраева исследовали особенности субъектной организации в поэзии молодых южноуральских авторов (Р. Аглиуллиной, Е. Коляченко, А. Маниченко, Р. Япишина). Ю. Тянь анализирует некоторые особенности функционирования социальных сетей в контексте пандемии на примере Китая.

КОРЕЙЦЫ НА УРАЛЕ В 1920–1930-е гг.: МОБИЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И СТРУКТУРЫ

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Представленная статья посвящена миграции корейцев на Урал в 1920–1930-е гг. Основное внимание автора фокусируется на таких сюжетах, как миграция, социально-демографический облик и социальные структуры корейских мигрантов. Основу источниковой базы составили архивные документы, материалы о национальном составе населения регионов Урала по переписи 1926 и 1939 гг., существенную пользу принесли книги памяти жертв политических репрессий Челябинской, Свердловской и Пермской областей. Выбор территориальных рамок обусловлен тем, что именно в пределах данных трех регионов проживало подавляющее большинство корейцев Урала. Теоретико-методологические рамки рукописи составила теория мобильности. Корейцы переезжали на Урал с Дальнего Востока для получения образования и трудоустройства в крупных промышленных и культурных центрах. Военно-политическая обстановка в российско-китайском приграничье накалялась, и корейцы стали восприниматься органами власти как нежелательный социальный элемент. Ощущался дефицит плодородных земель и звучали идеи о постепенном переселении корейцев. Все это служило выталкивающим фактором для граждан корейской национальности и способствовало их переезду во внутренние районы страны, в том числе на Урал. Депортация корейцев и репрессии против них привели к тому, что корейцы на длительное время фактически «растворяются» в местном населении, и о них становится известно только спустя несколько десятилетий.

Ключевые слова: миграция, корейцы, Урал, мобильность, репрессии.

Введение

Миграции на разных этапах российской истории являются все более актуальным предметом научных изысканий, поскольку мобильность выступала важным механизмом формирования этнодемографического облика многих регионов нашей страны. Урал, находящийся на стыке Азии и Европы, не является исключением, поскольку через него исторически проходили сложные маршруты перемещений из различных частей Азии, в том числе с участием корейцев. История этой этнической группы в довоенном СССР в основном связана с Дальним Востоком или Средней Азией (Казахстан и Узбекистан), куда произошла депортация подавляющего большинства корейцев в 1937 г., с территорий, примыкающих к потенциальному театру военных действий между СССР и Японией. Однако заметные по своей численности сообщества корейцев сложились в эти годы и на Урале.

Цель статьи – на примере Урала показать формирование и развитие сообществ корейских мигрантов в 1920–1930-е гг. Это позволит ответить на ряд исследовательских вопросов: какова динамика и траектории миграций корейцев; какие социальные структуры ими создавались. Территориальные рамки на данном этапе реализации проекта включают Челябинскую, Пермскую и Свердловскую области, поскольку именно в границах этих регионов проживало подавляющее большинство корейцев Урала.

Основу источниковой базы составили архивные документы, результаты переписи населения (1926–1939 гг.). Свое применение нашли книги памяти жертв политических репрессий Свердловской области, базы данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980 х гг.» и «Жертвы политических репрессий в Челябинской области». Выявленные источники позволяют реконструировать значимые характеристики социально-демографического облика корейцев, живших на Урале в тот период. Это возраст, место рождения, уровень образования и сферы деятельности. Иные важные детали (семейное положение, наличие детей, смена мест проживания и время приезда в Россию) пока не удалось изучить. Учитывая ограниченный объем рукописи, не все сюжеты представлены в данном тексте.

Обзор литературы

Полуторавековой истории пребывания корейцев в России посвящен значительный массив литературы, но в историографии наблюдаются определенные территориальные и хронологические лакуны, поскольку большинство исследований выполнены на «дальневосточных» или «центральноазиатских» материалах [1–7]. Иными словами, длительное время в этих исследованиях преобладал маркоподход, что, к сожалению, оставляло без внимания историю региональных корейских сообществ, например, корейцев Урала, Сибири или Юга России.

Лишь относительно недавно в исторических повествованиях о *коре сарам* начали появляться региональные ракурсы. Историография корейской миграции на Урал сегодня находится в стадии активного формирования, о чем свидетельствует выход крупных обобщающих работ по этой проблеме только за последние несколько лет [8, 9]. В литературе подробно проанализирована история появления и развития корейских сообществ на материалах Прикамья. М. С. Каменских показана важная роль дореволюционной волны миграции корейцев, главным образом в годы русско-японской войны, в формировании устойчивых миграционных связей между районами расселения корейцев на Дальнем Востоке и Средним Уралом в период, рассматриваемый в статье [10]. В серии публикаций Е. Ч. Ко, С. Лим и других подробно изучено присутствие корейцев на территориях Свердловской области и показано разнообразие биографических траекторий советских корейцев, в том числе в интересующий автора исторический период [11, 12].

На сегодняшний день подготовлена целая серия трудов, посвященных проживанию корейцев в различных частях Урала. Однако историки пока не располагают полной картиной корейской миграции в этих территориальных рамках. Зачастую перед читателем разворачивается панорама локальных случаев или описаний на уровне отдельного города (Пермь, Свердловск, Нижний Тагил), пусть и детально проработанных. Между тем целостная историческая реконструкция данных сюжетов необходима для более глубокого понимания сложных и противоречивых последствий этих перемещений, понимания того, как «закреплялись» корейцы в различных частях страны. Представленная автором статья призвана частично восполнить существующие историографические лакуны и обобщить материалы, относящиеся к истории пребывания корейцев на Урале в период 1920–1930-х гг.

Методы исследования

Теоретико-методологические рамки образует теория мобильности, применение которой позволяет описать процессы миграции с участием корейцев на Урал как часть масштабных перемещений из районов Дальнего Востока в центральные регионы страны. Мобильность служила ответом на постепенное осложнение положения корейцев в районах их компактного проживания в зоне фронта. Корейцы со второй половины 1920-х гг. ощущали рост военно-политической напряженности и все более подозрительное к себе отношение со стороны органов власти [13, р. 65–66]. Акцентированной становилась политика по постепенному вытеснению корейцев с наиболее плодородных земель, в том числе переселение в Среднюю Азию [6, р. 66–69]. Все это способствовало нарастающему миграционному оттоку, в том числе на Урал,

где разворачивались масштабные стройки, вводились в строй все новые промышленные предприятия и были востребованы квалифицированные специалисты.

Результаты и дискуссия

Всего перепись населения 1926 г. зафиксировала на территории Уральской области 232 корейца. Учитывая в основном трудовой характер миграции, в которую были вовлечены корейцы, основную их численность составляли мужчины. В основном они проживали в Тагильском округе. Гендерное соотношение выглядело следующим образом: 213 мужчин и 19 женщин (см. табл. 1).

Таблица 1
Численность корейцев на территории Уральской области
(по материалам переписи 1926 г.)¹

Table 1
The number of Koreans in the Ural region
(based on the 1926 census)

Округа Уральской области	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Верхнекамский	15	2	17	
Ишимский	3	1	1	3
Кунгурский	1			1
Курганский	16	3	6	13
Пермский	30	4	32	2
Свердловский	21	0	21	
Тагильский	75	7	33	49
Тобольский	23	1	22	2
Троицкий	1		1	
Тюменский	26	1	24	3
Шадринский	2		2	
Всего	213	19	159	73

Примечание: Подсчитано автором по: [14]

По мере роста внешнеполитической напряженности и внутренних преобразований у властей возникало все больше сомнений в политической лояльности членов корейской общины. Осенью 1937 г. из приграничных районов Дальнего Востока произошло выселение 170–180 тыс. советских корейцев. Переписью 1939 г. на Урале было зафиксировано 767 корейцев (см. табл. 2), что составило почти 6,6 % от общей численности всех корейцев, проживавших на территории РСФСР в конце 1930-х гг. По сравнению с предыдущей переписью мы видим, что численность корейцев возросла более чем в три раза, в основном это происходило за счет миграции. Из них репрессиям подвергся как минимум 131 человек, большая часть из которых проживала в Свердловской области, где органы госбезопасности «изобличили» большую организацию японских шпионов. Для сравнения, на 108 корейцев, проживавших в этом регионе по данным переписи населения, приходилось 77 личных дел репрессированных.

¹ В данной таблице не отражены округа, в которых корейцы не проживали.

Численность корейцев на Урале в 1939 г.

Таблица 2

The number of Koreans in the Urals in 1939

Table 2

Область / Республика	Численность корейцев
Челябинская область	291
Свердловская область	108
Пермская область	368
Итого на Урале	767
Итого РСФСР	11462
Итого в СССР	182339

Примечание: Подсчитано автором по: [14]

Анализ биографий на основе следственных дел репрессированных корейцев показал их высокую мобильность. Они часто переезжали перед тем, как остановиться на постоянное место жительства в городах Урала. Вот несколько показательных биографий, которые позволяют продемонстрировать обширные траектории перемещений корейцев в тот период. Многие приезжали в Россию / СССР из-за границы или совершали частые поездки в Китай и Японию для общения с членами семьи, по торговым, общественным делам или с целью учебы.

В этом смысле показательна биография Кан Динхо, который в 1920-е гг. временно уезжал учиться в Китай в корейской школе (г. Ленден). После получения образования он два года работал учителем в окрестных учебных заведениях на территории Китая. Потом вновь решил вернуться в СССР и в 1933 г. переехал в Свердловск. Одним из важных факторов при выборе нового места жительства послужило то, что в этом городе несколькими годами ранее обосновался его приятель по имени Ким Ченхо. Вместе они учились в корейской начальной школе на Дальнем Востоке, вместе ездили учиться в Китай, а во время проживания в Свердловске стали соседями и коллегами [15, л. 1, 7–11, 15–17]. Кан Динхо был арестован и расстрелян в 1937 г. как японский шпион.

Стоит также обратить внимание на биографию Ан Тэдо, являвшегося ярким представителем корейской общины того времени. Он знал корейский, японский, русский, немецкий и французский языки. На разговорном уровне хорошо понимал китайский. Состоятельный дядя по отцовской линии, занимавшийся торговлей в Приморье, еще до революции отправил Ан Тэдо учиться сначала в Петербургскую гимназию, а затем в один из университетов в Японии изучать французский язык и литературу.

До начала Первой мировой войны Ан Тэдо вступил в корейское национальное общество «Кунминхве»², воспринимавшееся в Российской империи как проамериканское и запрещенное по этой причине в 1916 г. Однако потребность большевиков в социальной организации корейских

² Антияпонское корейское общество, возникшее в Корее в 1904 г., спустя несколько лет отделения этого общества работали в 12 крупных городах Дальнего Востока и Восточной Сибири.

трудящихся привела к его воссозданию, а несколько позже к реорганизации в «Союз корейских рабочих». В 1914–1920 гг. Ан Тэдо активно занимался делами обществ корейцев, много ездил по России и часто выезжал за границу. Налаживая связи с корейскими обществами, посещал Токио, Иркутск, Харбин (где, к слову, был арестован японцами и бежал из-под стражи), Екатеринбург, Пермь, Москву и Петроград. В 1920 г. остался на постоянное место жительства в Екатеринбурге и занялся работой по развитию местного отделения Союза корейцев. Сменил за 1920-е – начало 1930-х гг. немало профессий и мест работы: от уполномоченного уголовного розыска до заведующего клубом при асбестовом руднике. Кроме того, Ан Тэдо поддерживал прочные связи с местными китайцами, некоторое время перед арестом (1932 г.) даже работал кассиром в артели «Китайский рабочий» (находилась в Свердловске). Высокий уровень образования, знание иностранных языков, наличие пробелов в официальной биографии, в особенности в период пребывания за границей, активная общественная деятельность и широкие связи с корейскими сообществами в городах СССР и за его пределами – все это обусловило крайне подозрительное отношение к нему и арест [8, с. 61–62; 16; 17, л. 50–51].

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют привести полную географию миграции корейцев, показать разнообразие их социальных связей с корейцами в других частях страны, но даже эти биографии, представленные выше, иллюстрируют, насколько фактор корейской миграции способствовал включению Урала в ее протяженные связи и динамичные коммуникации. Они развивались вплоть до начала депортации и широкой волны репрессий в отношении корейцев в СССР.

Подавляющее большинство корейцев на момент ареста находилось в возрасте порядка 30–37 лет. В основном это еще молодые мужчины трудоспособного возраста (см. табл. 3). Представителей послереволюционного поколения, родившихся в 1918–1922 гг., зафиксировано только семеро.

Таблица 3
Принадлежность корейских мигрантов к различным поколениям (по годам рождения)

Table 3
Korean migrants belonging to different generations (by year of birth)

До 1885 г.	1886–1890 г.	1891–1896 г.	1897–1900 г.	1901–1917 г.
10	10	10	4	96

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Местом рождения подавляющего большинства корейцев является Дальний Восток – Приамурье или окрестности Владивостока, т. е. это мигранты «второго» и «третьего» поколений, плотно интегрировавшиеся в принимающее общество. В свою очередь представители поколений XIX в. родились в основном еще на территории Кореи (см. табл. 4). Не исключено, что они подверглись водворению

во внутренние губернии России в годы русско-японской войны или приехали работать на уральские заводы, лесозаготовки и угольные шахты еще во время Первой мировой войны [10].

Таблица 4
Место рождения корейских мигрантов
Table 4
Place of birth of Korean migrants

Провинция / город	Численность уроженцев
Дальний Восток	79
Корея	49
Владивосток	6
Калининская область	1
Томск	1
Ворошиловск	1
Не установлено	1
Приморье	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Надо отметить, что среди корейцев встречались не только случаи трудовой миграции. Основным мотивом смены места жительства зачастую являлось желание получить образование, стремление к самореализации в крупном промышленном и культурном центре. Одним из ближайших таких пунктов на пути из Азиатской части страны в Европейскую являлся Свердловск – с 1923 по 1934 гг. столица Уральской области – и ряд других крупных городов, расположенных на Урале. Именно сюда в 1920-х – начале 1930-х гг. постепенно переселялись корейские мигранты с Дальнего Востока. Корейцев, родившихся на Урале, пока по документам не найдено.

Среди корейских мигрантов, особенно в сравнении с китайскими, бросается в глаза высокий уровень образования. Многие в 1920–1930-е гг. получили высшее образование или обладали незаконченным высшим, отсутствовала неграмотность, все прекрасно владели русским и корейским языками, поскольку учились в русских или корейских школах (см. табл. 5). Все это предполагало практически полное отсутствие языкового барьера и определенные возможности для получения доступа к важным социальным лифтам того времени – членство в партии, образование и т. д.

Таблица 5
Образование корейских мигрантов
Table 5
Education of Korean migrants

Образование	Количество человек
среднее	22
незаконченное высшее	22
низшее	11
начальное	9
высшее	8
семилетка	8
несколько классов школы	8
малограмотный	8
грамотный	6
рабфак	4
среднее специальное	3
неграмотный	3
ФЗУ	2
3 курса техникума	1
самоучка	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

Образование открывало для многих корейцев доступ к социализации в многонациональных коллективах, получению профессиональных навыков, которые позволили им занимать должности, требующие высокой квалификации. Помимо социальной мобильности образование позволяло корейцам продемонстрировать индивидуальную и коллективную лояльность советскому государству.

Материалы следственных дел показали разнообразие сфер трудовой деятельности корейцев, в том числе требующих достаточно высокой профессиональной квалификации, научно-педагогического и управленческого опыта (см. табл. 6). К примеру, кореец по имени Ким Седар являлся преподавателем кафедры органической химии УрГУ, и в конце 1930-х гг. за ним закреплялось неформальное лидерство в общине местных корейцев [21, л. 6–8]. Существенная их часть на момент начала следствия получала высшее или среднеспециальное образование в таких сферах, как медицина, технические науки и т. д. Среди корейцев в целом, репрессированных в частности, была высока доля членов партии (17 человек) и комсомольцев (25 человек).

Таблица 6
Профессии и род занятий корейских мигрантов
Table 6
Professions and occupations of Korean migrants

Место работы или сфера деятельности	Количество человек
студент	43
рабочий	11
неизвестно	5
продавец	5
слесарь	4
старатель	4
художник	4
колхозник	3
преподаватель	3
составитель вагонов, вагоновожатый	3
командир взвода	2
счетовод	2
зав. магазином	2
зав. столовой	2
начальник участка угольной шахты	2
архитектор	1
токарь	1
кочегар	1
снабженец	1
директор	1
электросварщик	1
горный инженер	1
медсестра	1
техник	1
мастер	1
сметчик	1
секретарь райисполкома	1
инженер-исследователь	1
строитель	1
лесоруб	1
снабженец	1
парикмахер	1
повар	1
шофер	1
зав. базой	1
торговый инспектор	1
охранник	1
директор школы	1

Примечание: Составлено автором по: [18–20]

С самого начала 1920-х гг. корейцы приступили к созданию своих социальных структур, игравших важную роль в работе большевиков с корейскими трудящимися. Так, в Екатеринбурге в 1920 г. возникли местные отделения видных корейских организаций: Корейского национального союза и Союза корейских рабочих. Основными постулатами в деятельности первой являлось восстановление политической самостоятельности Кореи и борьба против японской экспансии в Азии. Задачи второй – защита интересов корейских рабочих, оказавшихся на территории советской России.

Союз корейцев выполнял функцию посредника между органами власти и корейскими трудящимися, запрашивал финансовую помощь, осуществлял культурно-просветительскую работу. При участии Союза создавались корейские артели, студенты корейской национальности рекомендовались вузам и Рабфакам для поступления. Есть сведения о переговорах с местными органами власти о предоставлении права на жительство корейским мигрантам и др. К сожалению, в уральских архивах найдено не так много сведений о деятельности этих региональных подразделений. Известно, что в 1923 г. в Перми некоторое время на корейском языке издавалась газета «Голос пермских корейских рабочих» [22, л. 1].

Во второй половине 1920-х гг. в Свердловске под эгидой Союза корейцев открылась папиросная фабрика, действовала красившаяся мастерская. Корейцы и китайцы, находившиеся в наиболее уязвимом финансовом и социальном положении, привлекались к торговле на рынках, что позволяло обеспечить им небольшой заработок и пропитание. Однако довольно скоро в корейских организациях произошел раскол между условными националистами и коммунистами. Последние при помощи местных органов власти свернули всю коммерческую деятельность корейских организаций, а их участники, заподозренные в нелояльности государству и партии, попали под репрессии.

Выводы

Таким образом, в 1920–1930-е гг. корейцы принимали активное участие во внутригосударственных и международных миграциях, постепенно перемещаясь в советские регионы, удаленные от китайской границы и мест их компактного проживания. Наиболее вероятно, что выбор Свердловска, Перми, Челябинска или Нижнего Тагила в качестве места для переезда часто происходил по рекомендации тех, кто приезжал на Урал до революции на заработки или оказался там в годы русско-японской войны в качестве водворенных лиц. Существенная роль в приглашении корейских мигрантов принадлежала и корейским союзам, возникшим в Свердловске. Так, в крупных индустриальных и образовательных центрах Урала возникали корейские сообщества и развивались их

институциональные структуры, встраивая регион в сложную систему отношений и социальных связей между корейскими общинами. Однако репрессии конца 1930-х гг. привели к тому, что о корейцах на Урале практически ничего не было известно вплоть до конца 1950-х гг., когда началась широкая волна образовательной миграции корейской молодежи из Казахстана и Узбекистана. Как показали дальнейшие события, в довоенные годы Урал нашел свое место в формировании миграционных маршрутов корейцев, прежде всего представителей молодого поколения, стремившихся получить качественное образование и реализовать себя в какой-либо профессии.

Литература

1. Пак, Б. Д. 140 лет в России. Очерки истории российских корейцев / Б. Д. Пак, Н. Ф. Бугай. – М. : ИВ РАН, 2004. – 462 с.
2. Хан, В. С. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее / В. С. Хан, Х. Е. Сим. – М. : Изд-во МБА, 2014. – 256 с.
3. Wada, H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 / H. Wada // *Koreans in the Soviet Union*. – Honolulu, HI : Center for Korean Studies, 1987. – P. 24–59.
4. Fuchs, M. The Soviet Far East as a strategic outpost and the regional authorities' nationality policy: the Korean question, 1920–1929 / M. Fuchs // *Sibirica*. – 2004. – Vol. 4. – № 2. – P. 201–227.
5. Yoon, I. Migration and the Korean Diaspora: A Comparative Description of Five Cases / I. Yoon // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Iss. 3. – P. 413–435.
6. Chang, J. K. Burnt by the Sun: the Koreans of the Russian Far East / J. K. Chang. – Honolulu : University of Hawai'i Press, 2016. – 286 p.
7. Sablin, I. Making the Korean nation in the Russian Far East, 1863–1926 / I. Sablin, A. Kuchinsky // *Nationalities Papers*. – 2017. – Vol. 45. – Iss. 5. – P. 798–814.
8. Русские в Кореи и корейцы на Урале: история и современность / под ред. А. В. Антошина, С. В. Смирнова, И. А. Мусиновой. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2021. – 192 с.
9. Бойко, В. С. «Как скалы в бурном море...». Судьбы корейцев в Западной Сибири и на Урале в XX – начале XXI века / В. С. Бойко. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2023. – 256 с.
10. Каменских, М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / М. С. Каменских. – Пермь : Маматов, 2014. – 192 с.
11. Мусинова, И. А. Советская национальная политика в 1920-е гг. на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска / И. А. Мусинова, С. Лим // *Уральское востоковедение*. – 2018. – Вып. 7. – С. 59–63.

12. Ко, Е. Ч. Поиск и анализ материалов по пребыванию корейцев на территории уральского региона: начало XX в. и современность / Е. Ч. Ко, Е. Ким, А. А. Буланова // *Корееведение в России: направление и развитие*. – 2021. – № 4. – С. 24–60.

13. Huttenbach, H. R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry / H. R. Huttenbach // *Central Asian Survey*. – 1993. – Vol. 12. – Iss. 1. – P. 65–66.

14. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 03.11.2023).

15. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 64120.

16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 252.

17. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 33957.

18. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. – URL: <https://xn--80aah0car.xn--plai/?cat=127> (дата обращения: 03.11.2023).

19. Жертвы политических репрессий в Челябинской области. – URL: <https://archive74.ru/dbases/victim> (дата обращения: 03.11.2023).

20. Реабилитированные жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-е гг. – URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (дата обращения: 03.11.2023).

21. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 28503.

22. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. 484. – Оп. 2. – Д. 322.

Авдашкин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: adrianmaricka@mail.ru. ORCID 0000-0001-8169-2755

Поступила в редакцию 7 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240101

KOREANS IN THE URAL IN THE 1920–1930s: MOBILITY, SOCIAL APPEARANCE, AND STRUCTURES

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article is devoted to the migration of Koreans to the Urals in the 1920s and 1930s. It focuses on migration, socio-demographic appearance, and the social structures of Korean migrants. The study is based on archival documents, the censuses of 1926 and 1939, and books in memory of the victims of political repression in the regions of Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm. The territorial framework was chosen as the overwhelming majority of Koreans in the Urals lived within these three regions that. The theoretical and methodological framework was the theory of mobility. Koreans moved to the Urals from the Far East to receive education and employment in large industrial and cultural centers. The military-political situation in the Russian-Chinese border area was heating up and the Koreans began to be perceived by the authorities as an undesirable social element. There was a shortage of fertile land and ideas about the gradual resettlement of Koreans were floated. These all served as push factors for citizens of Korean nationality and contributed to their move to the interior of the country, including the Urals. The deportation of Koreans and repression against them led to the fact that Koreans actually “dissolved” into the local population for a long time, and they became known only after several decades.

Keywords: migration, Koreans, Ural, mobility, repression.

References

1. Pak B.D. 140 let v Rossii. Ocherki istorii rossiyskikh koreytssev [140 Years in Russia. Essays on the History of Russian Koreans]. M.: IV RAN, 2004. 462 s
2. Khan V.S. Koreytsy Tsentral'noy Azii: proshloe i nastoyashchee [Koreans of Central Asia: Past and Present]. M.: Izd-vo MBA, 2014. 256 s.
3. Wada H. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // *Koreans in the Soviet Union*. Honolulu, HI: Center for Korean Studies, 1987. P. 24–59.
4. Fuchs M. The Soviet Far East as a Strategic Outpost and the Regional Authorities' Nationality Policy: the Korean Question, 1920–1929 // *Sibirica*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 201–227.

5. Yoon I. Migration and the Korean Diaspora: A Comparative Description of Five Cases // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. Iss. 3. P. 413–435.
6. Chang J.K. Burnt by the Sun: the Koreans of the Russian Far East. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2016. 286 p.
7. Sablin I., Kuchinsky A. Making the Korean nation in the Russian Far East, 1863–1926 // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. Iss. 5. P. 798–814.
8. Russkie v Koree i koreytsy na Urale: istoriya i sovremennost' [Russians in Korea and Koreans in the Urals: History and Modernity]. Ekaterinburg, Izd-vo UrFU, 2021. 192 s.
9. Boyko, V.S. «Kak skaly v burnom more...». Sud'by koreytssev v Zapadnoy Sibiri i na Urale v XX – nachale XXI veka [“Like Rocks in a Stormy Sea...”. The Fate of Koreans in Western Siberia and the Urals in the 20th – Early 21st Centuries]. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2023. 256 s.
10. Kamenskikh M.S. Koreytsy v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii [Koreans in the Perm region: Essays on History and Ethnography]. Perm': Mamatov, 2014. 192 s.
11. Musinova I.A., Lim S. Sovetskaya natsional'naya politika v 1920-e gg. na primere deyatelnosti “Koreyskogo natsional'nogo soyuza” i “Soyuza koreyskikh rabochikh” g. Sverdlovsk [Soviet National Policy in the 1920s. on the Example of the Activities of the “Korean National Union” and the “Union of Korean Workers” in Sverdlovsk]. *Ural'skoe vostokovedenie*. 2018. Vyp. 7. S. 59–63.
12. Ko E. Ch., Kim E., Bulanova A. A. Poisk i analiz materialov po pribyvaniyu koreytssev na territorii ural'skogo regiona: nachalo XX v. i sovremennost' [Search and Analysis of Materials on the Arrival of Koreans in the Ural Region: the Beginning of the 20th Century. and Modernity]. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie*. 2021. № 4. S. 24–60.
13. Huttenbach H.R. The Soviet Koreans: Products of Russo-Japanese imperial rivalry // *Central Asian Survey*. 1993. Vol. 12. Iss.1. P. 65–66.
14. Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Population Censuses of the Russian Empire, USSR, 15 New Independent States]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
15. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (GAAOSO) [State Archive of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAAOSR)]. F. R-1. Op. 2. D. 64120.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. 45. Op. 1. D. 252.
17. GAAOSO [SAAOSR]. F. R-1. Op. 2. D. 33957.
18. Kniga pamyati zhertvy politicheskikh repressiy. Sverdlovskaya oblast' [Book of Memory of Victims of Political repression. Sverdlovsk Region]. URL: <https://xn--80aah0car.xn--p1ai/?cat=127> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
19. Zhertvy politicheskikh repressiy v Chelyabinskoy oblasti [Victims of Political Repression in the Chelyabinsk Region]. URL: <https://archive74.ru/dbases/victim> (data obrashcheniya: 03.11.2023).
20. Reabilitirovannye zhertvy politicheskikh repressiy. Territoriya Permskogo kraja 1918–1980-e gg. [Rehabilitated Victims of Political Repression. Territory of the Perm Region 1918–1980s]. URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (data obrashcheniya: 03.11.2023)
21. GAAOSO [SAAOSR]. F. R-1. Op. 2. D. 28503.
22. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraja (GAPK) [State Archive of the Perm Territory (SAPT)]. F. 484. Op. 2. D. 322.

Andrey A. Avdashkin – Cand. Sc. (History), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: adrianmaricka@mail.ru

Received November 7, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдашкин, А. А. Корейцы на Урале в 1920–1930-е гг.: мобильность, социальный облик и структуры / А. А. Авдашкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 6–12. DOI: 10.14529/ssh240101

FOR CITATION

Avdashkin A. A. Koreans in the Ural in the 1920–1930s: mobility, social appearance, and structures. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 6–12. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240101

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М. Н. Потемкина^{1,2}, Ю. О. Савичева³

¹*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», г. Магнитогорск, Российская Федерация*

²*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск, Российская Федерация*

³*Гимназия № 53, г. Магнитогорск, Российская Федерация*

В статье анализируется комплекс документов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) по проблеме организации производственной повседневности женщин в годы Великой Отечественной войны. Понимание необходимости правильной организации труда на промышленных предприятиях современности требует изучения исторического опыта решения проблем производственной повседневности женского населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Несмотря на введение в научный оборот значительного объема архивных документов, отражающих производственную повседневность военного времени, вне поля исследования остается целый пласт материалов ОГАЧО, анализ которых позволит восполнить пробелы в исследованиях региональной истории периода 1941–1945 гг.

Исследование выполнено на основе институционального методологического подхода с применением архивной эвристики, историко-критического метода. Выявленные в ОГАЧО документы относятся к документам официального происхождения и состоят из материалов обкомов и горкомов ВКП (б), политических управлений различных ведомств. Данная делопроизводственная документация позволяет проанализировать официальный уровень восприятия бытовых проблем.

В результате исследования автор пришел к выводу, что архивные материалы обладают высокой степенью объективности и позволяют в полной мере проанализировать важнейшие вопросы производственной повседневности женского населения Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Документы демонстрируют, что производственная активность стала основным способом выживания в кризисных условиях. Этот процесс не был естественным, постепенным, так как именно война спровоцировала быструю женскую эмансипацию.

Ключевые слова: Объединенный государственный архив Челябинской области, документальные источники, Великая Отечественная война, производственная повседневность.

Введение

Повседневность включает в себя разнообразный круг явлений, процессов, видов деятельности и отношений. Изучение повседневности дает возможность рассмотреть жизнь «обычного человека» в контексте масштабных исторических событий, выявить специфические модели поведения, стратегии выживания в кризисных, экстремальных условиях, обусловленных состоянием войны.

Важность рассмотрения производственной повседневности вызвана спецификой промышленного региона. Челябинская область на сегодняшний день сосредотачивает на своей территории большое количество промышленных предприятий, что определяет занятость городского населения в производственной сфере. Неправильная организация трудовой деятельности может негативно отразиться на эффективности предприятий и экономики страны в целом. Опыт решения повседневных проблем на производстве в кризисные моменты истории имеет социальную значимость в настоящее время.

Целью данной статьи является выявление исследовательского потенциала документов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) и перспектив их использования как исторического источника при рассмотрении проблем производственной повседневности женщин Челябинской области периода Великой Отечественной войны.

Обзор литературы

В настоящее время мы можем констатировать всплеск исследовательского интереса по отношению к периоду Великой Отечественной войны в целом и проблемам военной повседневности, в том числе и производственной.

Ведущий исследователь советской повседневности Ш. Фицпатрик [1] охарактеризовала повседневность как поведенческие практики определенной стратегии выживания и продвижения, которыми пользовались люди в специфических социально-политических условиях. Кроме этого, среди зарубежных исследований особую цен-

ность представляют работы В. Голдман [2], С. Коткина [3], М. Ван дер Линдена [4], Л. Этвуд [5]. Российские ученые также разрабатывали понятие повседневности в истории. Н. Л. Пушкарева [6] определила историю повседневности как сферу человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В исследовании Н. Б. Лебиной [7] «Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю» автор рассматривает повседневность как комплекс взаимодействий девиантного (отклоняющегося от нормы) и нормативного в советской повседневной культуре. Исследовательский интерес представляет монография «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)» Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, Т. П. Хлыниной [8]. Данная монография написана с опорой на различный круг источников официального и личного происхождения, включая записанные интервью с участниками событий. Авторы уделили внимание термину «частная жизнь», открыли для читателя мир чувств и переживаний советского человека (в том числе и советской женщины), который отражен в письмах и дневниках военных лет. Проблемы повседневности эвакуированного населения в годы войны осветила в своих работах М. Н. Потемкина [9]. Кроме этого, исследователями М. Н. Потемкиной и Р. С. Жаркынбаевой [10] представлен анализ зарубежной и российской историографии по проблеме производственной повседневности в годы Великой Отечественной войны

Методы исследования

Исследование базируется на институциональном методологическом подходе с применением архивной эвристики, историко-критического метода.

Результаты и дискуссия

Анализируя различные трактовки понятия «повседневность», мы понимаем под производственной повседневностью специфическую сферу человеческого бытия, связанную с трудовой деятельностью на предприятии и определяющую обыденные практики существования рабочего населения.

В понятие производственной повседневности входят следующие аспекты: гендерные аспекты мотивации труда, производственная адаптация женского населения, материально-бытовое положение рабочих, в том числе и женщин, вопросы трудовой дисциплины, проблема трансформации гендерных ролей в военный период.

В рамках исследуемой темы Объединенный государственный архив Челябинской области располагает значительным комплексом документов, но материалы не сосредоточены в одном месте, а содержатся в разных фондах и единицах хране-

ния, при этом большинство документов не распределены с учетом гендерной направленности.

Особую ценность представляет собой фонд П – 288 – «Челябинский областной комитет КПСС; г. Челябинск Челябинской области (1934–1962, 1964–1991)», здесь можно выделить опись 4 – «Сектор промышленных кадров», опись 6 – «Отдел кадров. Сектор промышленных кадров», опись 8 – «Отдел кадров. Сектор промышленных кадров».

Значимость представляют выписки из протоколов заседаний бюро Челябинского обкома партии, где отражаются вопросы привлечения рабочих кадров на производство. В таких документах женщины выделены в отдельную категорию. По данным на июнь 1942 г. в Челябинской области мобилизовано было 22 443 рабочих, среди них 6 127 женщин, тогда как мобилизационный план составлял 35 945 рабочих [11, л. 12]. Социальные категории вновь прибывших на предприятия: женщины, никогда не работавшие на производстве; женщины-служащие; выпускники фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ (РУ); подростки; старики. С вовлечением женского населения в производственную деятельность гендерный состав предприятий изменился. Процесс привлечения женщин на производство не заканчивался до конца войны. Гендерный состав рабочих промышленных предприятий существенно менялся. На 1 января 1945 г. женщины составляли 200 289 человек среди рабочих и служащих предприятий Челябинской области (49 % от общего числа). Несмотря на то что процесс привлечения женского населения на производство начался еще в 1930-е годы, все же в экстремальных условиях войны этот процесс усилился и приобрел массовый характер. В связи с этим стоит отметить трансформацию гендерных ролей и массовое освоение женщинами новых гендерных ролей работника, кормильца. Безусловно, данная трансформация стала вынужденной мерой, определенной стратегией выживания в условиях войны. На основе архивных материалов ОГАЧО мы выделили некоторые аспекты мотивации женского труда на промышленных предприятиях области. Административно-командные методы имели целью скорейшую мобилизацию трудовых ресурсов, которая регламентировалась многочисленными указами и постановлениями советского руководства. Анализируя содержание указов, мы можем выделить гендерную специфику в мобилизационной практике советского правительства, которая выражается в возрастной разнице мобилизуемого населения, и выделении в особую группу женщин-матерей. На наш взгляд, это обусловлено биологическими природой женщин и физиологическими особенностями организма и закреплением за женщинами традиционной гендерной роли матери, так как способность к рождению ребенка – сугубо женская прерогатива.

Активная трудовая деятельность женщин была связана в основном с необходимостью материального обеспечения. Этот фактор широко использовался руководством для привлечения женщин на промышленные предприятия, поэтому материальное стимулирование являлось одним из механизмов мотивации женщин к труду. Для женщин в экстремальных условиях войны заработная плата стала основополагающим средством удовлетворения материальных потребностей и могла гарантировать женщине некоторую экономическую стабильность в военный период. Поскольку женщины, как правило, имели низкую квалификацию, заработная плата мужчин на предприятиях была выше. Данное явление не было вызвано гендерными различиями в выплате заработной платы, дифференциация зависела только от специальности и квалификации. Мотивом активной производственной деятельности стали так называемые «привилегии» рабочего класса, такие как обеспечение жильем (общежития), прикрепление к сети общественного питания, выделение земли для осуществления огородничества, право определить детей в детские учреждения, где осуществлялось хоть какое-то государственное снабжение. Нельзя оставить без внимания и элементы эмоционального переживания женщин, необходимость помощи Родине, ощущение причастности к общему делу борьбы с врагом.

Производственную адаптацию женщин на промышленных предприятиях Челябинской области мы делим на первичную (приспособление людей, не имеющих опыта профессиональной деятельности) и вторичную (приспособление работников, имеющих опыт профессиональной деятельности). Дела, относящиеся к описи 4 фонда П – 288, содержат множество данных о приходе на промышленные предприятия области женщин, которые ранее никогда не работали на производстве. Так, по Кировскому району г. Челябинска с начала войны по сентябрь 1941 г. было устроено на предприятия 467 женщин, из которых 398 человек являлись членами семей военнослужащих, до этого не занятыми в промышленности [12, л. 67]. По г. Челябинску к началу сентября 1941 г. на предприятия поступили 2529 женщин и членов их семей [12, л. 88]. За два месяца войны по г. Троицку на промышленные предприятия пришло 429 женщин, из которых 192 человека на производстве оказались впервые [12, л. 74]. Данные по г. Карабашу за июль–август 1941 г. показывают, что было принято на производство 458 женщин, ранее не занятых в промышленности [12, л. 83]. Эти же архивные материалы освещают вопросы вторичной адаптации. Трудовая деятельность на оборонных предприятиях Челябинской области предоставила женщинам множество так называемых «мужских» вакансий, которые освободились вследствие мобилизации мужского населения на фронт. Одним из

примеров в данном контексте стал опыт Тракторного завода г. Челябинска, где появилось движение женщин-служащих первого механического цеха, предполагавшее освоение производственной специальности без отрыва от основной работы. Так, на завод за июль–август 1941 г. принято 1738 человек, женщин рабочих и младшего обслуживающего персонала (МОП) – 976, инженерно-технических работников (ИТР) и среднего квалифицированного персонала (СКП) – 255 человек [12, л. 80].

Заслуживают внимания докладные записки, справки по проверке материально-бытовых условий рабочих предприятий Челябинской области [13, л. 123]. Большинство подобных документов описывает неблагоприятное материально-бытовое положение рабочих промышленных предприятий, в том числе и женщин-работниц. Существовали проблемы с размещением прибывших рабочих и обеспечением их жильем. Общежития были переполнены, в бараках проживало по 60 – 100 человек. Молодые рабочие, бывшие ученики ФЗО и РУ, спали на голых нарах, не имея постельных принадлежностей. Общежития были грязные, полные крыс, мышей, клопов. В некоторых бараках даже были разбиты окна. Столовых вблизи общежитий не было, поэтому рабочим приходилось ходить 5 – 7 км пешком для принятия пищи. Существенной была проблема обеспечения спецодеждой и обувью. Цеха часто не отапливались. Спецодежда, выдаваемая рабочим (в том числе и женщинам), не соответствовала размерам. Например, женщинам могли выдать ботинки 40 размера, спецкостюм больше на несколько размеров. Можно констатировать, что учета гендерных особенностей в оснащении работников одеждой не было. Руководством промышленных предприятий не были учтены потребности женской части работников в другой форме спецодежды и обуви [14, л. 170]. Затрагиваются в справках и докладных записках вопросы организации общественного питания на промышленных предприятиях области. Архивные материалы военных лет указывают на то, что на промышленных предприятиях Челябинской области наблюдались массовые отравления рабочих, прикрепленных к заводским столовым. Так, в сентябре 1943 г. на предприятиях г. Златоуста было зафиксировано 905 острых желудочно-кишечных заболеваний. Отравление было вызвано употреблением в пищу продуктов питания, условия хранения которых были нарушены Отделами рабочего снабжения (ОРСаами) заводов [15, л. 233; 16, л. 34]. В августе 1944 г. случилось массовое отравление 900 рабочих г. Челябинска, прикрепленных к заводским столовым. В столовых данных предприятий систематически нарушались санитарные нормы, приготовление пищи осуществлялось в непригодных котлах, пища была подвержена окислению [17, л. 295]. Государствен-

ная политика в сфере материально-бытового обслуживания населения стала рычагом управления женским рабочим классом, так как была дифференцирована и иерархична. Распределение различных материально-бытовых благ было инструментом воздействия на работницу и зависело от «социальной ступени», которую она занимала. А это, в свою очередь, зависело от значимости промышленного предприятия, профессиональной характеристики каждой работницы, эффективности их трудовой деятельности, которая выражалась в выполнении и перевыполнении плана. Поэтому включение в производственную деятельность промышленных предприятий для женщин стало способом решения материально-бытовых проблем, а эффективная «на износ» трудовая деятельность – возможностью наиболее качественной и комфортной жизни, безусловно, с учетом военной действительности.

Фонд П – 124 – «Партийный комитет ПО «ЧТЗ имени В. И. Ленина»; г. Челябинск Челябинской области (1929–1991)» содержит много материала о нарушениях трудовой дисциплины. Данные справок по различным предприятиям Челябинской области по вопросу трудовой дисциплины называли следующие возможные причины трудового дезертирства [18, л. 57]: материально-бытовое положение рабочих, низкая заработная плата молодых рабочих, медленная работа следственных органов по рассмотрению соответствующих дел, плохая массово-разъяснительная работа среди рабочих, бюрократическое, формальное отношение руководства предприятий к дезертирству и потворствование дезертирам. Также назывался ряд фактов, способствующих нарушению дисциплины на предприятиях: отсутствие надлежащего учета личного состава заводов, отсутствие надлежащей проверки исполнения приказов дирекции [17, л. 427–429]. Для профилактики нарушений трудовой дисциплины на промышленных предприятиях выходили специальные приказы, с помощью которых пытались ослабить остроту проблемы, и проводились показательные суды. Дезертирство с оборонных предприятий Челябинской области в период Великой Отечественной войны было вызвано прежде всего ненадлежащей организацией труда на предприятиях. Молодые девушки-одиночки, окончившие ФЗО и РУ, не могли подчас выдержать трудности производственной повседневности, с которыми им пришлось столкнуться. Их единственным желанием было вернуться к своим родителям и вместе нести тяготы войны. Женщины-работницы, имеющие детей на иждивении, были в меньшей мере подвержены дезертирству, так как именно трудовая деятельность являлась основным источником материального обеспечения семьи, залогом стабильности в экстремальной обстановке.

Выводы

Таким образом, исследование архивных фондов ОГАЧО, содержащих значительный исследовательский материал о производственной повседневности женского населения в годы Великой Отечественной войны, позволяет констатировать необходимость их дальнейшего изучения. Сложность работы заключается в том, что исследуемые вопросы отражены в архивных материалах фрагментарно, но все же позволяют воссоздать объективную картину организации производственной повседневности женщин на оборонных предприятиях Челябинской области и дают возможность переосмыслить некоторые спорные позиции исследователей относительно производственной повседневности женщин. На основе анализа исследовательской ценности документов ОГАЧО мы смогли выявить гендерные особенности пребывания женщин в условиях тыловых промышленных городов. Именно промышленная специфика региона наложила отпечаток на формирование повседневных практик женского населения. Производственная активность стала основным способом выживания в кризисных условиях. Женщинам необходимо было приспособиться к новым гендерным нормам и ценностям, активно навязываемым со стороны государства. В промышленных городах Челябинской области наиболее четко можно проследить процесс трансформации гендерных ролей, чему способствовала военная эпоха. Этот процесс не был естественным, постепенным, так как именно война спровоцировала быструю женскую эмансипацию.

Литература

1. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Пантинной. – М. : РОССПЭН, 2001. – 332 с.
2. Голдман, В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / В. З. Голдман. – М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 358 с.
3. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. – Berkeley : University of California Press, 1995. – 639 p.
4. Van der Linden, M. Globalizing Labour History. The IISH Approach / M. Van der Linden. – Amsterdam, 2002. – 232 p.
5. Attwood, L. Creating the New Soviet woman: Women's magazines as engineers of female identity, 1922–1953 / L. Attwood. – London, 1999. – 213 p.
6. Пушкарева, Н. Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) / Н.Л. Пушкарева // Вестник антропологии. – 2016. – № 3 (35). – С. 121–140.

7. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 482 с.

8. Кринко, Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с.

9. Потемкина, М. Н. Влияние эвакуационных процессов на отношения в трудовых коллективах в уральском тылу (1941–1945 гг.) / М. Н. Потемкина // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : материалы Международного научного культурно-образовательного форума. – Челябинск : ЮУрГУ, 2022. – С. 182–184.

10. Потемкина, М. Н. Производственная повседневность военного времени (1941–1945 гг.) в отражении современной зарубежной и российской историографии / М. Н. Потемкина, Р. С. Жаркынбаева // Вестник Казахского национального университета. Серия историческая. – 2021. – № 2 (101). – С. 91–98.

11. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 288. – Оп. 6. – Д. 210.

12. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 4. – Д. 224.

13. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 6. – Д. 119.

14. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 42. – Д. 22.

15. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 42. – Д. 20.

16. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 8. – Д. 212.

17. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 42. – Д. 24.

18. ОГАЧО. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 282.

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Магнитогорск), e-mail: mpotemkina@mail.ru

Савичева Юлия Олеговна – учитель, Гимназия № 53 (Магнитогорск), e-mail: yulechka_12may@mail.ru

Поступила в редакцию 21 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240102

ARCHIVAL DOCUMENTS OF THE UNITED STATE ARCHIVE OF THE CHELYABINSK REGION AS A SOURCE OF STUDYING THE EVERYDAY LIFE OF THE FEMALE POPULATION OF THE CHELYABINSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

M. N. Potemkina^{1,2}, Y. O. Savicheva³

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Magnitogorsk, Russian Federation

³Gymnasium № 53, Magnitogorsk, Russian Federation

The article analyzes a set of documents of the United State Archive of the Chelyabinsk region (OGACHO) on the problem of the organization of women's daily work during the Great Patriotic War. Understanding the need for proper organization of labor at industrial enterprises of our time requires studying the historical experience of solving the problems of industrial everyday life of the female population during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Despite the introduction into scientific circulation of a significant volume of archival documents reflecting the daily production of wartime, a whole layer of archival documents of OGACHO remains outside the field of research, the analysis of which will make it possible to fill in the gaps in the research of regional history of the period 1941–1945.

The study was carried out on the basis of an institutional methodological approach using archival heuristics, historical-critical method. The documents identified in OGACHO relate to documents of official origin and consist of materials from regional and city party committees, political departments of various departments. This office documentation allows you to analyze the official level of perception of everyday problems.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the identified documents have a high degree of objectivity and allow to fully analyze the most important issues of the daily working life of the female population of the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War. The revealed documents demonstrate that industrial activity has become the main way of survival in crisis conditions. This process was not natural, gradual, since it was the war that provoked rapid female emancipation.

Keywords: The United State Archive of the Chelyabinsk region, documentary sources, the Great Patriotic War, gender aspects of labor organization, industrial everyday life.

References

1. Ficzpatrik Sh. Povsednevnyj stalinizm: Socialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism: The Social History of Soviet Russia in the 30s: the City]; per. s angl. yaz. L.Y. Pantinoj. M.: ROSSPE'N, 2001. 332 s.
2. Goldman V.Z. Zhenshhiny u prohodnoj. Gendernye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937 gg. [Women at the Checkpoint. Gender Relations in the Soviet Industry (1917–1937)]. M.: ROSSPE'N: Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2010. 358 s.
3. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 639 p.
4. Van der Linden M. Globalizing Labour Historiography. The IISH Approach. Amsterdam, 2002. 232 p.
5. Attwood L. Creating the New Soviet woman: Women's magazines as engineers of female identity, 1922–1953. London, 1999. 213 p.
6. Pushkareva N.L. Nauchnoe napravlenie «istoriya povsednevnosti» v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii (k ocenke itogov istoriko-antropologicheskogo povorota v social'nyh naukah) [The Scientific Direction “The History of Everyday Life” in Russian and Foreign Historiography (to Assess the Results of the Historical and Anthropological Turn in the Social Sciences)] // *Vestnik antropologii*. 2016. № 3 (35). S. 121–140.
7. Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies: from War Communism to the Great Style]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2018. 482 s.
8. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945) [The Private Life of a Soviet Man in Wartime Conditions: Space, Boundaries and Mechanisms of Implementation (1941–1945)]. Rostov n/D.: Izd-vo YuNCz RAN, 2013. 362 c.
9. Potemkina M.N. Vliyanie evakuacionnyh processov na otnosheniya v trudovyh kollektivah v ural'skom tylu (1941–1945 gg.) [The Influence of Evacuation Processes on Labor Relations in the Ural Rear (1941–1945)] // *Evraziya-2022: social'no-gumanitarnoe prostranstvo v epohu globalizacii i cifrovizacii*: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kul'turno-obrazovatel'nogo foruma. Chelyabinsk: YUrGU, 2022. S. 182–184.
10. Potemkina M.N., Zharkynbaeva R.S. Proizvodstvennaya povsednevnost' voennogo vremeni (1941–1945 gg.) v otrazhenii sovremennoj zarubezhnoj i rossijskoj istoriografii [Industrial Everyday Life of Wartime (1941–1945) in the Reflection of Modern Foreign and Russian Historiography] // *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya*. 2021. – № 2 (101). – S. 91–98.
11. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. 288. Op. 6. D. 210
12. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 4. D. 224.
13. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 6. D. 119.
14. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 42. D. 22.
15. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 42. D. 20.
16. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 8. D. 212.
17. OGACHO [USACR]. F. 288. Op. 42. D. 24.
18. OGACHO [USACR]. F. 124. Op. 1. D. 282. Nemtsy Rossii: naselyonnye punkty i mesta poseleniya [Germans of Russia: Localities and Places of Settlement]: entsiklopedicheskiy slovar'. M., 2006. 472 s.

Marina N. Potemkina – D. Sc. (History), Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Magnitogorsk), e-mail: mpotemkina@mail.ru

Yulia O. Savicheva – Teacher, "Gymnasium № 53 (Magnitogorsk), e-mail: yulechka_12may@mail.ru

Received September 21, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Потемкина, М. Н. Архивные документы Объединенного государственного архива Челябинской области как источник изучения производственной повседневности женского населения Челябинской области в годы Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина, Ю. О. Савичева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 13–19. DOI: 10.14529/ssh240102

FOR CITATION

Potemkina M. N., Savicheva Y. O. Archival documents of the United State Archive of the Chelyabinsk Region as a source of studying the everyday life of the Female population of the Chelyabinsk Region during the Great Patriotic War. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no.1, pp. 13–19. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240102

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ВЫБОРЫ В США КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО ПРИОЗЕРЬЯ В ПЕРИОД 1976–2000 гг.)

З. А. Согомонян

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье на основе статистических данных и иных источников анализируются результаты губернаторских выборов, проходивших в регионе Великих озер (the Great Lakes region) США на протяжении 1976–2000 гг. Названная территория вызывает особый интерес из-за старопромышленного характера местной экономики, а также из-за серьезных социальных проблем, возникших в условиях частичного разрушения традиционного индустриального уклада с 60–70 гг. XX в. Анализ большого массива статистических данных показал, что существенным влиянием на исход губернаторских выборов обладала ситуация на рынке труда, причем рост безработицы заметно ослаблял позиции правящей партии независимо от того, находились у власти демократы или республиканцы. Сравнение двух заметно различавшихся периодов (1976–1989 гг. и 1990–2000 гг.), а также сопоставление информации по Приозерью и в целом по Соединенным Штатам указывает на повышенную чувствительность электората в проблемном старопромышленном регионе к изменениям экономической ситуации. Сформированная база данных (при ее дальнейшем расширении) может быть полезной для прогнозирования некоторых внутривнутриполитических тенденций и результатов региональных выборов в США.

Ключевые слова: США, старопромышленные штаты, безработица, губернаторские выборы, 1970–1990-е гг.

Введение

Федеральные избирательные кампании в США, особенно проходящие каждые четыре года выборы президента, всегда привлекают повышенное внимание не только в самой стране, но и далеко за ее пределами. Вместе с тем очень важным социально-политическим феноменом являются и выборы регионального уровня, прежде всего, кампании по избранию губернаторов. В целом следуя за федеральным организационным форматом, но без его полного копирования и при сохранении местной специфики, американские губернаторские выборы, особенно с учетом их регулярности и большого числа, представляют собой важный и информативный объект для ретроспективных и современных наблюдений. Очень широкие возможности открываются, например, при системном использовании и различных способах интерпретации электоральной статистики. Она, как предстоит показать в данной работе, в ряде случаев способна с немалой точностью отражать социально-экономические процессы своего времени, или, в обратной логической связи, такие процессы могут до некоторой степени помогать в прогнозировании исхода избирательных кампаний.

В качестве своего рода «фокус-группы» в исследовании выступают пять из пятидесяти штатов США (Висконсин, Иллинойс, Индиана, Мичиган и Огайо), которые в традиционной трактовке американской экономической географии образуют единый район – Северо-восточный центр (East North Center) или регион Великих озер (Great Lakes Region); в данной статье он для краткости

именуется Приозерьем. В историческом плане эти штаты объединяло сначала относительно раннее (в основном с последней трети XIX в.) и очень мощное промышленное развитие, а затем начавшийся со второй половины 1960-х гг. глубокий кризис некогда великой индустрии, которая стала проигрывать ее многочисленным конкурентам внутри страны и за рубежом. При этом регион, несмотря на все его проблемы, и сегодня вполне сопоставим по численности населения (свыше 47 млн человек) и по объему ВВП (около 2,8 трлн долл.), например, с ведущими странами Европы. В связи с этим особый интерес вызывает поведение электората в огромном старопромышленном регионе как на фоне длительного индустриального упадка (как минимум до 1983–1984 гг.), так и в последующий относительно благоприятный период.

Обзор литературы

Хотя в США существует давняя и сильная традиция изучения различных электоральных процессов и тенденций, основное внимание ученых неизменно сфокусировано на федеральном уровне. Публикации о выборах на уровне штатов, а также о связи между такими выборами и федеральной политикой остаются довольно редкими [1–3]. Авторы отмеченных работ, при всей глубине и доказательности проведенных исследований, подчеркивают необходимость дальнейшего погружения в подобную тематику и расширения ее аспектов. Кроме этого, предшествующая аналитика не обращалась специально к положению дел в отдельных регионах страны, в том числе в Приозерье с его старопромышленной спецификой.

Что касается общего изучения кризиса в Приозерье, то в этом отношении американская и тесно связанная с ней канадская академическая мысль делятся на два основных направления. С одной стороны, существуют работы выраженного экономического профиля – обычно с очень сильной и детализированной статистической базой, но без большой хронологической глубины (например: [4]). С другой стороны, в рамках исторической науки в Северной Америке сложилось антропологическое направление (по его самоидентификации). Представители данной школы уделяют основное внимание судьбам работников закрывшихся предприятий, попыткам населения адаптироваться к новым условиям и т. д. (например: [5]). На некотором синтезе экономического и историко-антропологического подходов основаны предыдущие работы автора этих строк (например: [6]). Подобный научный фундамент позволяет теперь сделать следующий шаг и совместить данные об общем развитии региона с изучением его электоральной истории на протяжении нескольких десятилетий.

Методы исследования

Исследование опирается на большой комплекс источников, в составе которого центральное место занимает историческая статистика. В свою очередь, этот массив количественных данных состоит из двух равноценных частей. Одну из них образуют показатели, отражающие экономическое развитие региона. Приоритет здесь отдается данным об уровне безработицы, которые публикуются Министерством труда США в ежемесячном режиме начиная с января 1976 г. [7]. Другую часть статистической базы формируют сводки по итогам губернаторских выборов, доступные, например, на портале «Our Campaigns», который поддерживается академическими кругами США и Канады [8]. Степень влияния экономических показателей на электоральные оценивается с помощью такого стандартного инструмента математической статистики, как линейный коэффициент корреляции (коэффициент Пирсона). Кроме этого, на больших хронологических интервалах производится сопоставление исходов губернаторских кампаний в Приозерье с аналогичными данными в целом по США. Наконец, важную роль в исследовании играют и неколичественные источники, включая американскую периодическую печать 1970–1990-х гг. При работе с различными видами источников применялись такие классические для исторической науки методы исследования, как историко-сравнительный и историко-типологический.

Проведенная работа охватывает почти всю последнюю четверть XX столетия, что обеспечивает необходимую историческую репрезентативность. Стартовой точкой является 1976 г. – самая ранняя дата, для которой, как упоминалось, доступны достаточно подробные сведения об уровне

безработицы. Хотя системное экономическое отставание региона началось примерно на 10 лет раньше, даже при таком варианте в поле мониторинга попадает, что очень важно, самый тяжелый отрезок кризиса, то есть конец 1970-х – начало 1980-х гг. Далее, исходя из сочетания экономической динамики и электоральных циклов, все последующее время наблюдений делится на два больших и близких по протяженности периода. Первый период (1976–1989 гг.) охватывает и собственно кризисные времена, и относительно благополучный интервал 1983–1989 гг., когда наметившееся экономическое возрождение региона было, впрочем, еще довольно медленным и не очень убедительным. По контрасту второй период (1990–2000 гг.) может быть охарактеризован как время уже весьма заметной технологической модернизации и, соответственно, адаптации старопромышленного края к новым условиям.

Результаты и дискуссия

Период 1976–1989 гг. Итак, к началу ноября 1976 г., когда в США проходила очередная серия федеральных и региональных выборов, в трех штатах Приозерья губернаторами были республиканцы: О. Боуэн в Индиане, У. Милликен в Мичигане и Дж. Родс в Огайо. Соответственно, демократы возглавляли администрации Висконсина (П. Льюси) и Иллинойса (Д. Уолкер). Преимущество республиканцев еще более усилилось в ноябре 1976 г., когда их кандидат Дж. Томпсон был избран новым губернатором Иллинойса, самого большого штата в этой части страны. Данный успех был особенно важным с учетом того, что в этот же момент президентские выборы завершились победой демократа Дж. Картера¹.

Преобладание республиканцев в губернаторском корпусе, при относительно редких исключениях, и в дальнейшем оставалось важной отличительной чертой Приозерья. Хотя в индустриальных штатах можно было бы ожидать уверенного голосования за Демократическую партию с ее давней склонностью поддерживать профсоюзы и расширять социальную защиту, в действительности американская политика, особенно на регио-

¹ Губернаторы большинства американских штатов избираются, как и президент страны, на четыре года. Губернаторские выборы могут проходить одновременно с президентскими, но большинство штатов предпочитает проводить свои кампании ровно через два года после очередного избрания президента (и, таким образом, ровно за два года до следующих президентских выборов). В частности, в ноябре 1976 г. среди штатов Приозерья своих губернаторов избирали Иллинойс и Индиана, а в ноябре 1978 г. – Висконсин, Мичиган и Огайо, и вместе с ними, в досрочном режиме, Иллинойс, который тоже решил развести свои выборы с президентскими. Затем, в ноябре 1980 г., одновременно со следующими выборами президента, губернаторские выборы проводила только Индиана, а в ноябре 1982 г. сразу четыре штата – Висконсин, Иллинойс, Мичиган и Огайо. Та же ритмичность (Индиана проводит губернаторскую кампанию одновременно с президентскими выборами, а остальные штаты между президентскими выборами) сохранилась в регионе и до настоящего времени.

нальном уровне, не всегда выстраивается по таким логическим линиям.

Между тем регион Великих озер, который уже давно испытывал серьезные проблемы из-за устаревших технологий, низкой эффективности и высокой затратности своих базовых производств, входил в еще более тяжелый период истории. Такие драматические моменты, как, например, закрытие градообразующего металлургического комбината в Янгстауне (штат Огайо) в 1977 г., означало, по словам одного из комментаторов, разрушение «...индустриальной культуры, истоки которой уходят в прошлое на сотни и более лет» [9].

Нижняя точка была достигнута во время мирового экономического кризиса 1980–1982 гг. Конечно, очень непростая ситуация тогда складывалась во всех районах США, но если в среднем по стране уровень безработицы к началу 1983 г. составлял 10,4 %, то в Приозерье аналогичный показатель превышал 14,7 % (а в Мичигане даже 17,3 %). Именно в это время за старопромышленными территориями США благодаря прессе прочно закрепились такие определения, как «ржавая чаша» (*rust bowl*) или «ржавый пояс» (*rust belt*).

К этому моменту у страны уже был новый президент – республиканец Р. Рейган, одержавший победу на выборах 1980 г. Его администрация стремилась придать американской экономике мощный импульс с помощью снижения налогов и общего расширения рыночной свободы, а также подавления инфляции. В первое время, однако, эффективность «рейганомии» вызывала большие сомнения.

Неудивительно, что проходившая в ноябре 1982 г., то есть в самый разгар кризиса, большая серия губернаторских выборов стала серьезным испытанием для Белого дома и в целом для республиканцев [10, с. 271]. Из развернувшихся тогда 36 кампаний «партия слона» смогла выиграть только девять. Свой ощутимый вклад в изменение политического ландшафта США внес и регион Великих озер, где действующие республиканские губернаторы проиграли демократам в трех случаях: это были штаты Висконсин (там победителем стал демократ Э. Эрл), Мичиган (Дж. Бланчард) и Огайо (Р. Селесте). Только в Иллинойсе губернатор-республиканец (Дж. Томпсон) был избран на следующий срок, причем его перевес над главным соперником, демократом Э. Стивенсоном, составил всего лишь 0,1 % от числа поданных голосов. Сохранилась действующая власть и в Индиане, но это был скорее вопрос удачи и другого политического календаря: республиканец Р. Орт, преемник и однопартиец Э. Боуэна, был избран на еще сравнительно благоприятном социально-экономическом фоне в 1980 г. В целом же в начале десятилетия можно было говорить о том, что регион, ранее являвшийся лояльным по отношению к республиканцам, теперь переживал серьезный сдвиг влево.

Тем временем, с 1983–1984 гг. намечалось улучшение экономической ситуации – и в целом по стране, и (что было совсем непривычно) в «ржавом поясе» у Великих озер. Некоторое экономическое оживление, пришедшее в старопромышленный регион, было связано с целым рядом факторов, включая протекционистские действия со стороны администрации Р. Рейгана. Так, федеральные власти еще в 1981 г. добились ограничения импорта готовых автомобилей из Японии, что способствовало разворачиванию производственных мощностей японских автоконцернов внутри США [11, р. 162–164]. Также немалые усилия были приложены со стороны губернаторов и мэров, которые с помощью, например, налоговых вычетов или софинансирования программ профессиональной переподготовки стремились привлечь японских и иных инвесторов именно на свои территории. Заметные точки экономического роста появлялись и развивались в Мичигане, Огайо и других штатах [12, с. 84; 13, с. 99].

Несколько изменилось и поведение избирателей – на этот раз в сторону большей лояльности по отношению к действующим властям на уровне штатов. В 1984 г., когда республиканец Р. Рейган был избран на второй президентский срок, в Индиане представитель той же партии Р. Орт добился аналогичного результата в борьбе за губернаторское кресло. Затем, по итогам большой волны региональных выборов 1986 г., сохранили свою власть республиканец Дж. Томпсон в Иллинойсе, а также демократы Дж. Бланчард в Мичигане и Р. Селесте в Огайо.

По иному сценарию развивались события в Висконсине, где губернатор-демократ Э. Эрл потерпел поражение от республиканского кандидата Т. Томпсона. Очень важную роль сыграл сохранявшийся при Э. Эрле высокий уровень налогообложения, ставший объектом острой критики со стороны Т. Томпсона в ходе прямых предвыборных дебатов. Сейчас, говорил претендент, «...уже нельзя придерживаться такой философии налогов и затрат, как в шестидесятые и семидесятые годы» [14], – тем самым подчеркивая свою солидарность с политикой низких налогов, проводившейся федеральной властью в 1980-е гг. Победа Т. Томпсона выглядела как результат протестного голосования против прежнего руководства Висконсина и в то же время как проявление лояльности местного электората в отношении действующей республиканской администрации в Вашингтоне.

Наконец, в 1988 г. завершающий на рассматриваемом этапе электоральный сюрприз преподнесла Индиана. Казалось бы, общие обстоятельства складывались тогда в пользу «партии слона»: новым президентом США был избран республиканец Дж. Буш-старший (очевидный преемник Р. Рейгана и вице-президент в обеих его администрациях); эта же партия выиграла семь из 12 гу-

бернаторских кампаний. Подобный результат могла дополнительно улучшить Индиана, где республиканцы контролировали губернаторский пост уже 20 лет подряд. Однако именно там республиканский кандидат Дж. Матц (губернатор Р. Орт по закону не мог баллотироваться на следующий срок) сенсационно проиграл представителю демократов, молодому и яркому юристу Э. Баю. Подобный результат во многом объяснялся тем, что Э. Бай вел предвыборную борьбу под лозунгами низких налогов и сбалансированного бюджета, стирая в этом смысле привычную грань между республиканцами и демократами [15, р. 126–127]. Но в любом случае кампания 1988 г. в Индиане подчеркивала ограниченность попыток выявить строгую связь между результатами выборов и тем, что могло выглядеть как комплекс объективных предвыборных обстоятельств.

Впрочем, подобная констатация не должна приводить и к противоположному выводу – о полном отсутствии такого рода связей. Четырнадцатилетний период мониторинга (1976–1989 гг.), на протяжении которого губернаторские выборы проходили 17 раз в штатах Приозерья и 177 раз в целом по стране, дает исследователю значительный по объему и разнообразию материал для пробной систематизации данных. Если оставить за пределами этого обсуждения несколько неподтвердившихся гипотез, то можно отметить два основных обстоятельства.

Во-первых, правящая партия (независимо от того, были это демократы или республиканцы) в этом регионе несколько чаще теряла власть: на протяжении 1976–1989 гг. в Приозерье таких случаев насчитывалось семь из 17 (41,2%), а в целом по США – 65 из 177 (36,7%).

Во-вторых, при переходе от простой констатации побед или поражений к учету масштаба таких побед по количеству голосов (пересчитанных в проценты) открывается возможность и для корреляционного анализа. Процентное преимущество правящей партии, если она снова победила, или же ее отставание, если она проиграла, сопоставлялось с уровнем безработицы (конечно, также в процентах) на момент проведения выборов. В результате для Приозерья была получена умеренная по своей силе, но, как и ожидалось, отрицательная корреляция (-0,202): то есть, чем выше становилась безработица, тем хуже оказывались результаты у правящей партии (и вновь это могли быть как демократы, так и республиканцы).

Заметим также, что дополнительное тестирование только в рамках макроэкономического цикла 1980–1989 гг. (также, впрочем, вполне репрезентативного по количеству состоявшихся кампаний) выявило показательное различие: тот же коэффициент принимает в Приозерье значение -0,353 и фиксирует гораздо более выраженную связь, чем в целом по США (-0,129).

Итак, проблемный старопромышленный регион демонстрировал повышенную чувствительность электората к уровню безработицы, а также акцентированное недовольство в отношении действующей губернаторской власти. Эти наблюдения, впрочем, необходимо проверить на материалах, относящихся к следующему витку американской истории.

Период 1990–2000 гг. В 1990–1991 гг. Соединенные Штаты, как и многие другие страны, переживали новый циклический кризис экономики. Приозерье опять сталкивалось с подъемом уровня безработицы и множеством иных проблем, но все же ситуация в регионе была далеко не такой тяжелой, как во время прошлой рецессии, то есть в начале 1980-х гг. Это обстоятельство, особенно в сочетании с тем, что можно назвать первичной стабилизацией второй половины 1980-х гг., вскоре дало возможность аналитикам говорить, хотя и в вопросительном ключе, о признаках экономического возрождения в «ржавом поясе» [16].

Показательно, что даже в непростом 1990 г. жители региона проявили лишь умеренный уровень протестного голосования. Действующая власть победила в двух штатах, причем в обоих случаях речь шла о республиканцах. В Висконсине на второй срок без проблем был избран Т. Томпсон. Его однофамилец Дж. Томпсон, уже 14 лет занимавший пост губернатора в соседнем Иллинойсе, решил уйти из региональной политики. Преемник Дж. Томпсона Дж. Эдгар, сделавший акцент на новых социальных инициативах [15, р. 118], в достаточно острой борьбе смог сохранить для своей партии контроль над крупнейшим из приозерных штатов.

Что касается демократов, то они не только не сумели перехватить Иллинойс и Висконсин, но также потеряли Огайо и Мичиган. В Огайо у губернатора Р. Селесте, который по Конституции штата не имел права баллотироваться на третий срок, не нашлось сопоставимого по популярности преемника, и выборы завершились в пользу очень яркого республиканского кандидата Дж. Войновича. Еще более неприятным для «партии осла» был исход голосования в Мичигане: там казавшийся достаточно успешным руководителем Дж. Бланчард не смог продлить полномочия, уступив при минимальном разрыве по числу голосов республиканскому кандидату Дж. Энглери.

Конечно, результаты выборов 1990 г. в Огайо и Мичигане можно было по аналогии с некоторыми другими эпизодами трактовать в двойственном ключе: и как отражение недовольства своими губернаторами, и как косвенное проявление поддержки в отношении федеральной республиканской администрации во главе с президентом Дж. Бушем-старшим. Очевидно, что при акцентировании второго обстоятельства общие итоги полити-

ческого сезона в Приозерье выглядели, несмотря на циклический кризис, еще менее протестными.

Затем, с 1992–1993 гг., экономическая ситуация в США начала улучшаться. Новый подъем, как стало известно позднее, оказался одним из самых мощных и продолжительных в американской истории.

Очень большой и важный вклад в достижения этого времени внесла и пятерка индустриальных штатов, расположенных в районе Великих озер. Хорошие результаты демонстрировали многие традиционные для этого региона производства, ранее прошедшие через глубокую технологическую модернизацию. К волне прямых японских инвестиций и фундаментальной инженерной перестройке, произошедшей в 1980-е гг., например, в мичиганском автопроме [11, р. 165], в новом десятилетии добавились такие факторы, как низкий курс доллара и очень важная для автомобилестроителей доступность недорогого металла, причем его основным поставщиком стал другой гигант приозерной индустрии – сталелитейный комбинат в Гэри (штат Индиана), где тоже была проведена основательная модернизация [17]. К тому же, не ограничиваясь возрождением промышленности, регион успешно развивал и сервисную экономику: в частности, Чикаго, Детройт и Кливленд выступали в качестве мощных банковских центров [18, с. 223–228; 19, с. 330–331]. Словом, ситуация в регионе, несмотря на сохранение некоторых исторически сложившихся проблем, решительно отличалась в лучшую сторону от того, что наблюдалось на 15–20 лет раньше.

Все это стало отражаться и на событиях политической жизни. Некоторая склонность к лоялистскому голосованию, наметившаяся в регионе во время губернаторских кампаний 1990 г., в новых условиях стали мощной и устойчивой тенденцией.

В 1992 г. Индиана, голосовавшая, как обычно, не синхронно с соседними штатами, выразила уверенную поддержку действующему губернатору-демократу Э. Баю. Тогда же другой представитель Демократической партии (и тоже являвшийся региональным политиком, а именно губернатором южного штата Арканзас в 1979–1981 и 1983–1992 гг.) У. Клинтон одержал победу на выборах президента США. Дополнительно Э. Бая и У. Клинтона сближала принадлежность к лагерю «новых демократов», то есть к числу сторонников сбалансированного бюджета, умеренного налогообложения и поддержания благоприятных условий для частного бизнеса.

Однако через некоторое время администрация У. Клинтона столкнулась с очень быстрой потерей рейтингов, главным образом, из-за не принятой огромной частью американцев попытки провести реформу, которая могла бы ввести всеобщее и обязательное страхование в сфере здравоохранения. Результатом стала произошедшая в ноябре 1994 г.

«революция Гингрича»² – тяжелая электоральная неудача демократов и, соответственно, победа республиканцев, которые завоевали большинство в обеих палатах федерального Конгресса и множество губернаторских постов.

Очень заметный вклад в «революцию Гингрича» внесли и штаты Приозерья. Если в целом по США «партии слона» досталось две трети губернаторских кресел (24 из 36, оспаривавшихся тогда на выборах), то в изучаемом регионе результат был абсолютным – четыре места из четырех. Республиканцы Т. Томпсон в Висконсине, Дж. Эдгар в Иллинойсе, Дж. Энглера в Мичигане и Дж. Войнович в Огайо очень уверенно подтвердили свои полномочия. Подобные результаты вполне можно было рассматривать как знак несогласия с избыточными социальными инициативами и другими компонентами политики президента У. Клинтона. Но, конечно, на выборах такого ранга преобладала не федеральная, а местная повестка, и в связи с этим следует говорить о том, что в ноябре 1994 г. электорат четырех приозерных штатов прежде всего выразил поддержку своим губернаторам.

В аналогичной логике уместно рассматривать и исход выборов 1996 г. Вопреки распространенным ожиданиям, «революция Гингрича» не помешала президенту У. Клинтону добиться избрания на второй срок: свою роль сыграло очень хорошее состояние национальной экономики, а также способность Белого дома находить работающие компромиссы с «партией слона» в вопросах поддержания благоприятного делового климата. Вместе с тем республиканцы в 1996 г. удержали контроль над обеими палатами Конгресса и сохранили внушительный перевес в губернаторском корпусе. Одним из тех штатов, которые несколько ограничили региональные успехи республиканцев, оказалась Индиана. Там демократ Ф. О'Бэннон, преемник и близкий политический союзник ушедшего в отставку губернатора Э. Бая, смог сохранить высший административный пост для своей партии. Независимо от расклада сил на федеральной политической арене, непосредственно для Индианы и всего Приозерья такой результат стал еще одним случаем сохранившейся поддержки действующей власти.

Еще через два года вновь произошла фиксация имеющихся позиций. Во всех четырех штатах Приозерья, где срок губернаторских выборов наступил в 1998 г., электорат поддержал находившихся у власти республиканцев. Т. Томпсон в Висконсине и Дж. Энглера в Мичигане без особых проблем были избраны на очередные сроки. Как обычно, несколько сложнее ситуация была там, где действующие популярные лидеры не имели юридической возможности или по каким-либо

² По имени одного из лидеров Республиканской партии Н. Гингрича, ставшего с января 1995 г. спикером Палаты представителей.

соображениям не хотели баллотироваться вновь. Но и это не стало препятствием для сохранения той же правящей партии. В Иллинойсе вместо Дж. Эдгара новую победу республиканцам принес Дж. Райан, а в Огайо, где уже не выдвигался Дж. Войнович, аналогичный исход выборов обеспечил Р. Тафт (известный, в том числе, и как правнук 27-го президента Соединенных Штатов У. Тафта (1909–1913 гг.)).

В заключение этого обзора следует остановиться и на электоральных событиях 2000 г. Проходившие тогда президентские выборы запомнились очень напряженной борьбой и завершились поражением А. Гора – кандидата от правящей Демократической партии и вице-президента в администрации У. Клинтона. Новым лидером страны стал республиканец Дж. Буш-младший, также поднявшийся в Белый дом из региональной политики (с поста губернатора штата Техас (1995–2000 гг.)). Однако от общенациональной политической картины существенно отличались результаты голосования в Индиане. Поддержав выдвигавшегося на новый срок демократа Ф. О’Бэннона, этот штат создал уже 11-й эпизод в непрерывной серии побед правящих партий на губернаторских выборах в Приозерье.

Подводя итоги политической жизни Приозерья на протяжении всего макроэкономического цикла 1990–2000 гг., можно констатировать два наиболее заметных обстоятельства. Это, во-первых, очень низкая доля голосований, завершившихся не в пользу правящей партии – всего лишь 13,3 % (два случая из 15) против 32,9 % в общей сложности по США (51 случай из 155). Во-вторых, в паре показателей «процент безработных» – «процент голосовавших за правящую партию» по итогам периода 1990–2000 гг. было получено такое значение линейной корреляции (-0,225), которое выглядит достаточно близким к результату предыдущего периода. Приведенные данные, дополняя предыдущий комплекс наблюдений, позволяют теперь перейти к общим результатам проведенного исследования.

Выводы

Кратко рассмотренный в этой работе калейдоскоп из 32 региональных избирательных кампаний при всей их кажущейся разнонаправленности или даже хаотичности в действительности поддается некоторым обобщениям.

Прежде всего, следует отметить очень слабую связь между выборами подобного уровня и федеральным политическим лидерством. Данные в табл. 1 (приведенные по годам, когда губернаторские выборы были многочисленными), а также замеры за пределами изучаемого периода указывают на преимущественно республиканские симпатии электората в Приозерье, но не позволяют говорить о каких-либо устойчивых закономерностях в плане согласия или несогласия с Бе-

лым домом. Иными словами, в ходе губернаторских выборов американский избиратель, как правило, четко ориентируется на местные проблемы (или достижения) и мало задумывается о политике действующего президента.

В связи с собственно региональными кампаниями вновь следует вернуться к двум ранее обсуждавшимся индикаторам, но теперь уже применительно ко всему периоду наблюдений. Измерения фиксируют значимую отрицательную связь между уровнем безработицы и степенью доверия к правящей партии (вне зависимости от того, руководили штатом республиканцы или демократы) (табл. 2). Конечно, в конкретных случаях вполне могли включаться и другие факторы (высокая личная популярность кандидата, его блестящее выступление в предвыборных дебатах и т. д.), но в общем плане закономерность является устойчивой: при росте безработицы шансы правящей партии ощутимо снижаются, и наоборот. Вывод о наличии подобных влияний может показаться несколько тривиальным, однако именно эта корреляция получила надежное статистическое подтверждение – в отличие от ряда других предполагаемых взаимосвязей, которые исходно выглядели не менее вероятными. Также следует еще раз сказать об упоминавшихся тестовых замерах, которые показали более высокую чувствительность к фактору безработицы среди избирателей Приозерья (переживших очень непростые времена) по сравнению со всем электоратом США.

Эти же избиратели из штатов Приозерья, столь остро реагирующие на экономическую динамику, совершили поразительный разворот (табл. 2). В период 1976–1989 гг., который для данного региона может быть описан как время глубокого индустриального упадка и лишь первичного восстановления, правящие партии в Приозерье проигрывали выборы несколько чаще, чем в среднем в США. Зато в период выраженного восстановления 1990–2000 гг. регион, проявляя повышенную благодарность к действующей власти за столь непривычные успехи, решительно ушел в сторону лоялизма: смена правящих команд там происходила намного реже по сравнению с общенациональной картиной. Еще более резкий контраст (13,3 % против 41,2 %) возникал при сравнении с самим же Приозерьем в прежнее непростое четырнадцатилетие. Наконец, отметим в режиме фоновых сопоставлений и то, что на более долгосрочных хронологических дистанциях (40–50 лет) частотность голосования против правящих партий на губернаторских выборах в Приозерье близка к общим показателям по стране (32–35 %).

Таким образом, данные за период 1976–2000 гг. дают очень интересный пример нестандартного поведения избирателей в экстремальных (конечно, по меркам США) социально-экономических усло-

Исторические науки

виях. Подобные наблюдения, по представлению автора, заслуживают дальнейшего развития на материалах из других регионов, а также других периодов американской истории. Эти же сведения способны помочь, например, в прогнозировании

дальнейших политических и электоральных векторов в отношении современной Америки, переживающей серию неординарных кризисных событий в начале 2020-х гг.

Таблица 1
Доля губернаторских выборов, выигранных партией действующего президента, в США в целом и в Приозерье (проценты), 1978–1998 гг.

Table 1

Share of gubernatorial elections won by the incumbent president's party in the US in general and in the Great Lakes region (percentages), 1978–1998

Годы Years	1978	1982	1986	1990	1994	1998
Партия Party	Дем. Dem	Респ. Rep	Респ. Rep	Респ. Rep	Дем. Dem	Дем. Dem
США USA	58,3	25	47,2	41,7	30,6	30,6
Приозерье G. Lakes	0	25	50	100	0	0

Примечание. Расчеты автора на основе данных: [8]

Таблица 2
Коэффициент корреляции между уровнем безработицы и уровнем поддержки правящей партии на губернаторских выборах в Приозерье; доля выборов, завершившихся сменой правящей партии на губернаторских выборах в США и Приозерье (в скобках – общее количество избирательных кампаний), 1976–2000 гг.

Table 2

Correlation coefficient between the unemployment rate and the level of support for the ruling party in the gubernatorial elections in the Great Lakes region; share of elections that resulted in a change of the ruling party in gubernatorial elections in the US and the Great Lakes region (in brackets – the total number of election campaigns), 1976–2000

Периоды Periods	1976–1989 гг.	1990–2000 гг.	1976–2000 гг.
Корреляция Correlation	–0,202	–0,225	–0,350
Смена правящей партии: Change of the ruling party:			
США USA	36,7 % (177)	32,9 % (155)	34,9 % (332)
Приозерье G. Lakes	41,2 % (17)	13,3 % (15)	28,1 % (32)

Примечание. Расчеты автора на основе данных: [7; 8].

Литература

1. Chubb, J. Institutions, the Economy, and the Dynamics of State Elections / J. Chubb // *American Political Science Review*. – 1988. – № 1. – P. 133–154.
2. Ericson, R. S. A Gubernatorial Helping Hand? How Governors Affect Presidential Elections / R. S. Ericson, O. Folke, J. Snyder, M. James // *The Journal of Politics*. – 2015. – № 2. – P. 491–504.
3. Svoboda, C. J. Retrospective Voting in Gubernatorial Elections: 1982 and 1986 / C. J. Svoboda // *Political Research Quarterly*. – 1995. – № 1. – P. 135–150.
4. Bluestone, B. The Deindustrialization of America: Plant Closings, Community Abandonment, and the Dismantling of Basing Industry / B. Bluestone, B. Harrison. – New York : Basic Books, 1982. – 333 p.
5. High, S. Industrial Sunset: the Making of America's Rust Belt, 1969–1984 / S. High. – Toronto : University of Toronto Press, 2003. – 318 p.

6. Согомоян, З. А. «Рейганомика» и модернизация старопромышленных районов на Среднем Западе США в 1980-е гг. / З. А. Согомоян // *Клио*. – 2018. – № 10 (142). – С. 58–63.

7. Bureau of Labor Statistics. Economy at a Glance. – URL: <http://www.bls.gov/eag> (дата обращения: 25.08.2023).

8. Our Campaigns. – URL: <http://www.ourcampaigns.com> (дата обращения: 25.08.2023).

9. Stevens, W. K. Shut Down of Steel Works Stuns Youngstown / W. K. Stevens // *The New York Times*. – 1977. – September 21.

10. Гарбузов, В. Н. Революция Рональда Рейгана / В. Н. Гарбузов. – М. : Наука, 2008. – 567 с.

11. Smil, V. Made in the USA: the Rise and Retreat of American Manufacturing / V. Smil. – Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2013. – 332 p.

12. Сахаров, Н. А. Современная монополи-

стическая элита США / Н. А. Сахаров. – М. : Международные отношения, 1991. – 168 с.

13. Смирнягин, Л. В. Районы США: портрет современной Америки / Л. В. Смирнягин. – М. : Мысль, 1989. – 379 с.

14. Hanneman, J. Wisconsin Candidates are Poles Apart / J. Hanneman // *The Chicago Tribune*. – 1986. – October 3.

15. Mullaney, M. M. Biographical Directory of the Governors of the United States, 1988–1994 / M. M. Mullaney. – Westport (Conn.) : Greenwood Press, 1994. – 434 p.

16. Anderson, G. H. Is the Rust Belt's Revival Real? / G. H. Anderson // *Federal Reserve Bank*

of Cleveland. Economic Commentary. – March 1, 1992.

17. Holusha, J. Why American Steel is Big Again / J. Holusha // *The New York Times*. – 1994. – July 21.

18. Никитин, Л. В. Продолжение Уолл-стрит: Нью-Йорк и другие банковские столицы США на рубеже XX–XXI веков / Л. В. Никитин. – Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. – 545 с.

19. Никитин, Л. В. Найти свой путь в постиндустриальном мире: традиционные промышленные центры США и России в национальных банковских системах (1980–2010-е гг.) / Л. В. Никитин // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 327–337.

Согомонян Завен Аршавирович – аспирант кафедры всеобщей истории, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: zavens@inbox.ru. ORCID 0000-0002-1774-9232

Поступила в редакцию 15 октября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240103

GUBERNATORIAL ELECTIONS IN THE USA AS A MIRROR OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION: THE OLD INDUSTRIAL REGION OF THE GREAT LAKES, 1976–2000

Z. A. Sogomonyan

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article, based on statistical data and other sources, analyzes the results of gubernatorial elections held in the Great Lakes region of the US from 1976 to 2000. This territory is particularly interesting due to the old industrial nature of its economy and the social problems that arose from the partial destruction of traditional manufacturing in the 1960s and 1970s. An analysis of statistical data shows that the labor market situation had a significant influence on the results of gubernatorial elections, while the rise in unemployment noticeably weakened the position of the ruling party, regardless of whether the Democrats or Republicans were in power. A juxtaposition of two noticeably different periods (1976–1989 and 1990–2000) and a comparison between the Great Lakes region and the US as a whole indicates that the electorate in this old industrial region was highly responsive to changes in the economic situation. The database (with further expansions) may be useful for predicting some domestic political trends and the results of statewide elections in the US.

Keywords: USA, old industrial states, unemployment, gubernatorial elections, 1970–1990s.

References

1. Chubb J. Institutions, the Economy, and the Dynamics of State Elections // *American Political Science Review*. 1988. № 1. P. 133–154.
2. Ericson R.S., Folke O., Snyder J., James M. A Gubernatorial Helping Hand? How Governors Affect Presidential Elections // *The Journal of Politics*. 2015. № 2. P. 491–504.
3. Svoboda C.J. Retrospective Voting in Gubernatorial Elections: 1982 and 1986 // *Political Research Quarterly*. 1995. № 1. P. 135–150.
4. Bluestone B., Harrison B. *The Deindustrialization of America: Plant Closings, Community Abandonment, and the Dismantling of Basing Industry*. New York: Basic Books, 1982. 333 p.
5. High S. *Industrial Sunset: the Making of America's Rust Belt, 1969–1984*. Toronto: University of Toronto Press, 2003. 318 p.

6. Sogomonyan Z.A. «Reiganomika» i modernizatsiya staropromyshlennykh raionov na Srednem Zapade SShA v 1980-e gg. [“Reaganomics and Modernization of Old Industrial Regions in the Midwest of the USA in the 1980s”] // *Klio*. 2018. № 10 (142). S. 58–63.
7. Bureau of Labor Statistics. Economy at a Glance. URL: <http://www.bls.gov/eag> (data obrashcheniya: 25.08.2023).
8. Our Campaigns. URL: <http://www.ourcampaigns.com> (data obrashcheniya: 25.08.2023).
9. Stevens W.K. Shut Down of Steel Works Stuns Youngstown // *The New York Times*. 1977. September 21.
10. Garbuzov V.N. Revolutsiya Ronalda Reigana [Reagan Revolution]. M.: Nauka, 2008. 567 s.
11. Smil V. Made in the USA: the Rise and Retreat of American Manufacturing. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2013. 332 p.
12. Sakharov N.A. Sovremennaya monopolisticheskaya elita SShA [The Contemporary Monopolistic Elite of the USA]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 168 s.
13. Smirnyagin L.V. Raiony SShA: portret sovremennoi Ameriki [Regions of the USA: a Portrait of Modern America]. M.: Mysl', 1989. 379 s.
14. Hanneman J. Wisconsin Candidates are Pols Apart // *The Chicago Tribune*. 1986. October 3.
15. Mullaney M.M. Biographical Directory of the Governors of the United States, 1988–1994. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1994. 434 p.
16. Anderson G.H. Is the Rust Belt's Revival Real? // *Federal Reserve Bank of Cleveland. Economic Commentary*. March 1, 1992.
17. Holusha J. Why American Steel is Big Again // *The New York Times*. 1994. July 21.
18. Nikitin L.V. Prodolzhenie Uoll-strit: N'yu-Iork i drugie bankovskie stolitsy SShA na rubezhe XX–XXI vekov [The Greater Wall Street: New York City and Other Banking Metropolises of the USA in the Late 20th and Early 21st Centuries]. Chelyabinsk: SUSHPU, 2019. 545 s.
19. Nikitin L.V. Naiti svoi put' v postindustrial'nom mire: traditsionnye promyshlennye tsentry SShA I Rossii v natsional'nykh bankovskikh sistemakh (1980–2010-e gg.) [Finding a Way in the Post-Industrial World: Traditional Industrial Centers of the USA and Russia in the National Banking Systems (1980s – 2010s)] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. T. 1, № 3. S. 327–337

Zaven A. Sogomonyan – Postgraduate Student of the Department of World History, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: zavens@inbox.ru

Received October 15, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Согомонян, З. А. Губернаторские выборы в США как зеркало социально-экономической ситуации (на примере старопромышленного Приозерья в период 1976–2000 гг.) / З. А. Согомонян // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 20–28. DOI: 10.14529/ssh240103

FOR CITATION

Sogomonyan Z. A. Gubernatorial elections in the USA as a mirror of the socio-economic situation: the old industrial region of The Great Lakes, 1976–2000. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 20–28. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240103

АРХАИЗИРУЮЩАЯ И КЛАССИЦИЗИРУЮЩАЯ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА

А. Д. Акилова

*Российский государственный художественно-промышленный университет
имени С. Г. Строганова, г. Москва, Российская Федерация*

Статья посвящена художественным особенностям одного из ярких явлений отечественной живописи XVIII – XIX вв. – русскому провинциальному портрету. Целью исследования является выявление тенденций его развития, что способствует определению роли и места провинциального портрета в истории русского искусства. Опираясь на историко-культурный, формально-стилевой и иконографический методы анализа провинциальной живописи, а также на результаты реставрационных и технико-технологических исследований, мы предлагаем выделить две тенденции провинциального портрета: архаизирующую и классицизирующую. Архаизирующая тенденция опирается на иконописно-парсунную традицию, которая связана с системой провинциального художественного обучения, распространенного со второй половины XVIII в. Тем не менее, архаизирующая тенденция продолжает существование и в XIX в., развиваясь параллельно со вторым течением – классицизирующей тенденцией провинциального портрета. Эта тенденция ориентирована на столичное искусство, прежде всего – на классицизм, однако она улавливает различные стилевые направления, существовавшие на фоне классицизма, примеряя и адаптируя новейшие течения в провинциальной среде. Классицизирующая тенденция получает мощное развитие в первой половине – середине XIX в., что связано с просветительской деятельностью художников академической школы.

Ключевые слова: провинциальный портрет, русская живопись, художественный примитив.

Введение

Художественное своеобразие произведений русского провинциального портрета как феномена так называемой «третьей культуры» [1] следует рассматривать в контексте влияния двух традиций: столичной академической и народной, нашедших особое выражение в культурной среде провинциального города. На стыке этих культур, обозначая переход к эпохе Нового времени, находится провинциальный портрет – явление отечественного искусства, стойко сохранявшее свои черты на протяжении целого столетия – со второй пол. XVIII – по середину XIX в. Целый ряд провинциальных живописцев прочно вошел в историю отечественного искусства как «малые мастера» [2]: Григорий Сорока (1823–1864), Г. С. Островский (1756–1814), Н. Д. Мыльников (1797–1842), А. Ф. Крылов (1805/1807–1867), Павел Колендас (1820–?), И. В. Тарханов (1780–1848) и др. Их произведения находятся в крупнейших отечественных музеях и галереях: Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Тверской картинной галерее, Государственном Историческом музее и многих других.

Художественное образование имело в провинции свои особенности, которые мы подробно проанализировали, выделив два подхода к обучению, которые нашли отражение в специфике художественного образа провинциального портрета [3]. Продолжая исследование в данном направлении, мы предлагаем на основе анализа специфики про-

винциальной художественной подготовки выделить две основные тенденции – линии развития провинциального портрета.

Первая из них – архаизация, направленная на сохранение и передачу допетровских традиций и культуры. Она проявляется в использовании старинных техник и материалов, а также в отказе от современных художественных приемов и мотивов. Архаизирующая тенденция прочно связана с системой ученичества Оружейной палаты, преемственная традиция которой сложилась в провинции в период 1750–1800-х гг. и заключалась в универсальности художественного творчества: художник писал иконы, работал в иконописных артелях, создавал декоративные росписи, а также писал портреты. Все это нашло отражение в формировании специфической техники живописи, активно обращавшейся к достижениям иконописи и парсуны [4]. Однако в конце XVIII в. в самобытных галереях дворянских усадеб и городского чиновничества стали просматриваться попытки обращения провинциальной живописи к столичному классицизму. По этой причине вторая тенденция – это классицизация. Расцвет классицизирующей тенденции провинциального портрета приходится на 1810–1850-е гг. вследствие укрепления культурных связей столицы и провинции, именно в этот период в провинции появляются частные художественные школы, система обучения которых была ориентирована на Императорскую Академию художеств.

Обзор литературы

Существует несколько вариантов классификации провинциального портрета. Первая из них основывалась на сословном принципе (М. Д. Приселков [5]). Затем провинциальный портрет стал рассматриваться в русле художественного примитива, противопоставляя его академическому искусству (В. Н. Прокофьев [1], А. В. Лебедев [6], и др.). Внутри этой системы А. В. Лебедев предложил выделить портретную линию – «социально-этический примитив» [7]. Вслед за Лебедевым О. В. Александрова рассмотрела «портретные жанры примитива», выделив «дворянский усадебный», «старообрядческий», а также «женский костюмный портреты» [8].

На наш взгляд, существующая классификация имеет значительные недостатки. Понятие «художественный примитив» включает слишком широкий круг понятий, т. к. на наш взгляд, не все произведения провинциального портрета относятся к примитиву. Сословная типология, к сожалению, не видит формально-стилевых особенностей провинциального портрета, отличающихся от стиля академической традиции. По этой причине мы предлагаем новую типологию русского провинциального портрета.

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс историко-культурного, формально-стилевого, иконографического методов, а также результаты собственных технико-технологических и реставрационных исследований провинциальных портретов из собрания Музея Строгановского университета.

Результаты и дискуссия

Размышляя о путях развития русской портретной живописи, О. С. Евангулова предложила понятие «архаизирующая линия» [9], которое, на наш взгляд, характеризует явление провинциального портрета, обозначая его положение в истории развития отечественного искусства.

По этой причине первая выделяемая нами тенденция развития провинциального портрета – архаизирующая. Рассматривая особенности художественной подготовки в русской провинции [3], мы приходим к выводу, что русская парсуна и иконопись оказали значительное влияние на архаизирующий портрет. Прежде всего это выражается в специфической технике живописи, а также в особенностях художественного образа: в контрасте между объемной карнацией и плоскостной интерпретацией фигуры. В таких портретах часто отсутствует световоздушное пространство, и модель, как правило, окружена темным плоским фоном. Применяется кулисный принцип перспективы – кисти рук, элементы костюма и атрибуты не дают пространственной глубины и выглядят словно наложенными друг на друга, как плоские театральные кулисы.

«Портрет женщины в красной рубаше, высоком жемчужном головном уборе и фате» (XVIII в. музей РГХПУ (рис. 1)) является характерным примером данного типа портрета. Живописец предпочитает простой фронтальный разворот фигуры, избегая ракурсов.

Во время реставрации нами был проведен целый ряд исследований этого произведения, включающий оптические и физико-химические методы, в результате которых мы пришли к выводу, что в покровный лак была добавлена олифа [3, с. 64]. В 1750–1800-е гг. провинциальные художники зачастую состояли в иконописных артелях, что отражалось на технике живописи.

Так, например, в рассматриваемом портрете активно используются приемы иконописи: метод постепенного набирания тона от темного к светлому посредством техники «плавей» – нанесения нового красочного слоя поверх свежего слоя масла, благодаря чему края мазка становятся нечеткими и растушеванными.

Таким образом, «Портрет женщины в красной рубаше, высоком жемчужном головном уборе и фате» отражает влияние иконописного обучения на художественный образ произведения и является ярким примером архаизирующей тенденции провинциального портрета.

Классицизирующая тенденция провинциального портрета в какой-то мере согласуется с магистральной линией развития отечественной живописи XIX в., включившей в себя черты различных направлений, существовавших внутри классицизма, адаптированных под вкусы провинциального заказчика. Следует отметить, что большинство таких портретов ориентированы именно на классицизм и лишь в некоторых из них проявляются другие стилевые тенденции, что ясно прослеживается на портретах купеческой четы Басниных (1821 г., М. А. Васильев (рис. 2 и 3)) с типичным для романтизма пейзажным фоном, который, однако, в ряде случаев, контрастирует с крайним натурализмом и даже некоторой нелепой растерянностью выражения лица модели («Портрет сибирской купчихи», 1810-е гг. (рис. 4)). Все перечисленное свидетельствует лишь о поверхностном, формальном подражании романтизму в провинциальном портрете.

Влияние классицизма можно отметить в подавляющем числе провинциальных портретов. Так, типичная для классицизма композиция поясного портрета с включением жеста рук обнаруживает себя в целом ряде произведений, среди которых произведение известного провинциального живописца Григория Сороки (1823–1864), обучавшегося в школе А. Г. Венецианова [10], – «Портрет Л. Н. Милковой» (Г. В. Сорока, 1840-е гг. (рис. 5)), парных портретах купеческой четы кисти А. Чижова (1 четв. XIX в. (рис. 6 и 7)), парных портретах Ф. Ф. Гундорева и А. М. Гун-

дореволюционной (2 пол. XVIII в. (рис. 8 и 9)), парных портретах ржевской купеческой четы Образцовых (неизвестный художник. XIX в. Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 9273 и Инв. № 9274).

Целый ряд групповых семейных портретов также транслирует влияние классицизма в провинциальном портрете, к их числу относятся: «Портрет семьи Косиных за чаепитием» (Кучиков, 1840-е гг. Холст, масло. 60x71,5 см. Государственный исторический музей. Инв. № ИИ 5600), «Семейный портрет Сазоновых» (Первая половина XIX в. Холст, масло. 61,5x70,5 см. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Инв. № Ж-3356), «Московская семья» (Г. В. Сорока, 1840-е гг. (рис. 10)), «Семейный портрет» (середина XIX в. (рис. 11)) и др.

Следует отметить технико-технологические особенности провинциального портрета. Так, классицизирующий провинциальный портрет использует своеобразный живописный инструментариум, выработанный еще мастерами парсунной живописи Оружейной палаты Московского Кремля. Наши реставрационные исследования портретов из коллекции музея РГХПУ показывают, что покровный слой этих произведений состоит из масляно-смоляного лака. Во время реставрации потемневший лак не утончался традиционными для реставрации масляной живописи составами. С подобной проблемой сталкивался С. Ямщиков в 1970-е гг. Он сообщал, что во время реставрации 16 портретов Григория Островского (1756–1814) самым сложным процессом было удаление лака и записей, так как самые сильные растворители, используемые в реставрации картин, не действовали на потемневший слой лака. В итоге было решено снять лак с помощью скальпеля «по-сухому», без применения растворителей [11].

Мы можем сделать вывод, что использование масляно-смоляного лака является закономерным для провинциального портрета, имеющего глубокие связи с народным декоративным искусством, применявшим олифу в качестве покровного слоя.

Важно отметить, что обе тенденции провинциального портрета охватывают различные сословия. Так, например, архаизирующий портрет обращается к образам духовенства, зажиточного крестьянства и иногда купечества. Классицизирующий портрет, как правило, представляет дворянство, купечество и других представителей прогрессивного городского населения. Множество дворянских портретов, относящихся к классицизирующей тенденции, были созданы городскими или крепостными художниками. Например, пермский художник С. П. Юшков (1821–1865) – крепостной графов Строгановых, – работая в разных стилях, создавал портреты в классицизирующей манере, в их числе «Портрет Сергея Григорьевича Строга-

нова, военного и государственного деятеля» (1853 г. (рис. 12)) и «Портрет Таисии Петровны Серебениковой, дочери ильинского священника» (1850 г. (рис. 13)).

С другой стороны, им же созданы совершенно иные, архаизированные портреты, полностью исключая иллюзию воздушного пространства: парные портреты четы Шариных, оброчных крестьян графов Строгановых (1850-е гг. (рис. 14 и 15)). Шарины, несмотря на финансовую состоятельность, оставались лично несвободными, по этой причине не могли вступить в гильдию купцов [12], однако всеми силами стремились подражать этому сословию. Архаизация этих портретов объясняется, на наш взгляд, особенностями заказчика, представлявшего замкнутое, консервативное сословие, наиболее усердно хранящее традиции [13]. Эти парные портреты лишены какой-либо идеализации образа, модели обособлены друг от друга, сдержанны и подчеркнута статичны, как и многие другие портреты зажиточных крестьян, представляют архаизирующую тенденцию провинциального портрета.

Однако не стоит предполагать, что архаизирующая линия провинциального портрета ограничивается рамками XVIII в. – подобные произведения продолжали создаваться на протяжении следующего столетия, отражая потребность провинциального сообщества в неизменных традициях. Об этой черте провинциальной культуры сообщает И. С. Аксаков. В 1850 г. он писал: «Я вообще замечаю, по крайней мере, здесь, в Ярославской губернии: чем старше город, тем менее предприимчивости и деятельности в жителях. Например, Ростов: почти все богачи в нем – приписные из крестьян; зато проживая в Ростове они ведут торговлю с Хивой, Персией, Китаем, Сибирью и торгуют постоянно вне Ростова...» [14].

В связи с этим рассмотрим парные портреты ростовских купцов – братьев Королевых (1883 (рис. 16 и 17)), известных меценатов, пожизненных попечителей Ростовского Музея Церковных Ценностей [15]. Их портреты, очевидно написанные разными мастерами, наглядно представляют контраст архаизирующей и классицизирующей тенденций. Так, «Портрет ростовского и томского купца Всеволода Ивановича Королева» (1883 (рис. 16)) может быть отнесен к классицизирующей тенденции, в то время как «Портрет ростовского и томского купца Евграфа Ивановича Королева» (1883 (рис. 17)) обнаруживает черты архаизации.

Созданные в эпоху, когда провинциальный портрет становится пережитком прошлого, эти произведения отражают сложный процесс взаимодействия традиции и новаторских тенденций в провинциальной художественной культуре.

Рис. 1. Неизвестный художник. Портрет женщины в красной рубашке, высоком жемчужном головном уборе и фате. Конец XVIII в. Музей декоративно-прикладного и промышленного искусства РГХПУ им. С. Г. Строганова. Инв. № 1153
Fig. 1. Unknown artist. Portrait of a woman in a red shirt, a high pearl headdress and a veil. The end of the XVIII century. Museum of Decorative, Applied and Industrial Art of the Stroganov University. Inv. № 11

Рис. 2. М. А. Васильев (1784 – после 1839). Портрет Василия Николаевича Баснина. 1821 г. Холст, масло. 76x60 см. Государственный исторический музей. Инв. № И I 5589
Fig. 2. M. A. Vasiliev (1784 – after 1839). Portrait of Vasily Nikolaevich Basnin. 1821. Oil on canvas. 76 x 60 cm. The State Historical Museum. Inv. № И I 5589

Рис. 3. М. А. Васильев (1784 – после 1839). Портрет Елизаветы Осиповны Басниной, урожденной Портновой. 1821 г. Холст, масло. 75,5x60 см. Государственный исторический музей. Инв. № И I 5594
Fig. 3. M. A. Vasiliev (1784 – after 1839). Portrait of Elizaveta Osipovna Basnina, nee Portnova. 1821. Oil on canvas. 75.5 x 60 cm. The State Historical Museum. Inv. № И I 5594

Рис. 4. Неизвестный художник. Портрет сибирской купчихи. 1810-е гг. Холст, масло. 106x85 см. Государственный исторический музей. Инв. № И I 5597
Fig. 4. Unknown artist. Portrait of a Siberian merchant's wife. 1810s. Oil on canvas. 106 x 85 cm. The State Historical Museum. Inv. № И I 5597

Рис. 5. Г. В. Сорока (1823–1864). Портрет Л. Н. Милоковой. 1840-е гг. Холст, масло. 44,5x33,5 см. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ–1786
Fig. 5. G. V. Soroka (1823–1864). Portrait of L. N. Milyukova. 1840s. Oil on canvas. 44.5 x 33.5 cm. The State Hermitage Museum. Inv. № ЭРЖ–1786

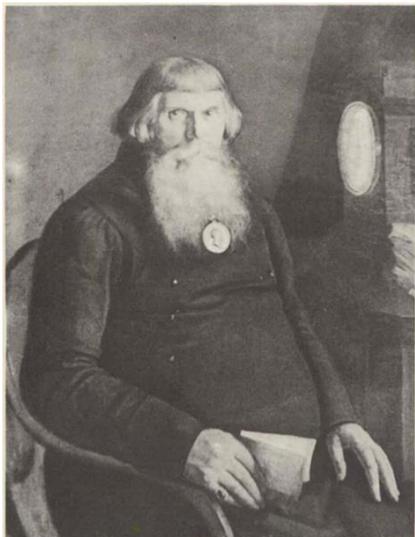

Рис 6. А. Чижов. Портрет купца с жалованной грамотой Александра I. Первая четверть XIX в. Одесский художественный музей
Fig. 6. A. Chizhov. Portrait of a merchant with a letter of commendation from Alexander I. The first quarter of the XIX century. Odessa Art Museum

Рис 7. А. Чижов. Портрет неизвестной купчихи. Первая четверть XIX в. Одесский художественный музей
Fig. 7. A. Chizhov. Portrait of an unknown merchant's wife. The first quarter of the XIX century. Odessa Art Museum

Рис 8. Неизвестный художник. Портрет купца Федора Федоровича Гундорева. Вторая половина XVIII в. Холст, масло. 75x94 см. Государственная Третьяковская галерея
Fig. 8. Unknown artist. Portrait of the merchant Fyodor Fedorovich Gundorev. The second half of the XVIII century. Canvas, oil. 75x94 cm. The State Tretyakov Gallery

Рис 9. Неизвестный художник. Портрет купчихи Авдотьи Михайловны Гундорева. Вторая пол. XVIII в. Холст, масло 75x94 см. Государственная Третьяковская галерея
Fig. 9. Unknown artist. Portrait of the merchant Avdotya Mikhailovna Gundoreva. The second half of the XVIII century. Oil on canvas 75x94 cm. The State Tretyakov Gallery

Рис. 10. Г. В. Сорока (1823–1864). Московская семья. 1840-е гг. Холст, масло. 84x95 см. Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова. Инв. № Ж-553
Fig. 10. G. V. Soroka (1823–1864). A Moscow family. 1840s. Oil on canvas. 84x95 cm. Moscow State Art Gallery of the People's Artist of the USSR Ilya Glazunov. Inv. № Ж-553

Рис. 11. Неизвестный художник. Семейный портрет. Середина XIX в. Холст, масло. 112x95 см. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Номер в Госкаталоге: 40673520
Fig. 11. Unknown artist. Family portrait. The middle of the XIX century. Canvas, oil. 112x95 cm. Nizhny Tagil Museum-reserve «Gornozavodskoy Urals». Number in the State Catalog: 40673520

Рис. 12. С. П. Юшков (1821–1860). Портрет С. Г. Строганова. 1850-е гг. Холст, масло. 68x56 см. Государственный Исторический музей. Инв. № И I 1101
Fig. 12. S. P. Yushkov (1821–1860). Portrait of S. G. Stroganov. 1850s. Oil on canvas. 68x56 cm. The State Historical Museum. Inv. № И I 1101

Рис. 13. С. П. Юшков (1821–1860). Портрет Таисии Петровны Серебениковой, дочери ильинского священника. 1850-е гг. Холст, масло. 54x40 см. Пермская государственная художественная галерея. Инв. № Ж-1193
Fig. 13. S. P. Yushkov (1821–1860). Portrait of Taisiya Petrovna Serebennikova, daughter of the Ilyinsky priest. 1850s. Oil on canvas. 54x40 cm. Perm State Art Gallery. Inv. № Ж-1193

Рис. 14. С. П. Юшков (1821–1860). Портрет П. П. Шариной, оброчной крестьянки графов Строгановых. 1850-е гг. Холст, масло. 58x48,5 см. Пермская государственная художественная галерея. Инв. № Ж–146
Fig. 14. S. P. Yushkov (1821–1860). Portrait of P. P. Sharina, a peasant peasant of the Counts Stroganov. 1850s. Oil on canvas. 58x48.5 cm. Perm State Art Gallery. Inv. № Ж–146

Рис. 15. С. П. Юшков (1821–1860). Портрет И. Я. Шарина, оброчного крепостного графов Строгановых. 1830–1865 гг. Холст, масло. 59x50 см. Пермская государственная художественная галерея. Инв. № Ж–144
Fig. 15. S. P. Yushkov (1821–1860). Portrait of I. Ya. Sharin, a serf of the Counts Stroganov. 1830 – 1865 Canvas, oil. 59x50 cm. Perm State Art Gallery. Inv. № Ж–144

Рис. 16. Винокуров. Портрет ростовского и томского купца Всеволода Ивановича Королева. 1883 г. Холст, масло. Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. Инв. № Ж–266

Fig. 16. Vinokurov. Portrait of Rostov and Tomsk merchant Vsevolod Ivanovich Korolev. 1883. Oil on canvas. The State Rostov-Yaroslavl Architectural and Art Museum-Reserve. Inv. № Ж–266

Рис. 17. Винокуров. Портрет ростовского и томского купца Евграфа Ивановича Королева. 1883 г. Холст, масло. Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник. Инв. № Ж–268

Fig. 17. Vinokurov. Portrait of the Rostov and Tomsk merchant Yevgraf Ivanovich Korolev. 1883. Oil on canvas. The State Rostov-Yaroslavl Architectural and Art Museum-Reserve. Inv. № Ж–268

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, мы предлагаем выделить две тенденции русского провинциального портрета: архаизирующую и классицизирующую. Пути развития провинциального изобразительного искусства второй пол. XVIII – середины XIX в. представляют сложный феномен, связанный с адаптацией традиционного феодального общества к реалиям Нового времени. Именно в этот период в русском искусстве появляется яркая форма художественного творчества, имеющая прочные связи с многовековой

традиционной культурой – русский провинциальный портрет, чьи художественные достижения привносят особенный колорит в наследие русского искусства.

Литература

1. Прокофьев, В. П. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) / В. П. Прокофьев // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. – М. : Наука, 1983. – С. 6–27.

2. Евсева, Е. Д. «Малые» русские портрети-сты конца XVIII – первой четверти XIX века и проблема работы по частному заказу : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Е. Д. Евсева. – М., 2013. – 31 с.
3. Акилова, А. Д. Проблема художественно-го образования и провинциальная живопись второй пол. XVIII – первой пол. XIX в. / А. Д. Акилова, К. Н. Гаврилин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 58–68.
4. Акилова, А. Д. Образ «Благочестивой царицы Марфы Матвеевны» и иконография русского провинциального портрета / А. Д. Акилова, К. Н. Гаврилин // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека : материалы XXXI Международных образовательных чтений. – М., 2023. – С. 277–282.
5. Купеческий бытовой портрет XVIII–XIX вв. Первая отчетная выставка Историко-Бытового Отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции» : каталог / Автор текста М. Приселков. – Л., 1925.
6. Лебедев, А. В. Тщанием и усердием: Примитив в России XVIII – середины XIX века / А. В. Лебедев. – М. : Традиция, 1998. – 247 с.
7. Лебедев, А. В. Поэтика провинциального портрета / А. В. Лебедев // История и культура Ростовской земли : тезисы докладов научной конференции. – Ростов, 1991. – С. 52–56.
8. Александрова, О. В. Купеческий портрет как жанр русской живописи : дис. ... канд. искусствоведения / О. В. Александрова. – СПб., 2006. – 188 с.
9. Евангулова, О. С. Портретная живопись в России второй половины XVIII в. / О. С. Евангулова, А. А. Карев. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 196 с.
10. Алексеева, Т. В. Художники школы Венецианова / Т. В. Алексеева. – М. : Искусство, 1958. – 322 с.
11. Ямщиков, С. В. Русский портрет XVIII–XIX веков в музеях РСФСР / С. В. Ямщиков. – М. : Изобразительное искусство, 1976. – 248 с.
12. Казаринова, Н. В. Кисть крепостного живописца / Н. В. Казаринова. – URL: http://prvregion.narod.ru/data/hstpm/kk_zhp.htm (дата обращения: 10.12.2022).
13. Касьян, А. А. Региональное мировоззрение (постановка проблемы) / А. А. Касьян // Жизнь провинции как феномен духовности : материалы Международной научной конференции ; под ред. Н. М. Фортунатова. – Нижний Новгород, 2004. – С. 101–104.
14. Аксаков, И. С. Письма к родным (1849–1856) / И. С. Аксаков. – URL: https://ru-lib.3dn.ru/publ/aksakov_ivan_sergeevich_pisma_k_rodnyim_1849_1856_stranica_11/1-1-0-2605.
15. Колбасова, Т. В. Купеческий портрет из собрания Ростовского музея : каталог / Т. В. Колбасова // Сообщения Ростовского Музея. Вып. XI. – Ростов, 2000.

Акилова Анна Дмитриевна – начальник отдела по воспитательной работе и культурно-массовым мероприятиям, Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (Москва), e-mail: pad.1994@mail.ru. ORCID 0000-0001-9963-3411

Поступила в редакцию 14 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240104

ARCHAIC AND CLASSICIZING TENDENCIES OF THE RUSSIAN PROVINCIAL PORTRAIT

A. D. Akilova

Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the artistic features of one of the striking phenomena of Russian painting of the XVIII – XIX centuries – the Russian provincial portrait. The purpose of the study is to identify trends in its development, thereby contributing to the definition of the role and place of the provincial portrait in the history of Russian art. Based on the historical-cultural, formal-stylistic and iconographic methods of analyzing provincial painting, as well as on the results of restoration and technical and technological research, we propose to identify two trends in provincial portraiture: archaic and classicizing. The archaic trend is based on the iconographic-parasunian tradition, which is associated with the system of provincial art education, widespread since the second half of the XVIII century. Nevertheless, the archaic trend continues to exist in the 19th century, developing in parallel with the second trend – the classicizing trend of provincial portrait. The classicizing trend was strongly developed in the first half – middle

of the XIX century, which is associated with the educational activities of the artists of the academic school. This trend is focused on metropolitan art, primarily on classicism, but it captures various stylistic trends that existed against the background of classicism, trying on and adapting the latest trends in the provincial environment. The classicizing trend was strongly developed in the first half to the middle of the XIX century, which is associated with the educational activities of the artists of the academic school.

Keywords: provincial portrait, Russian painting, artistic primitive.

References

1. Prokofyev V.P. O trekh urovnyah hudozhestvennoj kul'tury Novogo i Novejshego vremeni (k probleme primitiva v izobrazitel'nyh iskusstvah) [On Three Levels of Artistic Culture of Modern and Modern Times (on the Problem of the Primitive in the Visual Arts)] // *Primitiv i ego mesto v hudozhestvennoj kul'ture Novogo i Novejshego vremeni*. M.: Nauka, 1983. S. 6–27.
2. Evseeva E. D. «Malye» russkie portretisty konca XVIII – pervoj chetverti XIX veka i problema raboty po chastnomu zakazu [“Small” Russian Portraitists of the Late XVIII – the First Quarter of the XIX Century and the Problem of Work on a Private Order]: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2013. 31 s.
3. Akilova A.D., Gavrilin K.N. Problema hudozhestvennogo obrazovaniya i provincial'naya zhivopis' vtoroj pol. XVIII – pervoj pol. XIX v. [The Problem of Art Education and Provincial Painting of the Second Half XVIII – First Half XIX Century] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 2022. T. 22, № 4. S. 58–68.
4. Akilova A.D., Gavrilin K.N. Obraz «Blagochestivoj caricy Marfy Matveevny» i ikonografiya russkogo provincial'nogo portreta [The Image of the “Pious Queen Marfa Matveevna” and the Iconography of the Russian Provincial Portrait] // *Global'nye vyzovy sovremennosti i dukhovnyy vybor cheloveka: materialy XXXI Mezhdunarodnykh obrazovatel'nykh chteniy*. M., 2023. S. 277–282.
5. Kupecheskij bytovoj portret XVIII–XIX vv. Pervaya otchetnaya vystavka Istoriko-Bytovogo Otdela Russkogo muzeya po rabote nad ekspoziciej «Trud i kapital nakanune revolyucii» [Merchant's Household Portrait of the XVIII–XIX Centuries. The First Report Exhibition of the Historical and Everyday Department of the Russian Museum on the Work on the Exposition “Labor and Capital on the Eve of the Revolution”]: katalog / Avtor teksta M. Priselkov. L., 1925.
6. Lebedev A.V. Tshchaniem i userdiem: Primitiv v Rossii XVIII – serediny XIX veka [With Care and Diligence: Primitive in Russia of the XVIII – Early XIX Century]. M.: Tradiciya, 1998. 247 s.
7. Lebedev A. V. Poetika provincial'nogo portreta [The Poetics of Provincial Portrait] // *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Rostov, 1991. S. 52–56.
8. Aleksandrova O.V. Kupecheskij portret kak zhanr russkoj zhivopisi [Merchant Portrait as a Genre of Russian Painting]: diss. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2006. 188 s.
9. Evangulova O.S., Karev A.A. Portretnaya zhivopis' v Rossii vtoroj poloviny XVIII v. [Portrait Painting in Russia of the Second Half of the XVIII Century]. M.: Izd-vo MGU, 1994. 196 s.
10. Alekseeva T.V. Hudozhniki shkoly Venecianova [Artists of the Venetsianov School]. M.: Iskusstvo, 1958. 322 s.
11. Yamshchikov S.V. Russkij portret XVIII–XIX vekov v muzeyah RSFSR [Russian Portrait of the XVIII–XIX Centuries in the Museums of the RSFSR]. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1976. 248 s.
12. Kazarinova N.V. Kist' krepostnogo zhivopisca. [The Brush of the Serf Painter]. URL: http://prvregion.narod.ru/data/hstpm/kk_zhp.htm (data obrashcheniya: 10.12.2022).
13. Kas'yan A.A. Regional'noe mirovozzrenie (postanovka problemy) [Regional Worldview (Problem Statement)] // *Zhizn' provintsii kak fenomen dukhovnosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; pod red. N.M. Fortunatova*. Nizhniy Novgorod, 2004. S. 101–104.
14. Aksakov I.S. Pis'ma k rodnym (1849–1856) [Letters to Relatives (1849–1856)]. URL: https://ru-lib.3dn.ru/publ/aksakov_ivan_sergeevich_pisma_k_rodnyam_1849_1856_stranica_11/1-1-0-2605.
15. Kolbasova T.V. Kupecheskij portret iz sobraniya Rostovskogo muzeya [Merchant Portrait from the Collection of the Rostov Museum]: katalog // *Soobshcheniya Rostovskogo Muzeya*. Vyp. XI. Rostov, 2000.

Anna D. Akilova – Head of the Department for Educational Work and Cultural Events, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), e-mail: pad.1994@mail.ru

Received November 14, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Акилова, А. Д. Архаизирующая и классицизирующая тенденции русского провинциального портрета / А. Д. Акилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 29–38. DOI: 10.14529/ssh240104

FOR CITATION

Akilova A. D. Archaic and classicizing tendencies of the Russian provincial portrait. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 29–38. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240104

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИВОПИСИ ГУН ЛИЛУНА

Б. Ван^{1,2}

¹ Университет города Цицикар, Академия изобразительного искусства и художественного дизайна, г. Цицикар, Китайская Народная Республика

² Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, г. Красноярск, Российская Федерация

Начиная с первых лет XX века, когда в Китае появились художники, пишущие маслом в традициях западноевропейского художественного творчества, станковое реалистическое искусство Поднебесной непрерывно обновлялось и достигло значительных результатов, чем привлекло всеобщее внимание как в собственной стране, так и за рубежом. Нет сомнения в том, что достигнутый китайскими живописцами успех в существенной мере стал следствием приобщения современного искусства к национальной культуре.

Сегодня лучшие художники в КНР гармонично сочетают форму и содержание западного искусства с отечественными художественными традициями, формируя стиль, обладающий собственным китайским колоритом. К ним, без сомнения, можно отнести выдающегося живописца Гун Лилуна, творчество которого в России знакомо лишь узкому кругу ценителей. Следует заметить при этом, что его работы неоднократно выставлялись в музеях Китая и за рубежом. Он прошёл путь от реализма к неопримитивизму, избегая стилизации и подражания мастерам из народа и стремясь к выражению существенных сторон народной эстетики.

В представленном исследовании полотна Гун Лилуна рассмотрены с точки зрения национальной культуры, исторического контекста и его биографии. Также автором показано изменение его стиля и тематики произведений на протяжении всего творческого пути и прослежены этапы формирования уникального языка символов этого живописца. Особое внимание уделено реалистическому периоду творчества художника и его вкладу в развитие станковой живописи Северо-Востока КНР и страны в целом.

Ключевые слова: Гун Лилун; северо-восточная масляная живопись; язык искусства; реалистическая живопись; региональная культура.

Введение

Станковая живопись Северо-Востока КНР является одним из уникальных явлений современного искусства, поскольку она отражает региональную культурную специфику. Одним из её ярких представителей является Гун Лилун, который широко известен в Китае.

Живописец при работе над своими произведениями черпает вдохновение в национальной культуре, а также часто цитирует достижения западного изобразительного искусства. Гун Лилун обращается к актуальным социальным проблемам, для отражения которых использует выразительные средства современного художественного творчества. Полотна мастера передают его непосредственные жизненные впечатления. Он отказывается от привычных методов, живописных приемов и форм, чтобы усилить выразительность работ. Можно сказать, что Гун Лилун создал свой уникальный образный язык, нашедший свое выражение в серии холстов, посвященных сценам из жизни крестьян Северо-Востока.

Обзор литературы

Ранее не проводился системный анализ творчества Гун Лилуна, хотя художник получил широкую известность на родине и за рубежом за серию своих картин, посвященных крестьянам. Именно

эти произведения прославили мастера, сделали его имя известным далеко за пределами Китая. Данные работы уникальны, потому что ему удалось создать свою систему образов и символов, разработать свой авторский пластический язык. При всей своей внешней грубости и непривычности тем, которые порой шокируют зрителя, полотна Гун Лилуна отличаются вниманием к личности человека, отражают сопереживание автора «бедным, злым и любимым», по выражению Л. Е. Улицкой, людям, которые по-своему понимают счастье и несмотря ни на что ищут и находят любовь в этом мире.

В своем исследовании «Национальная культура и история как основополагающие ценности современной масляной живописи Китая» Лю Тяньсян анализирует причины, по которым китайские художники XX–XXI веков обращаются к теме жизни простых людей. В данной статье рассматриваются методы их работы, идейное и образное содержание полотен [1, с. 89].

Исследование Цзя Яна «Воплощение представлений о синтезе искусств в творчестве современных китайских авторов» [2, с. 82] посвящено причинам, по которым китайские художники, наши современники, меняют направление своего творческого поиска. Ученый отмечает, что мастера

сегодня обращают пристальное внимание на кардинальное изменение жизни жителей сел и городов. Хань Бин в исследовании «Авторский стиль как система в современной китайской живописи» указывает на то, что живописцы Поднебесной часто совмещают методы традиционного искусства и искусства нашего времени в своих произведениях [3, с. 9].

Сяо Сяо в своем научном труде «Современные центры крестьянской живописи Китая» рассмотрел творческий путь художника и его произведения, проанализировал причины смены его стиля [4, с. 117]. Цай Сяньлян, много писавший о творчестве Гун Лилуна, в своих работах делает акцент на эстетических установках мастера и авторском самовыражении чувств в серии полотен о жизни крестьян [5, с. 170].

В своем научном труде «Культурологический анализ особенностей китайской национальной живописи» Бин Лин исследовал основные произведения Гун Лилуна, созданные в период с 1980 по 2018 год, и разбил их на категории, подробно изучив методы и приемы его работы [6, с. 57].

Пен Сю Ин в своей работе «Анализ изобразительного искусства Китая» отметил влияние художников, живущих на российском Дальнем Востоке, на творчество Гун Лилуна. Ученый подробно рассмотрел отображение этого явления в произведениях мастера, посвященных крестьянской тематике [7, с. 202].

В статье Чжоу Сянь «Современная художественная культура КНР» [8, с. 150] проанализирован процесс работы художника над созданием персонажей с нескольких точек зрения. Автор рассматривает динамику форм персонажей, сложения их образов, выражения их внутреннего мира через мимику. Также в данном научном труде отмечается скульптурность фигур изображенных Гун Лилуном людей. На это указывает и Чжан Цзянь в работе «История современного изобразительного искусства. Размышления о произведениях живописи, посвященных важным историческим событиям в жизни страны» [9, с. 98].

Методы исследования

В процессе работы применялись как общелогические теоретические и эмпирические методы исследования, так и специальные, характерные для искусствоведения. При изучении живописных произведений Гун Лилуна использовался формально-стилистический и иконологический анализ, давший возможность продуктивно работать над разрешением проблемы синтеза западноевропейской и национальной китайской живописи. Единый междисциплинарный подход во многом способствовал этому.

Результаты и дискуссия

Гунь Лилун родился в 1953 году в городе Далянь провинции Ляонин¹. В 1982 году окончил

факультет живописи Лу Сюньской академии изящных искусств. В разное время преподавал и работал как руководитель в различных учебных художественных заведениях. Талант художника у Гун Лилуна проявился ещё в раннем детстве. В период культурной революции Гун Лилун делал в огромном количестве пропагандистские плакаты и живописные работы на темы революционного строительства. В эти годы в китайской живописи преобладала тематическая картина.

В 1978 году Гун Лилун стал студентом Лу Сюняньской академии искусств². Обучение будущих художников проходило по программе, аналогичной принятой на тот момент в СССР. Акцент был сделан на основах рисунка, преподавание которого было ориентировано на научность и системность.

Когда период увлечения модернизмом у Гун Лилуна закончился, он обратился к стилистике неоклассицизма. В 1987 году он завершил работу «Девушка перед зеркалом» (рис. 2). В 1989 году художник создал картину «Невеста» (рис. 3), в которой продемонстрировал свое мастерство реалиста, работающего в неоклассическом стиле. Изображение выполнено лессировками с применением изобретенного Леонардо да Винчи сфумато. Композиционный центр выделяется с помощью света, который не лепит объём, а делает его более четким, выделяя главное из общей массы. Форма написана мягко. Автор демонстрирует высочайший уровень живописного ремесла. Гун Лилун в это время обратил более пристальное внимание на личность человека, на его душевные переживания. Герои его произведений этого времени погружены в глубокую задумчивость, изображены сосредоточенно размышляющими, а лица их прекрасны.

В 1980 году Гун Лилун начал работать над произведениями на городскую тематику, которые были написаны в стилистике советского сурового стиля. После принятия политики открытости в Китае стали издаваться каталоги зарубежных художественных выставок и иностранные книги, посвященные станковой живописи. Они привлекли внимание мастера возможностью узнать больше о разнообразии жанров и направлений, существующих в мировом искусстве.

Гун Лилун написал в 1980 году картину «Дорога» (рис. 1), которая получила третью премию на Всенародной выставке молодежного искусства. Мастер в этот период часто писал городские мотивы плоскостно, обобщая формы, прорабатывая только необходимые детали (лица, руки или архитектуру). Он находился в поиске своего выразительного языка и новых форм живописи.

порт в заливе Даляньвань Жёлтого моря на южной оконечности полуострова Ляодун – Квантунском полуострове.

² Академия изящных искусств Лу Сюня или LAFA – художественная школа в Шеньяне, провинции Ляонин, Китай.

Гун Лилун в 1991 году обучался приемам работы с масляными красками у французского художника Клода Ивеля, когда тот приезжал в Китай для проведения уроков по технологии западной живописи. Учеба в вузе и участие в семинаре француза легли в основу профессионального образования Гун Лилуна [10, с. 118]. В этот же год живописец волею случая оказался на пленэре в деревне. Это стало началом нового периода в его творчестве.

Посещая деревни для работы на пленэре, он видел, как села начали меняться под влиянием новой городской культуры. Эти изменения привлекли внимание Гун Лилуна к жизни селян. С этого периода он стал трудиться над созданием произведений, героями которых были жители Северо-Востока КНР. В разное время появились такие холсты и картины, как «Девушка, спешащая в гости» (рис. 4), «Встреча с землей» (рис. 5), «Сельский староста» (рис. 8), «Модная походка» (рис. 9), «Полет», «Танго» (рис. 12) и другие.

На картине «Новый образ» (рис. 6) изображена молодая женщина, помогающая девочке-подростку заплести косы. Старая цветочная хлопчатобумажная куртка, выглядывающий кусочек свитера и модные джинсы с металлическими заклепками словно покрыты тонким слоем глины. Это создает ощущение простоты жизни. Гун Лилун сумел точно передать типаж жителей Северо-Восточного Китая.

В произведениях Гун Лилуна 1990-х годов четко прослеживается пластика и образный язык, характерный для скульптуры эпохи Цинь и Хань. Мастер в этот период не стал менять свою живописную технику, но трактовка образов стала более скульптурной, обобщенной, напоминающей глиняных фигурки эпохи Цинь³ и Хань⁴. Ханьские погребальные статуэтки отражают реальную жизнь китайцев в древности, а также философские и эстетические установки. В этих статуэтках присутствует стремление к простоте, безыскусности и гармонии. Кроме того, они обладают бурной, кипучей жизненной силой и открывают путь для развития традиционной скульптуры и живописи (рис. 7, 10, 11, 13).

В качестве примера можно привести такие работы Гун Лилуна, как «Танго» и «Игра в бильярд» (рис. 12, 16), где персонажи изображены в динамике, а танцующие фигуры в диптихе «Две маленькие пчелы» (рис. 14–15) почти точно повторяют движения фигурок из глины времен Хань, изображающих музыкантов или танцоров.

Телодвижения этих персонажей имитируют пластику ханьских статуэток (рис. 7, 10, 11, 13),

выделяются очаровательной простотой и передают эмоции танцоров. Формы тела танцующих также заимствованы Гун Лилуном у древних скульптурок. Они округлы и тяжеловесны, словно высечены из камня или сделаны из глины. Хотя у них круглые короткие искривленные руки и ноги, но двигаются они легко и с безудержной энергией. В своих многочисленных интервью Лилун говорит о том, что черпает вдохновение в искусстве времен царствования Цинь и Хань [11, с. 16].

В других его произведениях герои напоминают китайских глиняных воинов терракотовой армии Цинь или каменные статуи из могильника выдающегося генерала империи Хань (рис. 19, 20, 21), разгромившего гуннов и захватившего земли современной провинции Ганьсу Хо Цюйбина [12, с. 746–747]. Ощущение массивности и прочности формы присутствует в таких его работах, как «Урожай» и «Осенний ветер» (рис. 26–27), где фигуры людей словно высечены из камня. Гун Лилун умело пользуется языком древней скульптуры, находя новые пути развития для своего творчества.

Персонажи мастера, несмотря на юмористическую окраску, отличаются символической и отражают стремление мастера к простому, обыденному существованию, которое он по-своему интерпретирует, искренне и тепло изображая быт крестьян, их реальную, конкретную и бесконечно живую жизнь.

Постепенно мастер начинает писать все более экспрессивно, используя мастихин и широкую кисть. Так он отражает влияние нашей промышленной цивилизации на привычный уклад селян, для которых главным занятием остается земледелие. При этом люди на селе не стоят в стороне от жизни горожан, перенимая их эстетические вкусы, понимание действительности и мечты о будущем и пока не наступившем счастье. Гун Лилун трактует крупные формы звучными, чистыми цветами, в которых видны черты искусства эпохи династий Хань и Тан. Произведения живописца выглядят современно, при этом они обладают ярко выраженным восточным очарованием.

В картинах «Девушка, спешащая в гости», «Сельский староста» и «Модная походка», посвященных родному для Гун Лилуна Северо-Востоку, явственно видны приметы времени, например, узор на ткани, из которой сшита одежда девушки в первом из указанных полотен. У некоторых женщин, изображенных в работах «Новый образ», «Танго», «Модная походка» и «Игра в бильярд», волосы украшены большими ярко-красными цветками и зачесаны в высокие, пышные прически, которые были популярны в 1990-х годах в селах Северо-Востока Китая.

После 2013 года картины Гун Лилуна стали менее динамичными, но усилилась психологическая составляющая. Яркие и насыщенные цвета

³ Династия Цинь, официально Великая Цинь, была последней династией в имперской истории Китая.

⁴ Империя Хань – китайская империя, в которой правила династия Лю, и период истории Китая после империи Цинь перед эпохой Троецарствия.

уступили место более спокойным, но сохранилась прежняя трактовка форм и образов. Автор идет по пути обобщения, упрощая изображения и выделяя лишь главное, часто отказываясь от привычной для человека мимики. Это, к примеру такие работы, как «На льду» и «Потомки старого Яна», написанные в 2013 году (рис. 24–25).

Постепенно персонажи Гун Лилуна стали заполнять собой почти все пространство холста. При этом фон становится упрощенным, почти неразработанным. В произведениях этого периода хорошо виден авторский почерк, его условный, символический язык. Форма обобщена до предела, а образное содержание в большей мере отражает субъективную реальность живописца, чем окружающую действительность. В качестве примера можно привести такие работы, как «Урожай» и «Осенний ветер» (рис. 26–27), созданные в 2016 году. Цветовая гамма этих картин серо-голубая, более тихая и спокойная. Художник обобщает изображение почти до знака, а сами произведения делаются очень графическими. Таким образом он стремится донести до зрителей свои размышления о жизни.

Северо-Восток КНР отличается географическим и климатическим разнообразием, а население в основном занимается сельским хозяйством. Суровый климат требует от земледельцев большой силы и выносливости, готовности бороться с трудностями, умения рисковать. Эти качества стали наследственными чертами народов, населяющих этот регион [12, с. 85]. Все это отражено в живописи Гун Лилуна, который изображает своих персонажей «плохо скроенными, но крепко сшитыми», как говорит одна из русских поговорок. Люди у мастера округлые, коротковатые, неуклюжие. Танцующие пары на холстах отдаются музыке самозабвенно и очень грациозно двигаются, ничего не видя и не слыша вокруг себя.

С течением времени Гун Лилун совершенствуется в технике западноевропейской масляной живописи. Произведения 2010-х годов несут черты неоклассицизма и древней китайской скульптуры, формотворчества западного изобразительного искусства и магической атмосферы традиционной культуры Китая. Например, в работе «Полет» (рис. 28) тяжеловесность формы согласуется с разным духовным содержанием, а фон, вплетенный в фигуры, сливается с изображением персонажей, выделяет их и одновременно углубляет пространственное восприятие картины.

Гун Лилун осознанно изображает своих героев как нечто тяжелое, неподвижное существующее вне времени. В первых работах этой серии у персонажей чаще всего отсутствует динамика, но есть и исключения. К примеру, в картине «Плодородная земля» (рис. 29) изображен мужчина, стремительно бегущий, а женщина рядом практически парит в воздухе, при этом каждый из них совершенно самостоятелен и независим.

В работе «Лотосы над водой» (рис. 30) персонажи изображены в процессе исполнения восточного танца с платками, которые необходимо вращать очень быстро. На картине платки показаны неподвижными, замершими в полете словно камни. Танцующие также напоминают раскрашенные скульптуры. Гун Лилун сознательно придает своим героям статичность и тяжеловесность, чтобы усилить их монументальность и придать им некоторую возвышенность.

В работах на городские и сельские темы Гун Лилун обычно использует контрастные и взаимодополняющие цвета. Красный, зеленый, черный, синий и желтый являются основными цветами в большинстве его произведений. Цвет имеет у Гун Лилуна богатый культурный подтекст и соотносится с символикой его народа. К примеру, в культуре Поднебесной красный означает процветание и счастье, зеленый – чистоту и здоровье, черный – серьезность, синий – гармонию, желтый – царственность [13, с. 747].

На полотне «Сельский староста» представлен пожилой человек, на шее которого повязан красный галстук, у него белая рубашка, зеленый свитер, синий рабочий пиджак, а поверх всего этого одета теплая желтая куртка. Мужчина, лицо которого выражает удовольствие, изображен на коричнево-желтом фоне. Все говорит о том, что он всем доволен и наслаждается жизнью.

В этом произведении для каждого цвета есть дополнительный, а синий и желтый тона занимают большую часть изображения. Это придает работе динамику. Колорит фона напоминает о земле и доме, сообщая зрителю, что изображенный человек – честный труженик. Красный китайцы любят больше всего, потому что он символизирует для них все самое лучшее. Зеленый противостоит алону и имеет важное значение в китайской народной культуре.

В народном китайском искусстве красный и зеленый цвета вместе считаются самой энергетически сильной комбинацией [14, с. 117]. Гун Лилун в «Танце дружбы» (рис. 32) за основу колорита взял их для одежды танцоров и фона. Это усиливает энергетику полотна. Хотя художник снизил насыщенность цветового тона для достижения гармонии, но все же мастеру удалось добиться эмоционального отклика у зрителей. Гун Лилун выбрал эти краски для своей работы также потому, что это традиционные оттенки национального костюма жителей Северо-Востока. Персонажи живописца очень близки к природе.

Зимой в Северо-Восточном Китае все носят толстые пуховики и ватники, в которых люди издалека выглядят как закутанные в теплые одеяла малыши. Складки на куртках со временем делаются очень глубокими, поверхность одежды становится очень неровной, в рытвинах и впадинах, но на картинах Гун Лилуна одеяния героев не имеют следов износа, они всегда новые. На округлых формах персонажей нет острых углов. Эта шарообразность

позволяет зрителю почувствовать мягкость внутреннего мира и миролюбие в поведении людей.

В работах разных периодов, очень разнообразных по стилям, жанрам и направлениям, несмотря на стихийность сюжетов, присутствует строгий порядок и сбалансированность элементов. Композиция и колорит жестко организованы. Это наиболее характерно для таких холстов, как «Луна сияет на тысячи километров» (рис. 18), «Танец» (рис. 31) и «Полет» (рис. 28).

Фонем для молодых пышнотелых женщин и простодушных мужчин, одетых в яркую нелепую одежду, комичных и неуклюжих, может быть открытое небо, голая земля или крашенная стена и деревянный пол. Танцоры делают экстравагантные танцевальные движения, а мимика их напоминает карикатуру. При этом для картины важны даже мельчайшие детали, например, руки, которые поднимаются «как цветок ландыша», кончики пальцев ног или летящий угол куртки. Нескладные тела персонажей создают контраст с их вычурными почти балетными па. Так весело и беззаботно могут отдыхать только честные труженики, несмотря на тяготы существования на селе. Они ещё не утратили тяги к свободе, сохранили любовь к жизни [15, с. 35].

Родившийся и выросший на Северо-Востоке Китая Гун Лилун хорошо знает реальную жизнь и культуру этого региона. Он сознательно делает фактуру своих полотен, посвященных жителям Северо-Востока, похожей на кожуру, древесную кору или глину. Это придает работам эффект натуральности и обыденности, близости к земле. Эта грубость противопоставляется рафинированности современного урбанизированного общества и позволяет ощутить простоту и полноту существования крестьян. В качестве наиболее яркого примера этого можно привести картину «Птица Феникс» (рис. 23), на которой даже время остановилось под влиянием всеобъемлющей силы природы.

Следует сказать, что чаще всего Гун Лилун изображает двоих людей, мужчину и женщину, как символ вечной гармонии. На полотне «Встреча с землей» хотя и изображена одна молодая крестьянка, но она ведет в поводу корову, которая зани-

мает половину картины, хотя в реальности она намного больше человека. Это было сделано специально для усиления эффекта единения и равноправия всего живого на планете. Графичность и простота изображения создают потрясающее ощущение безвременности. Девушка идет уверенно, она не боится тяжелого труда, кожа на лице обветрена и темна от загара, а её фигура словно вырастает из земли.

В холстах «Луна сияет на тысячи километров» (рис. 18), «Танец» (рис. 31), «Полет» (рис. 28), «Танец дружбы» (рис. 32), «Птица Феникс» (рис. 33) или «Прыжки через коня» (рис. 34) персонажи также равнозначны между собой и создают ощущение мощи и величия. Фон в этих работах не важен и служит только как декорация для актеров на сцене.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что Гун Лилун, опираясь на традиции китайской художественной культуры, новаторски трансформировал методику станковой реалистической живописи маслом, придавал ей новые импульсы и иной тип мышления. Живописцу удалось сформировать уникальный образный язык, найти свою тему в многообразии стилей и направлений современного изобразительного искусства, а обращение к национальной культуре сделало его работы поэтичными, способными вызвать отклик у зрителей. При этом он избежал растворения в общей массе художников.

Можно утверждать также, что творчество Гун Лилуна оказало положительное влияние на развитие реалистического направления в современной живописи Китая и способствовало сохранению уникальной культуры Северо-Востока Поднебесной. В смешных и карикатурных образах персонажей Гун Лилуна просматриваются характерные черты и духовное состояние его земляков, а также демонстрируются местные народные обычаи. Стиль мастера сочетает собственную фантазию художника и красоту традиционной китайской живописи с западноевропейским искусством.

Рис. 1. Гун Лилун «Дорога» 1980, холст, масло, 195x112 см. Столичный музей (Пекин)

Fig. 1. Gong Lilong. "Road" 1980, oil on canvas, 95x112 cm. Capital Museum (Beijing)

Рис. 2. Гун Лилун «Девушка перед зеркалом» 1987, холст, масло, 100x70 см. Национальный музей Китая (Пекин)

Fig. 2. Gong Lilong. "Girl in front of a mirror" 1987, oil on canvas, 100x70 cm. National Museum of China (Beijing)

Рис. 3. Гун Лилун «Невеста» 1989, холст, масло, 95x65 см.

Национальный музей Китая (Пекин)
Fig. 3. Gun Lilong. "The Bride" 1989, oil on canvas, 95x65 cm. National Museum

Рис. 4. Гун Лилун. «Девушка, спешащая в гости» 1992, холст, масло, 102x80 см.
Пекинский художественный музей
Fig. 4. Gong Lilong. "A Girl Hurrying to Visit" 1992, oil on canvas, 102x80 cm.
Beijing Art Museum

Рис. 5. Гун Лилун. «Встреча с землей» 1993, холст, масло, 180x180 см.
Пекинский художественный музей
Fig. 5. Gong Lilong. "Meeting with the Earth" 1993, oil on canvas, 180x180 cm.
Beijing Art Museum

Рис. 6. Гун Лилун. «Новый образ» 1993, холст, масло, 102x80 см.
Пекинский художественный музей
Fig. 6. Gong Lilong. "New Image" 1993, Oil on canvas, 102x80 cm.
Beijing Art Museum

Рис. 7. Расписные керамические статуэтки слуг эпохи западной Хань из Шэньси, 2 век до н. э. Пекинский художественный музей
Fig. 7. Painted ceramic figurines of Western Han era servants from Shaanxi, 2nd century BCE. Beijing Art Museum

Рис. 8. Гун Лилун «Сельский староста» 1994, холст, масло, 120x150 см.
Центр современного искусства UCCA
Fig. 8. Gong Lilong. "Village Headman" 1994, oil on canvas, 120x150 cm.
UCCA Center for Contemporary Art

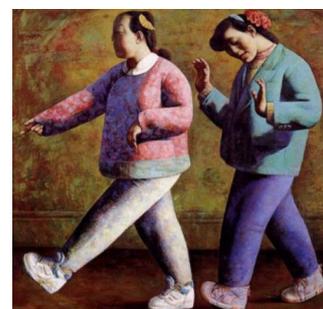

Рис. 9. Гун Лилун «Модная походка» 1994, холст, масло, 160x160 см.
Музей провинции Цзилинь
Fig. 9. Gong Lilong. "Fashionable walk" 1994, oil on canvas, 160x160 cm.
Jilin Provincial Museum

Рис. 10. Фигурка музыканта-чтеца с барабаном периода эпохи Хань, 2 век до н. э. Пекинский художественный музей
Fig. 10. Han-era figurine of a musician-reciter with a drum, 2nd century BC.
Beijing Art Museum

Рис. 11. Фигурка танцующей музыкальной группы периода Хань. Пекинский художественный музей
Fig. 11. Han period figurine of a dancing musician. Beijing Art Museum

Рис. 12. Гун Лилун «Танго» 1996, холст, масло, 160x160 см.
Музей провинции Цзилинь
Fig. 12. Gong Lilong. "Tango" 1996, oil on canvas, 160x160 cm.
Jilin Provincial Museum

Рис. 13. Керамические сосуды западной эпохи Хань. Акробаты. Пекинский художественный музей
Fig. 13. Ceramic vessels from the Western Han era. Acrobats. Beijing Art Museum

Рис. 14. Гун Лилун. Диптих «Две маленькие пчелы» Левая часть. 2007, холст, масло, 100x100 см. Музей Центральной академии изящных искусств. САФА
Fig. 14. Gong Lilong. Diptych "Two little bees" Left side. (2007. Canvas, oil on canvas 100x100). Museum of the Central Academy of Fine Arts. CAFA

Рис. 15. Гун Лилун «Диптих «Две маленькие пчелы» Правая часть. 2007, холст, масло, 100x100 см. Музей Центральной академии изящных искусств. САФА
Fig. 15. Gong Lilong. Diptych "Two Little Bees" Right side. (2007. Oil on canvas, 100x100). Museum of the Central Academy of Fine Arts. CAFA

Рис. 16. Гун Лилун. «Игра в бильярд» 1994, холст, масло, 170x180 см. Художественная галерея Цзянсу
Fig. 16. Gong Lilong. "Game of Billiards" 1994, oil on canvas, 170x180 cm. Jiangsu Art Gallery

Рис. 17. Гун Лилун «Оу» 2000, холст, масло, 170x150 см. Собственность автора.
Fig. 17. Gong Lilong. "Oh" 2000, oil on canvas, 170x150 cm. Property of the painter

Рис. 18. Гун Лилун «Луна сияет на тысячи километров» 2003, холст, масло, 180x180 см. Собственность автора.
Fig. 18. Gong Lilong. "The moon shines for thousands of kilometers" 2003, oil on canvas, 180x180 cm. Property of the painter

Рис. 19. Часть терракотовой армии Цинь. Музей Терракотовой армии Цинь (Сиан)
Fig. 19. Part of the Qin Terracotta Army. Museum of the Qin Terracotta Army (Xian)

Рис. 20. Конь, попирающий врага на могиле Хо Цюйбина. Погребальный комплекс «Маолин»
Fig. 20. A horse trampling the enemy at the grave of Huo Qubing. Funeral complex "Maolin"

Рис. 21. Борьба медведя с обезьяной. Погребальный комплекс «Маолин»
Fig. 21. Fight between a bear and a monkey. Funeral complex "Maolin"

Рис. 22. Гун Лилун. «Девушка, спешащая в гости» 1992, холст, масло, 102x80 см. (фрагмент). Пекинский художественный музей
Fig. 22. Gong Lilong. "A Girl Hurrying to Visit" 1992, oil on canvas, 102x80 cm (detail). Beijing Art Museum

Рис. 23. Ткань Дадахуа Северо-Восточного Китая
Fig. 23. Northeast China Dadahua fabric

Рис. 24. Гун Лилун. «На льду» 2013, холст, масло, 112x90 см.
Музей провинции Хэйлунцзян
Fig. 24. Gong Lilong. "On the Ice" 2013, oil on canvas, 112x90 cm.
Heilongjiang Provincial Museum

Рис. 25. Гун Лилун «Потомки старого Яна» 2013, холст, масло, 112x90 см. Музей провинции Хэйлунцзян
Fig. 25. Gong Lilong. "Descendants of Old Yang" 2013, oil on canvas, 112x90 cm. Heilongjiang Provincial Museum

Рис. 26. Гун Лилун. «Урожай» 2014, холст, масло, 200x200 см.
Музей провинции Хэйлунцзян
Fig. 26. Gong Lilong. "Harvest" 2014, oil on canvas, 200x200 cm.
Heilongjiang Provincial Museum

Рис. 27. Гун Лилун. «Осенний ветер» 2016, холст, масло, 160x200 см.
Музей провинции Хэйлунцзян
Fig. 27. Gong Lilong. "Autumn Wind" 2016, oil on canvas, 160x200 cm.
Heilongjiang Provincial Museum

Рис. 28. Гун Лилун. «Полет», 2003, холст, масло, 180x180 см. Китайская национальная академия изящных искусств
Fig. 28. Gong Lilong. "Flight", 2003, oil on canvas, 180x180 cm.
China National Academy of Fine Arts

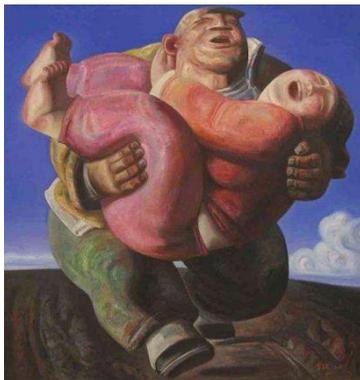

Рис. 29. Гун Лилун. «Плодородная земля» 2007, холст, масло, 160x170 см. Китайская национальная академия изящных искусств
Fig. 29. Gong Lilong. "Fertile Land" 2007, oil on canvas, 160x170 cm.
China National Academy of Fine Arts

Рис. 30. Гун Лилун. «Лотосы над водой» 2009, холст, масло, 100x100 см. Собственность автора
Fig. 30. Gong Lilong. "Lotuses above the water" 2009, oil on canvas, 100x100 cm.
Property of the artist

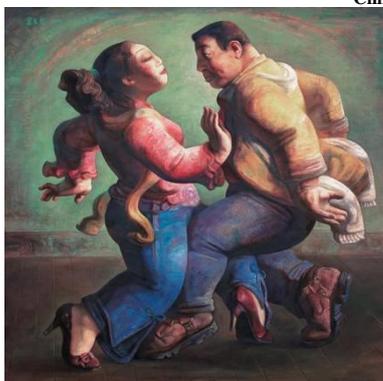

Рис. 31. Гун Лилун. «Танец» 2003, холст, масло, 159x159 см. Китайская академия искусств
Fig. 31. Gong Lilong. "Dance", 2003, oil on canvas, 159x159 cm.
Chinese Academy of Arts

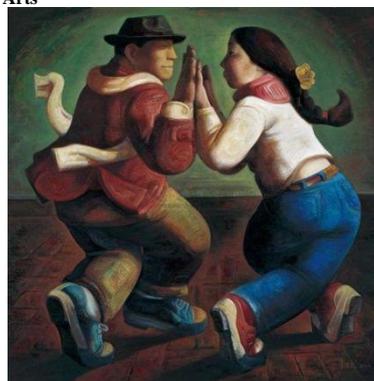

Рис. 32. Гун Лилун. «Танец дружбы» 2004, холст, масло, 100x100 см. Китайская академия искусств
Fig. 32. Gong Lilong. "Dance", 2003, oil on canvas, 159x159 cm.
Chinese Academy of Arts

Рис. 33. Гун Лилун. «Птица Феникс» 2007, холст, масло, 170x160 см. Сычуаньский институт изящных искусств (SFAI)
Fig. 33. Gong Lilong. "Phoenix Bird" 2007, oil on canvas, 170x160 cm.
Sichuan Fine Arts Institute (SFAI)

Рис. 34. «Прыжки через коня» 2008, холст, масло, 190x240 см. Сычуаньский институт изящных искусств (SFAI)
Fig. 34. "Jumping over a horse" 2008, oil on canvas, 190x240 cm.
Sichuan Fine Arts Institute (SFAI)

Литература

1. Лю, Тяньсян. Национальная культура и история как основополагающие ценности современной масляной живописи Китая / Тяньсян Лю // Университетский научный журнал РГПУ им. Герцена. – 2021. – № 63. – С. 86–95.
2. Цзя, Ян. Воплощение представлений о синтезе искусств в творчестве современных китайских авторов / Я. Цзя // Искусство и культура. – 2016. – № 2 (22). – С. 80–84.

3. Хань, Бин. Авторский стиль как система в современной китайской живописи / Бин Хань // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 11 (102). – С. 8–16.
4. Сяо, Сяо. Анализ принципов композиции китайской крестьянской живописи / Сяо Сяо // Университетский научный журнал РГПУ им. Герцена. – 2019. – № 44. – С. 116–126.
5. Цай, Сяньлян. Изобразительное искусство

в Китае в 20 веке / Сяньлян Цай. – Изд-во Цзинаньского университета, 2009. – 314 с.

6. Бин, Лин. Культурологический анализ особенностей китайской национальной живописи / Лин Бин // Научный журнал Китайской академии искусства. – 2008. – № 8. – С. 56–59.

7. Пен, Сю Ин. Анализ изобразительного искусства Китая / Сю Ин Пен. – Пекин : Изд-во Циньхуаского университета, 2001. – 282 с.

8. Чжоу Сянь. Современная художественная культура КНР. – Пекин : Изд-во Циньхуаского университета, 1997. – 240 с.

9. Чжан, Цзянь. История современного изобразительного искусства. Размышления о произведениях живописи, посвященных важным историческим событиям в жизни страны / Цзянь Чжан // Обзор искусства. – 2010. – № 5. – С. 97–100.

10. Демьяненко, А. Н. Особенности регионального развития на Северо-Востоке КНР / А. Н. Демьяненко, А. П. Горюнов, Г. В. Кондратенко, А. Г. Исаев // Известия Восточного института. – 2019. – № 2 (42). – С. 80–96.

11. Цай, У. Интервью Гун Лилуна. Задавая тональность художественному творчеству эпохи // Но-

вости культуры Китая. – 24 сентября 2009. – С. 204.

12. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Восточная литература, 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М. Л. Титаренко и др., 2010. – 1031 с.

13. Цвет в китайской живописи ; гл. ред. Цзэн Цзыжун ; пер. с кит. А. Донченко. – М. : Рипол классик, 2021. – 117 с.

14. Юй, Хуацзюнь. Тенденции современного развития живописи Китая в условиях интеграции восточных и европейских традиций / Хуацзюнь Юй, Н. Мартынова // Актуальные проблемы самосохранения традиционных искусств и народное творчество: Россия и Китай в мире глобализации : сборник материалов международной научно-практической конференции ; под общ. ред. М. П. Арутюнян, В. А. Давыденко, Н. В. Мартыновой. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2021. – С. 236–241.

15. Рисухина, О. Н. Реформирование и развитие учреждений культуры Северо-Восточного Китая (1978–2008 гг.) / О. Н. Рисухина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 32–48.

Ван Бэйбэй – преподаватель факультета живописи академии изобразительного искусства и художественного дизайна, Университет города Цицикар (Цицикар, Китайская Народная Республика); аспирант, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (Красноярск), e-mail: gduo1983@foxmail.com. ORCID 0000-0002-9148-5044

Поступила в редакцию 28 сентября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240105

NATIONAL CHARACTER AND ARTISTIC FEATURES OF GOON LILOON'S PAINTING

B. Wang^{1,2}

¹Academy of Fine Arts and Art Design, Qiqihar City University, Qiqihar, China

²The Hovorostovsky Siberian State Institute of Arts, Krasnoyarsk, Russian Federation

Since the first years of the 20th century, when oil painters of the Western European tradition appeared in China, Chinese realistic art has been continuously updated and has attracted attention in its own country and abroad. There is no doubt that the success achieved by Chinese painters was largely the result of the introduction of modern Western art to the Chinese national culture.

Today, the best artists in China harmoniously combine the form and content of Western art with domestic artistic traditions, forming a unique style. These include the Chinese painter Gong Lilong, whose work has been repeatedly exhibited in museums in China and abroad, but is familiar only to a narrow circle of connoisseurs in Russia. He went from realism to neo-primitivism, avoiding stylization and imitation of folk masters, and striving to express the essential aspects of folk aesthetics.

This study considers Gong Lilong's canvases from the point of view of national culture, historical context, and his biography. It also shows the change in his style and the themes of his works throughout his career and traces the formation of his unique symbolic language. Special attention is paid to the realistic period of the artist's work and his contribution to the development of easel painting in Northeast China and the country as a whole.

Keywords: Gong Lilong; northeastern oil painting; the language of art; realistic painting; regional culture.

References

1. Lju Tjan'sjan. Nacional'naja kul'tura i istorija kak osnovopolagajushhie cennosti sovremennoj masl'janoj zhivopisi Kitaja [National Culture and History as the Fundamental Values of Modern Oil painting in China] // *Universitetskiy nauchnyy zhurnal RGPU im. Gertsena*. 2021. № 63. S. 86–95.
2. Czja Jan. Voploshhenie predstavlenij o sinteze iskusstv v tvorchestve sovremennykh kitajskih avtorov [The Embodiment of Ideas about the Synthesis of Arts in the Works of Modern Chinese Authors] // *Iskusstvo i kul'tura*. 2016. № 2 (22). S. 80–84.
3. Han' Bin. Avtorskiy stil' kak sistema v sovremennoj kitajskoj zhivopisi [The Author's Style as a System in Modern Chinese Painting] // *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 11 (102). S. 8–16.
4. Sjao Sjao. Analiz principov kompozicii kitajskoj krest'janskoj zhivopisi [Analysis of the Principles of Composition of Chinese Peasant Painting] // *Universitetskiy nauchnyy zhurnal RGPU im. Gertsena*. 2019. № 44. S. 116–126.
5. Caj Sjan'ljan. Izobrazitel'noe iskusstvo v Kitae v 20 veke [Fine Art in China in the 20th Century]. Izd-vo Tszinan'skogo universiteta, 2009. 314 s.
6. Bin Lin. Kul'turologicheskiy analiz osobennostey kitayskoj natsional'noy zhivopisi [Culturological Analysis of the Features of Chinese National Painting] // *Nauchnyy zhurnal Kitayskoj akademii iskusstva*. 2008. № 8. S. 56–59.
7. Pen Sju In. Analiz izobrazitel'nogo iskusstva Kitaja [Analysis of the Fine Arts of China]. Pekin: Izd-vo Tsin'khuaskogo universiteta, 2001. 282 s.
8. Chzhou Sjan'. Sovremennaja hudozhestvennaja kul'tura KNR [Modern Art Culture of the People's Republic of China]. Pekin: Izd-vo Tsin'khuaskogo universiteta, 1997. 240 s.
9. Chzhan Czjan'. Istorija sovremennogo izobrazitel'nogo iskusstva. Razmyshlenija o proizvedenijah zhivopisi, posvjashhennykh vazhnym istoricheskim sobytijam v zhizni strany [The History of Modern Fine Art. Reflections on Paintings Dedicated to Important Historical Events in the Life of the Country] // *Obzor iskusstva*. 2010. № 5. S. 97–100.
10. Dem'janenko A. N., Gorjunov A. P., Kondratenko G. V., Isaev A. G. Osobennosti regional'nogo razvitiya na Severo-Vostoke KNR [Features of Regional Development in the Northeast of China] // *Izvestiya Vostochno-natsional'nogo universiteta*. 2019. № 2 (42). S. 80–96.
11. Caj U. Interv'ju Gun Liluna. Zadavaja tonal'nost' hudozhestvennomu tvorchestvu jepohi [Interview with Gong Li Moon. Setting the Tone for the Artistic Creativity of the Epoch] // *Novosti kul'tury Kitaya*. 24 sentyabrya 2009. S. 204.
12. Duhovnaja kul'tura Kitaja [Spiritual Culture of China]: jenciklopedija: v 5 t. Institut Dal'nego Vostoka. M.: Vostochnaya literatura, 2006. T. 6 (dopolnitel'nyy). *Iskusstvo* / red. M.L. Titarenko i dr., 2010. 1031 s.
13. Cvet v kitajskoj zhivopisi [Color in Chinese Painting]; gl. red. Tszen Tszyzhun; per. s kit. A. Donchenko. M.: Ripol klassik, 2021. 117 s.
14. Juj Huaczjun'. Tendencii sovremennogo razvitiya zhivopisi Kitaja v uslovijah integracii vostochnykh i evropejskikh tradicij [Trends in the Modern Development of Chinese Painting in the Context of the Integration of Eastern and European Traditions] // *Aktual'nye problemy samosokhraneniya traditsionnykh iskusstv i narodnoe tvorchestvo: Rossiya i Kitaj v mire globalizatsii: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; pod obshch. red. M.P. Arutyunyan, V.A. Davydenko, N.V. Martynovoy*. Khabarovsk: Tikhookeanskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 236–241.
15. Risukhina O.N. Reformirovanie i razvitie uchrezhdeniy kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya (1978–2008 gg.) [Reformation and Development of Cultural Institutions of Northeast China (1978–2008)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2018. T. 10, № 1. S. 32–48.

Beibei Wang – Teacher, Faculty of Painting, Academy of Fine Arts and Art Design, Qiqihar City University (Qiqihar, China), Postgraduate Student, The Hovorostovsky Siberian State Institute of Arts (Krasnoyarsk), e-mail: gduo1983@foxmail.com

Received September 28, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ван, Б. Национальный характер и художественные особенности живописи Гун Лилуна / Б. Ван // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 39–49. DOI: 10.14529/ssh240105

FOR CITATION

Wang B. National character and artistic features of Goon Liloon's painting. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 39–49. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240105

АРШИЛ ГОРКИ И ХУДОЖНИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В США В 1920–1930-е ГОДЫ

К. Н. Гаврилин¹, Н. В. Федорова²

¹Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова, г. Москва, Российская Федерация

²Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Актуальность темы данной статьи объясняется малоизученным художественным и историко-культурным контекстом. Жизнь и творчество Аршила Горки (1901–1944) рассматриваются в период расцвета его художественной деятельности, после переезда в США, в 1920–1930-е годы. Примечательно, что Горки становится частью сообщества русских художников-эмигрантов. Статья анализирует личность художника и его прочную связь с русской культурой, а также американской художественной сценой. Рассматривается влияние на его творчество русских учителей и современников, проживавших в это время в Соединенных Штатах, в числе которых Николай Фешин, Давид Бурлюк и Иван Домбровский (Джон Грэм). В статье также анализируется роль Аршила Горки в становлении и развитии американского абстрактного экспрессионизма, особенно его вклад в создание творческого метода и художественного подхода, которые повлияли на многих американских художников из числа его современников и последователей. В ходе исследования было применено несколько методов, в том числе культурно-исторический и социально-исторический. Совершенно очевидно, что Аршил Горки воплотил в своем творчестве дух поиска и эксперимента: его произведения отличались смелостью, пластической экспрессивностью, глубокой эмоциональностью и техническим новаторством.

Ключевые слова: Аршил Горки, художники русской эмиграции, Америка 1920–1930-х годов, художественная идентичность, культурный обмен, Николай Фешин, Давид Бурлюк, Иван Домбровский (Джон Грэм).

Введение

Становление, творческие поиски и достижения великого армянского художника Аршила Горки в США неоднократно становились предметом исследования специалистов – историков искусства, арт-критиков и социологов. Анализируя обширный корпус архивных источников, являющихся частью наследия художника, а также свидетельства его современников, исследователи стремились выявить истоки его творчества, лежащие за пределами американского континента. Однако открытым остается вопрос, почему Аршил Горки в начале своей художественной карьеры назвал себя русским, мистифицировал свою биографию и даже придумал легенду о своем родстве со знаменитым писателем Максимом Горьким, назвав местом своего рождения не армянский Хорком, а Нижний Новгород. В напряженных поисках своей идентичности художник выходил за пределы географических и ментальных границ.

Хорошо известно, что Горький приезжал в США лишь однажды, в 1906 году – задолго до того, как терпящий лишения юноша-эмигрант переехал в Америку, уцелев в тяжелых испытаниях геноцида армян (1915–1916). Максим Горький прибыл в Нью-Йорк по поручению самого Владимира Ленина, для сбора средств на революционную борьбу большевиков. Как пишет исследователь творчества писателя Паола Чони в своей диссертации «Феномен М. Горького в политической

борьбе первой трети XX века», «...приготовленный ему прием был поистине триумфальным» [1, с. 47]. Вот как описывал первую реакцию американской публики сам писатель в письме Л. Б. Красину от 15(28) апреля 1906 года: «Встретили меня очень торжественно и шумно, в течение 48 часов весь Нью-Йорк был наполнен различными статьями обо мне и цели моего приезда» [2, с. 179].

Однако почти сразу случился скандал, старательно подогревавшийся посольством Российской империи, так как Горький прибыл в США не со своей супругой, а с возлюбленной, актрисой Марией Андреевой, что было воспринято пуританским американским обществом как недопустимое оскорбление морально-нравственных устоев. Ни один из отелей мегаполиса не согласился принять его, так что писатель был вынужден жить у знакомых. Такое унижение, безусловно, наложило отпечаток на восприятие Горьким страны в целом, и Нью-Йорка в особенности, так что он оставил довольно едкие критические заметки о США. Можно с уверенностью сказать следующее: Горького в этой стране запомнили, а его пьесы стремительно завоевали американскую сцену. Помимо того, многие известные американские деятели культуры впоследствии взяли псевдонимы в честь Горького, в их числе не только художник Горки, но также знаменитый писатель Гор Видал (Юджин Луис Видал, 1925–2012).

Что касается Аршила Горки, то здесь сыграли свою роль восхищение революционным писателем, его литературным мастерством, идейной бескомпромиссностью, а также сознательное желание мистифицировать свое происхождение, связав себя с большой художественной традицией великой страны – Российской империи, частью которой являлась Армения. Кроме того, Аршилу Горки было хорошо известно, что русский писатель был кумиром, идейным вдохновителем и другом художников. Так, уже с 1925 года в ряде документов армянский беженец Восданик Адоян начинает именовать себя Аршилом Горки (Горький).

Таким образом, живописец выбирает новую идентичность, которая ставит его в один ряд с выдающимися представителями русской культуры. Не случайно Тамара Галеева, отмечая «расколотую идентичность» [3, с. 169] художников русского зарубежья, говорит о том, что в буднях эмигрантской жизни насущной необходимостью – и духовной, и подчас практической – становилась принадлежность к некоему грандиозному «воображаемому сообществу», воплощением которого для многих художников XX века стала утраченная навсегда Россия.

Актуальность темы данной статьи заключается в следующем:

1. Изучение темы позволяет глубже понять культурные и исторические связи между Россией и США, которые особенно активизировались в период между двумя мировыми войнами, оценить влияние русской эмиграции на становление новой американской художественной культуры.

2. Художники русской эмиграции, включая Аршила Горки, создавали произведения, которые отражали их опыт выживания на чужбине, ностальгию по утраченной родине и глубокое разочарование. Изучение их произведений позволяет получить более наглядное представление о жизни и настроениях русской эмиграции в США в этот период.

3. Анализ взаимодействия художников русской эмиграции с американскими коллегами, заказчиками и любителями искусства позволяет оценить культурный обмен и то влияние, тот вклад, который они привнесли в молодое американское искусство. Многие художники русской эмиграции, завоевав успех на чужбине, стали впоследствии известными и очень влиятельными мастерами искусства США.

Исследование темы позволяет представить те невероятные трудности, с которыми столкнулись эмигранты из России в Соединенных Штатах. Судьба Аршила Горки, эмигранта, а точнее – беженца, отражает общую судьбу многих русских художников, которые покинули Россию из-за политических, экономических и социальных причин. Неслучайно Аршил Горки находит близкое по духу сообщество в лице русских эмигрантов.

Обзор литературы

Темы, связанные с художниками Русского зарубежья, попали в поле зрения отечественных исследователей лишь в конце XX века, точнее начиная с конца 1980-х годов, после того, как в СССР состоялись эпохальные выставки «Москва – Париж» (1981), показы частных собраний Арманда Хаммера (1986), барона Тиссен-Борнемиса (1986), а также экспозиция театрально-декорационного искусства из коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских (1988), которые сопровождались публикацией иллюстрированных научных каталогов, включавших также произведения художников-эмигрантов. Публикации того периода носили скорее просветительский, нежели научный характер, как, например, статья А. Крашенникова о забытых именах русского искусства [4], либо фокусировались на первичном сборе и систематизации биографических сведений об искусстве Русского зарубежья. В этом направлении важно отметить справочное издание Дмитрия Северюхина и Олега Лейкина, составивших первый биографический словарь художников русской эмиграции [5]. Судьбы русских художников во Франции и хроника жизни эмигрантского художественного сообщества в Париже в последующие десятилетия были изучены достаточно хорошо, в том числе в публикациях, посвященных коллекции Ренэ Герра [6], как и сам феномен русского искусства в изгнании, прежде всего благодаря публикациям Андрея Толстого [7]. Однако проблемы русской художественной эмиграции в США рассматривались в российском искусствознании достаточно фрагментарно до самого недавнего времени.

Важнейшим шагом к академическому осмыслению большой темы, связанной с художниками русского происхождения в США, стал выставочный проект в Государственном Русском музее «Американские художники из Российской империи» (2009), сопровождавшийся подробным каталогом, научной конференцией и сборником статей по ее итогам [8]. В этих исследованиях выходцы из Российской империи впервые были объединены общим контекстом их происхождения и вклада в американскую культуру. Благодаря подвижнической деятельности историков искусства Тамары Галеевой, посвятившей много лет исследованию творчества Бориса Григорьева [9] и других художников-эмигрантов, в том числе Ивана Домбровского (Джона Грэма) [10, 11], а также Галины Тулузаковой, которая в полной мере реконструировала творческую биографию живописца и педагога Николая Фешина [12], в историю русской культуры были возвращены забытые имена.

Наконец, пеструю картину художественной эмиграции русского происхождения в США удалось воссоздать благодаря сборнику «Художники русской эмиграции в Америке» [13], увидевшему свет благодаря энтузиазму и научной редакции

Джона Э. Боулта, выдающегося историка русского искусства и профессора Университета Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе. Профессор Боулт также выступил автором трех глав книги, среди которых вводная и одновременно программная статья под названием «Цвет, страсть и творческое воображение: русские художники в Америке».

Что касается монографических исследований творчества Аршила Горки, то в книгах Нуриццы Матоссян [14] и Хейден Эрреры [15], составивших тщательные описания жизни и творчества автора, подробно описаны взаимоотношения художника с Николаем Фешиным, Давидом Бурлюком, Джоном Грэмом и другими представителями Русского зарубежья в США. Однако Матоссян ограничивается лишь упоминаниями русских имен, отказываясь от анализа творческих взаимосвязей этого тесного сообщества художников-изгнанников.

Методы исследования

В ходе исследования, положенного в основу данной статьи, было применено несколько методов. В первую очередь, это культурно-исторический метод, он дал возможность оценить особую творческую и социальную среду, в которой работали художники русского происхождения в США в 1920–1930-е годы. Этот метод совместно с изучением архивных документов и других исторических источников позволил уточнить обстоятельства жизни и творчества, а также определить главные художественные поиски живописца. Необходимо отметить также социально-исторический метод, при помощи которого удалось исследовать взаимоотношения внутри рынка искусства и художественного сообщества, арт-критика, заказчика и художника. Данный метод помог выявить проблему самоидентификации живописца, который выбрал псевдоним в честь Максима Горького, подменил факты в пользу родства с русским писателем, а следовательно, со всей русской культурой в его лице.

Результаты и дискуссия

Первые свидетельства о том, что Аршил Горки представляется как эмигрант из Российской империи, относятся к периоду его обучения в бостонской Школе дизайна (1922–1924) [15, с. 87], а в Нью-Йорк он приезжает уже как «племянник Горького». Можно предположить, что свою роль при выборе идентичности и составлении «легенды» сыграло то, что в это время русские в США были, что называется, «на слуху».

Однако первое соприкосновение Аршила Горки с русской культурой состоялось в тяжелейшие годы Первой мировой войны и геноцида армян, когда в 1915 году известный армянский поэт и участник благотворительной миссии Ованес Туманян читал обездоленным армянским детям русские сказки и произведения русской литературы, переведенные им на армянский язык по инициативе Максима Горького [16]. По всей видимости,

проникновенные интонации и сюжеты русской словесности в адаптации О. Туманяна запали в душу будущему живописцу. Более того, Горки вспоминает русских солдат, прибывших в город Ван на помощь местному населению, благодаря чему он познакомился с русской речью, выучив несколько слов. В это же время туда прибыла с благотворительной миссией и дочь великого писателя – Александра Толстая, которая занималась в охваченной бедствиями войны стране также и культуртрегерской деятельностью [15, с. 43]. Более того, хорошо известна феноменальная популярность М. Горького среди армян благодаря его инициативе по публикации произведений армянской классики в России. «Сборник армянской литературы» в переводе на русский язык под редакцией Горького был опубликован в 1916 году в Петрограде [17]. Этот перевод стал epochальным – именно тогда армянские произведения художественной литературы были впервые переведены на один из мировых языков. Впоследствии, уже в начале 1930-х годов, миф о Максиме Горьком в сознании художника продолжает свою жизнь, когда он знакомится с одним из друзей писателя – Давидом Бурлюком, оставившем о Горьком блестящие воспоминания [18, с. 89–97].

В 1924 году в Нью-Йорке прошла большая выставка-продажа русского искусства. Произведения, представленные на выставке, были приобретены частными коллекционерами, в том числе дизайнером Луи Комфорт Тиффани, бизнесменом Чарльзом Крейном, оперным певцом Федором Шаляпиным и композитором Сергеем Рахманиновым. Инициаторами выставки были ученый Иван Трояновский и книгоиздатель Иван Сытин, а в ее организации, по сути кураторстве, активно участвовал живописец Сергей Виноградов, один из основателей «Союза русских художников».

На выставке были представлены произведения поздних передвижников, мирискусников и союзников, что отвечало и вкусам куратора, и вкусам американских ценителей искусства той поры. Выставка вызвала восхищение у посетителей и критиков, получив широкое признание во многих публикациях. Отзывы на выставку были собраны Игорем Грабарем, также принимавшим горячее участие в этом «рискованном и авантюрном предприятии» [19, с. 20].

«Конечно, картины привезены в Америку с коммерческой целью. Но выставка представляет огромный интерес. Во время крушения прежних идеалов русские живописцы сохраняют прежние традиции», – писала New York Tribune. «Русское искусство производит ошеломляющее впечатление», – «захлебывалась» New York Times. «Эти 1200 работ производят шок, представ перед глазами зрителя. Многое из продемонстрированного весьма экзотично для Америки, но все работы полны удивительного человеческого тепла», – та-

ково было мнение автора *New York American*. «Сегодняшняя выставка в Нью-Йорке – потрясающее событие. Мы можем почувствовать настоящую русскую душу. Такой выставки в Америке еще не было», – считал корреспондент «*Art News*» [20, с. 27]. Кроме того, в это же время в Америке успешно работали Николай Фешин и Николай Рерих, а также Савелий Сорин, Борис Анисфельд и многие другие, так что примеров удачных творческих судеб русских эмигрантов в США у Аршила Горки было предостаточно.

Известно, что именно Николай Фешин (1881–1955) был одним из первых учителей Аршила Горки в нью-йоркской школе «Гранд Централ». Знаменитый русский художник, ученик Ильи Репина, представитель реалистической школы отечественной живописи, сделал в США успешную карьеру портретиста. Характерная манера письма Фешина – «рельефная» живописная поверхность, густые открытые мазки, а также привычка оставлять на поверхности холста потеки загустевшего пигмента – оказала влияние на Аршила Горки и позднее была им воспринята. Действительно, фрагменты живописи Фешина иной раз напоминают абстракцию, каллиграфические росчерки виртуозной кисти. Горки брал уроки у Фешина вплоть до 1928 года, даже после того, как сам стал преподавателем школы, так как считал его «величайшим художником-реалистом» [15, с. 137]. Вероятно, именно под его влиянием, а Фешин был родом из Казани, Горки вновь меняет легенду, указывая теперь этот город как место своего рождения.

Нью-йоркский круг общения Аршила Горки в значительной степени составляли выходцы из бывшей Российской империи – это художники Давид Бурлюк, Джон Грэм (Иван Домбровский), Миша Резникофф и Александр Васильев. Все они представляли различные направления русского искусства, от позднего реализма до авангарда и сюрреализма.

Так, творчество Давида Бурлюка (1882–1967), широко известного в России «отца футуризма», претерпело в Соединенных Штатах ряд преобразований, которые расширили его художественный репертуар. В американской эмиграции он занимался разработкой разнообразных стилистических направлений: в течение 1920-х годов Бурлюк старался сохранить статус авангардиста, создавая произведения с элементами футуризма, а также работы, напоминающие экспрессионизм, иногда, правда, использующие мотивы запоздалого символизма и монументальные формы. Он часто возвращался к композициям 1910-х годов, экспериментировал с абстракцией, но с 1930-х годов его картины начали отражать влияние сюрреализма, что объясняется приездом в США одного из идеологов этого направления – Андре Бретона. Он писал портреты, в основном своей супруги Маруси, и натюрморты, а также много-

численные пейзажно-жанровые композиции в духе наивного искусства, которое он считал наиболее адекватным способом отражения американской действительности. Многие работы были посвящены воспоминаниям о России, включая сельские мотивы и анималистику, а также исторических персонажей. Позднее творчество Бурлюка отличалось яркой цветовой гаммой, однако его стиль оставался узнаваемым.

В те годы Бурлюк, как когда-то в Москве, продолжал эпатировать публику: прогуливаясь теперь уже по Манхэттену в эксцентричных жилетах и непомерно высоком цилиндре, с серьгой-подвеской в одном ухе и с нарисованной на щеке птицей или цветком. Однако если в России Бурлюк был видным деятелем русского авангарда, то в Америке он слыл консервативным живописцем, соединявшим примитивизм и различные тенденции европейского модернизма в своем творчестве.

С Бурлюком Горки, вероятно, познакомился в доме Рафаэля и Ребеки Сойер на рубеже 1920–1930-х гг., где художники часто встречались, обсуждая свою совместную работу. На картине Бурлюка «В мастерской Моисея Сойера» (1936) (рис. 1) можно обнаружить и образ Аршила Горки – русский авангардист запечатлел его черты в скульптурном бюсте, возвышающемся на классическом постаменте. Кажется, будто Бурлюк предвидит будущую славу мастера, которому предстоит стать истинным классиком американского искусства.

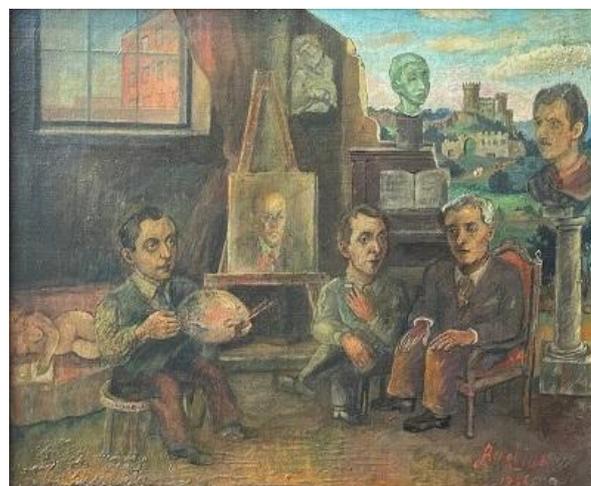

Рис. 1. Давид Бурлюк. В мастерской Моисея Сойера. 1936.
Холст, масло. Частное собрание
Fig. 1. David Burliuk. In the workshop of Moses Sawyer. 1936.
Canvas, oil. Private collection

Сохранились также портреты Горки, написанные Бурлюком (рис. 2 и 3) и карандашный набросок, сделанный Аршилом Горки, в котором запечатлен сам Бурлюк (рис. 4) – уже немолодой, но по-прежнему франтоватый эксцентрик, в элегантных круглых очках.

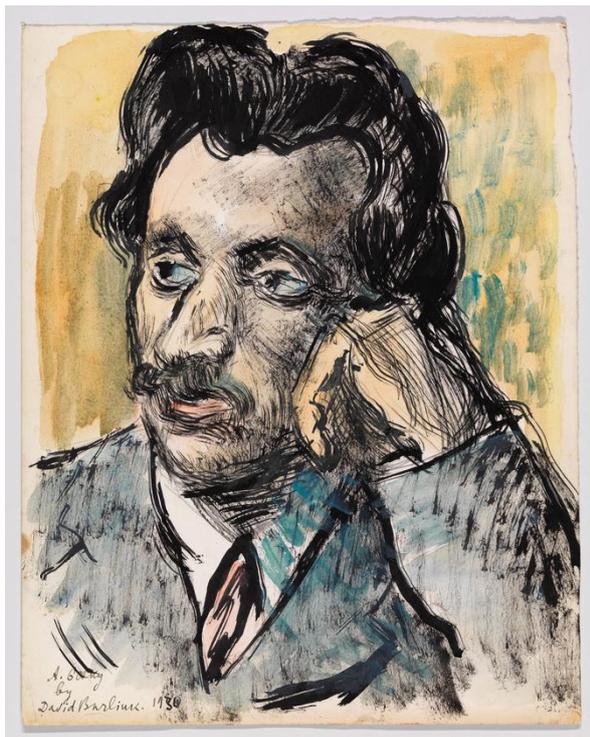

Рис. 2. Давид Бурлюк. Портрет Аршила Горки. 1930.
Бумага, тушь, акварель, графитный карандаш.
Музей американского искусства Уитни, Нью-Йорк, США
Fig. 2. David Burluk. Portrait of Arshile Gorky. 1930.
Paper, ink, watercolor, graphite pencil.
Whitney Museum of American Art, New York, USA

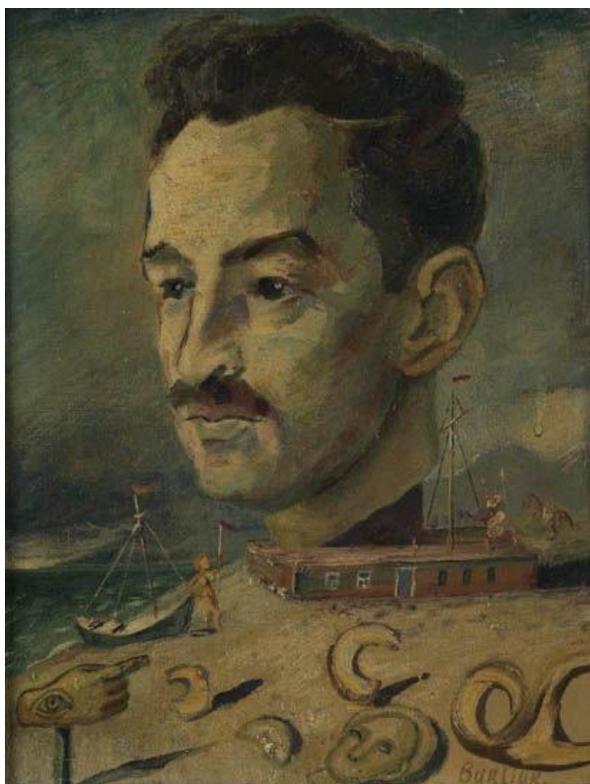

Рис. 3. Давид Бурлюк. Сюрреалистический портрет Аршила Горки. 1940. Картон, масло. Частное собрание
Fig. 3. David Burluk. Surreal portrait of Arshile Gorky. 1940.
Cardboard, oil. Private collection

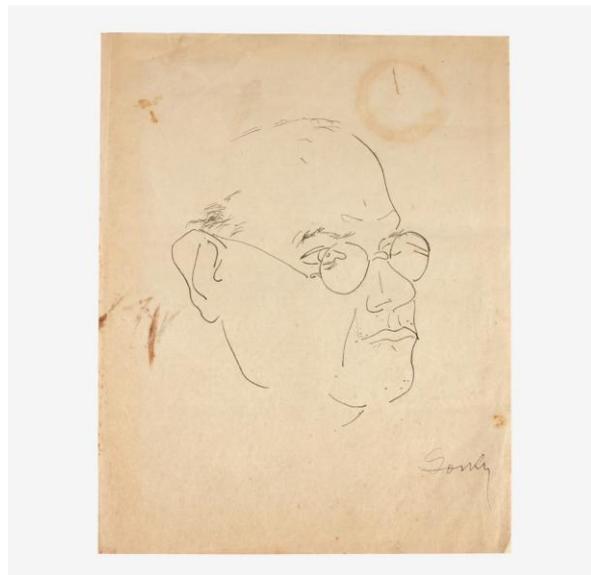

Рис. 4. Аршил Горки. Портрет Давида Бурлюка. 1931.
Бумага, тушь. Частное собрание
Fig. 4. Arshile Gorky. Portrait of David Burluk. 1931.
Paper, ink. Private collection

Давид Бурлюк был не просто дружен с Горки, но был первым, кто стал продвигать его на художественном рынке, находя покупателей, в числе которых был выдающийся коллекционер Джозеф Хиршхорн. Последний предпочитал небольшие фигуративные композиции Горки в противовес его абстракциям. Известно, что Хиршхорн приобрел около трех десятков картин мастера. Таким образом, благодаря Бурлюку, армянский художник делает первые значительные успехи среди состоятельных американских собирателей.

В 1925 году в США приезжает Владимир Маяковский, всемирно известный советский поэт и в прошлом сподвижник Бурлюка по движению футуристов. По воспоминаниям второй супруги Горки, тот познакомился с Маяковским через Бурлюка, однако Горки был скорее разочарован этой встречей, разрушившей героический образ поэта, который, напротив, предстал «чувствительным неженкой», потерявшим сознание от случайного укола пальца булавкой. Биограф Аршила Горки – Хейден Эррера [15, с. 399] – указывает, что именно эта деталь придает достоверность рассказу художника о первой встрече с поэтом. Ведь хорошо известно, что отец Маяковского умер от сепсиса, уловившись булавкой.

По-видимому, именно благодаря Бурлюку около 1929 года Аршил Горки познакомился с Иваном Домбровским (Джоном Грэмом, 1886–1961), который стал одним из его самых близких друзей. Биография Грэма-Домбровского едва ли не более загадочна, чем у самого Горки. Кажется, этот человек прожил несколько жизней.

Иван Домбровский родился в Киеве, изучал юриспруденцию в университете, был земским служащим. После начала Первой мировой войны

ушел на фронт, служил в Черкесском конном полку и был награжден Георгиевскими крестами III и IV степени за храбрость. После революции Домбровский был арестован советскими органами за контрреволюционную деятельность (дело савинковской организации «Союз защиты родины и свободы»), но сумел бежать на родину матери, в Польшу. В 1920 году вместе со своей второй женой Верой и ее сыном Николаем эмигрировал в США через Париж.

В Америке Домбровский начинает карьеру художника будучи уже зрелым человеком, в возрасте 36 лет. «Приняв в 1927 г. американское гражданство, он сохранил свои российские корни: до конца жизни говорил и писал по-русски, предпочитал, чтобы близкие называли его просто Иваном, считал, что национальную идентификацию искусства в равной мере определяют и место, где живет художник, и его национальные истоки», — отмечает Тамара Галева [10, с. 39].

В Америке Грэм довольно быстро стал весьма известным художником и авторитетным арт-критиком, одним из главных проводников идей европейского модернизма в Нью-Йорке 1920-х годов. В частности, именно благодаря культуртрегерской деятельности Грэма творчество Пабло Пикассо в период между двумя мировыми войнами приобрело большую известность в художественной среде США [11, с. 160]. Со временем он стал своего рода магнитом для более молодых экспериментаторов.

Признанные лидеры послевоенного американского искусства — Джексон Поллок и Ли Краснерт — признавались, что влияние на них идей Грэма было очень значительным. В круг его «подопечных» входили, помимо Аршила Горки, и такие всемирно известные столпы модернизма, как Виллем де Кунинг, Адольф Готтлиб и Дэвид Смит. Иначе говоря, Джон Д. Грэм стоял у истоков американского абстрактного экспрессионизма и, возможно, даже был одним из его идеологов. Однако в 1940-е годы сам Грэм сближается с сюрреализмом, сохранив пристрастие к фигуративной живописи.

Современники отмечали, что в 1930-е годы Горки и Грэма часто можно было увидеть вместе прогуливающимися по улицам города и привлекавшими внимание своей колоритной внешностью: высокий брюнет с длинными волнистыми волосами и огромными глазами, одетый с богемной небрежностью Горки рядом с аристократичным, стройным, абсолютно лысым и элегантно одетым Грэмом (рис. 5). Тем не менее, две яркие противоположности обнаружили много общего во взглядах на искусство, обменивались идеями и поддерживали друг друга. В 1932 году Аршил Горки познакомил арт-дилера Жюльена Леви с творчеством Джона Грэма [14, с. 193].

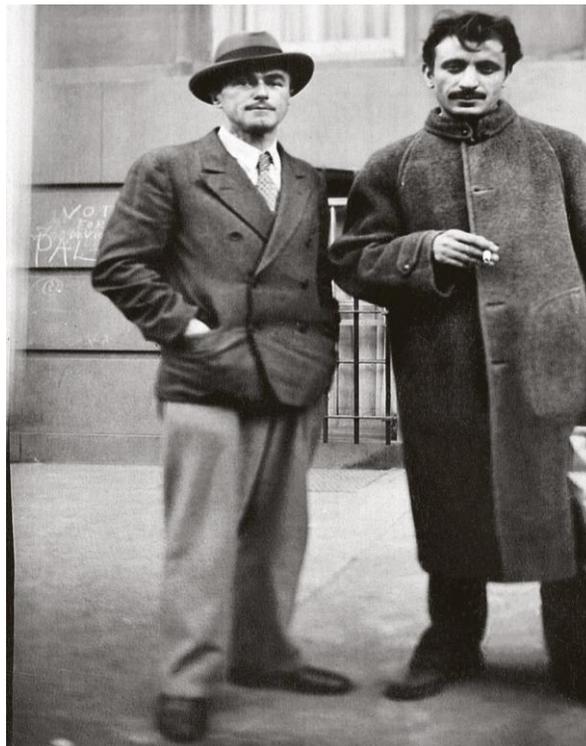

Рис. 5. Джон Грэм (Иван Домбровский) и Аршил Горки. Начало 1930-х годов. Фотография. Архивы американского искусства, Смитсоновский институт, Вашингтон (округ Колумбия), США

Fig. 5. John Graham (Ivan Dombrowski) and Arshile Gorky. The beginning of the 1930s. Photo. Archives of American Art, Smithsonian Institution, Washington, DC, USA

Были в окружении Аршила Горки 1920–1930-х годов и другие художники русского происхождения. Так, его близким другом в Нью-Йорке был живописец и график Михаил (Миша) Резников (1905–1971). Он приехал в США в 1921 году, учился в Художественной школе Род-Айленда в Провиденсе, где и познакомился с Горки. Резников переехал в Нью-Йорке позже, лишь в начале 1930-х годов, но благодаря протекции уже достаточно известного в тот момент Аршила Горки вошел в круг известных в будущем американских художников, в числе которых были Виллем де Кунинг, Марк Ротко и Джексон Поллок. Однако уже с конца 1940-х годов и сам Резников влился в ряды американских абстракционистов [15, с. 123].

В этот же круг входил портретист Игорь Пантюхов (1911–1972), который, однако, придерживался совершенно иных художественных взглядов. Он также был родом из Российской империи, из семьи эмигрантов, сперва бежавших от большевиков в Константинополь, а затем перебравшихся в Нью-Йорк. Пантюхов специализировался на салонных портретах в неоклассическом ключе. За годы плодотворной деятельности он запечатлел многих голливудских звезд, американских знаменитостей и представителей богатейших семей, в том числе Фордов и Рокфеллеров. С кружком художников-новаторов и модернистов был близок

в 1930–1938 годах, когда состоял в гражданском браке с художницей Элеонорой Красман (Ли Краснер, 1908–1984), чьи родители, кстати, тоже были эмигрантами из Российской империи. Впоследствии Ли Краснер стала супругой Джексона Поллока.

Таким образом, прибыв в Америку, Аршил Горки родился как художник, начав свой путь в творчестве среди пестрого эмигрантского сообщества, роль русских в котором была особенно высока. Его работы отличались напряженным ярким колоритом, абстрактными формами и смелыми композициями. Он был одним из первых художников, который внес значительный вклад в развитие беспредметного искусства в США. Помимо Аршила Горки, другие русские художники оказали влияние на развитие американского искусства в 1920–1930-е годы. Многие из них основали свои художественные школы или группы, где, объединившись, обменивались идеями. Русские художники эмиграции в США также активно взаимодействовали с местной художественной сценой. Они выставляли свои работы в американских галереях и музеях, участвовали в международных выставках и получали признание американской публики и арт-критики. Это позволило им не только продолжать свою творческую деятельность, но и вносить свой вклад в развитие американского искусства.

Безусловно, Аршил Горки сыграл важнейшую роль в становлении и развитии американского абстрактного экспрессионизма, оказав значительное влияние на современников, а роль русской художественной эмиграции в этом процессе была также высока.

Выводы

Как отмечают авторы сборника «Художники русской эмиграции в Америке» [13, с. 62], героев книги сложно привести к общему знаменателю: оказавшись на чужбине, каждый ищет свой художественный метод и путь к успеху, свободно заимствуя отдельные приемы у товарищей по цеху, независимо от их происхождения. Художественная среда эмигрантов в США была пестрой и противоречивой, не ограничивалась выходцами из Российской империи. Многие из них, как мы видим, напротив, брали американизированные псевдонимы, свободно перетасовывали факты своей биографии и рефлексировали на тему собственной идентичности. Сходство их судеб часто становилось поводом для сближения и взаимного творческого обогащения. Эти отношения и обмен опытом сформировали уникальный стиль Горки, испытавший влияние традиционного армянского искусства и усвоивший приемы американской живописной школы, а также сочетающий черты европейского модернизма и идеи русского авангарда.

Литература

1. Чони, П. Феномен М. Горького в полити-

ческой борьбе первой трети XX века : дис. ... канд. ист. наук. / П. Чони. : М., 2007. – 156 с.

2. Горький, М. Письма / М. Горький. – М., 1999. – Т. 5. – 576 с.

3. Галеева, Т. А. Расколота идентичность: русские художники – эмигранты Б. Григорьев, С. Судейкин и И. Домбровский / Дж. Грэм в США в 1920–1930-е гг. / Т. А. Галеева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 27. – С. 168–181.

4. Крашеников, А. Забытые имена / А. Крашеников // Художник. – 1987. – № 8. – С. 24–30.

5. Северюхин, Д. Я. Художники русской эмиграции. 1917–1941 / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. – СПб., 1994. – 591 с.

6. Они унесли с собой Россию...: Рус. художники-эмигранты во Франции, 1920–1970-е : Из собр. Ренэ Герра : каталог. выставки / авт.-сост. А. Толстой, Р. Герра. – М. : Авангард, 1995. – 166 с.

7. Толстой, А. В. Художники русской эмиграции: Istanbul – Београд – Praha – Berlin – Paris / А. В. Толстой. – М., 2005. – 383 с.

8. Деятели американской культуры из Российской империи : сборник статей по итогам выставки и научной конференции; подгот. Т. Мельник при участии А. Антиповой, М. Пантелеймон ; пер. с англ. Г. Максименко. – СПб. : Palace Editions, 2009. – 236 с.

9. Галеева, Т. А. Борис Григорьев : альбом / Т. А. Галеева. – М. : Галарт, 1995. – 48 с.

10. Галеева Т. А. Иван Домбровский – Джон Грэм – Иоанн Магус: русский художник на американской арт-сцене в 1920–1930-е гг. / Т. А. Галеева // Художественная культура русского зарубежья 1917–1939 : сборник статей. – М., 2008. – С. 38–43.

11. Галеева Т. А. Рецепция творчества Пикассо в США в 1920–40-е годы: Случай русского эмигранта Ивана Домбровского / Джона Грэма / Т. А. Галеева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 156–168.

12. Тулузакова, Г. П. Николай Фешин : альбом / Г. П. Тулузакова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 2021. – 502 с.

13. Художники русской эмиграции в Америке / под ред. Дж.-Э. Боулта. – М., 2023. – 400 с.

14. Matossian, N. Black Angel: A Life of Arshile Gorky / N. Matossian. – London : Pimlico, 2001. – 576 p.

15. Herrera, N. Arshile Gorky, 1904–1948. – New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2003. – 852 p.

16. Ханикян, С. Ованес Туманян – отец всех армянских сирот // С. Ханикян, // Mediamax Media. – URL: <https://mediamax.am/ru/news/society/27235/> (дата обращения: 04.01.2024).

17. Сборник армянской литературы / под ред. М. Горького. – Петроград : Парус, 1916. – 316 с.

18. Бурлюк, Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Д. Бурлюк. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994. – 383 с.

19. Боулт, Дж. Э. Русское искусство захватило всю страну / Дж. Э. Боулт // Другие берега. Русское искусство в Нью-Йорке. 1924 : каталог выставки. – М., 2021. – 240 с.

20. Землякова, О. Триумф в Америке / О. Землякова, В. Леонидов // Русское искусство. – 2004. – № 1. – С. 26–37.

Гаврилин Кирилл Николаевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусства и гуманитарных наук, Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова, член-корреспондент Российской Академии Художеств (Москва), e-mail: gavrilin_strog@mail.ru. ORCID 0000-0002-0432-5617

Федорова Наталья Викторовна – старший преподаватель УЦ «Арт-дизайн» факультета истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), e-mail: natalyfeodor@gmail.com

Поступила в редакцию 24 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240106

ARSHILE GORKY AND RUSSIAN EMIGRE ARTISTS IN THE USA IN THE 1920–1930s

K. N. Gavrilin¹, N. V. Fedorova²

¹*Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts, Moscow, Russian Federation*

²*Russian State University for Humanitie, Moscow, Russian Federation*

The relevance of the topic of this article is explained by the under-researched artistic and historical-cultural context; it helps visualize history. The life and work of Arshile Gorky (1901–1944) are considered during the peak of his creativity, after moving to the USA, in the 1920s and 1930s. Notably, Gorky becomes part of the community of Russian artist emigrants. The article analyzes the artist's personality and his strong connection with Russian culture, as well as the American art scene. It examines the influence on his work of Russian teachers and contemporaries living at that time in the United States, among them Nikolai Fechin, David Burluk, and Ivan Dombrowski (John Graham). The article also analyzes Arshile Gorky's role in the formation and development of American abstract expressionism, especially his contribution to the creation of creative methods and artistic approaches that influenced many American artists among his contemporaries and followers. Several methods were used in the research, including cultural-historical and social-historical methods. It is quite evident that Arshile Gorky embodied in his work the spirit of search and experiment: his works were distinguished by boldness, plastic expressiveness, deep emotionality, and technical innovation.

Keywords: Arshile Gorky, Russian Emigrant Artists, 1920s–1930s America, Artist Identity, Cultural Exchange, Nikolay Fechin, David Burluk, Ivan Dombrowski (John Graham), Artistic Influence.

References

1. Cioni P. Fenomen M. Gor'kogo v politicheskoj bor'be pervoj treti XX veka [The Phenomenon of M. Gorky in the Political Struggle of the First Third of the 20th Century]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 156 s.
2. Gor'kij M. Pis'ma [Letters]. M., 1999. T. 5. 576 s.
3. Galeeva T.A. Raskolotaja identichnost': russkie hudozhniki – jemigranty B. Grigor'ev, S. Sudejkin i I. Dombrovskij / Dzh. Grjem v SShA v 1920–1930-e gg. [Fractured Identity: Russian Emigrant Artists B. Grigoriev, S. Sudeikin, and I. Dombrovsky / J. Graham in the USA in the 1920s–1930s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie*. 2017. № 27. S. 168 – 181.
4. Krashennikov A. Zabytye imena [Forgotten Names] // *Hudozhnik*. 1987. № 8. S. 24–30.
5. Severjuhin D.J. Russkaja hudozhestvennaja jemigracija, 1917–1939 [Russian Artistic Emigration, 1917–1939]. SPb., 2003. 127 s.
6. Oni unesli s soboj Rossiju...: Rus. hudozhniki-jemigranty vo Francii, 1920–1970-e : Iz sobr. Renje Gerra: katalog vystavky [They Took Russia with Them...: Russian Emigrant Artists in France, 1920s–1970s: From the Rene Guerra Collection: Exhibition Catalogue]. M. : Avangard, 1995. 166 s.

7. Tolstoj A.V. Hudozhniki russskoj jemigracii: Istambul – Beograd – Praha – Berlin – Paris [Artists of the Russian Emigration: Istanbul – Belgrade – Prague – Berlin – Paris]. M., 2005. 383 s.
8. Dejatelj amerikanskoj kul'tury iz Rossijskoj imperii [Prominent Figures of American Culture from the Russian Empire]: sbornik statej po itogam vystavki i nauchnoj konferencii; podgot. T. Mel'nik pri uchastii A. Antipovoj, M. Pantelejmon; per. s angl. G. Maksimenko]. SPb.: Palace Editions, 2009. 236 s.
9. Galeeva T.A. Boris Grigor'ev: al'bom [Boris Grigoriev]. M.: Galart, 1995. 48 s.
10. Galeeva T.A. Ivan Dombrovskij – Dzhon Grjem – Ioann Magus: russkij hudozhnik na amerikanskoj art-scene v 1920–1930-e gg. [Ivan Dombrowski – John Graham – Ioann Magus: Russian Artist at the American Art Scene in 1920s–1930s] // *Hudozhestvennaja kul'tura russkogo zarubezh'ja 1917–1939*: sbornik statej. M., 2008. S. 38–43.
11. Galeeva T.A. Recepcija tvorcestva Pikasso v SShA v 1920–40-e gody: Sluchaj russkogo jemigranta Ivana Dombrovskogo / Dzhona Grjema [The Reception of the Art of Picasso in the USA in 1920s–1940s: the Case of Russian Emigrant Artist Ivan Dombrowski] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univrsuteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie*. 2019. № 35. S. 156–168.
12. Tuluzakova, G.P. Nikolaj Feshin: al'bom [Nikolai Fechin]. SPb., 2021. 502 s.
13. Hudozhniki russskoj jemigracii v Amerike [Russian Emigrant Artists in the USA]. M., 2023. 400 s.
14. Matossian N. Black Angel: A Life of Arshile Gorky. London: Pimlico, 2001. 576 s.
15. Herrera H. Arshile Gorky, 1904–1948. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2003. 852 s.
16. Hanikjan S. Ovanes Tumanjan – otec vseh armjanskih sirot [Hovhannes Tumanyan – the Father of all Armenian Orphans] // *Mediamax Media*. URL: <https://mediamax.am/ru/news/society/27235/> (data obrashhenija: 04.01.2024).
17. Sbornik armjanskoj literatury [Collection of Armenian Literature] / pod red. M. Gor'kogo. Petrograd: Parus, 1916. 316 s.
18. Burljuk D.D. Fragmenty iz vospominanij futurista. Pis'ma. Stihotvorenija [Fragments from a Futurist's Memoirs. Letters. Poems.]. SPb.: Pushkinskij fond, 1994. 383 s.
19. Bowl J.J. Russkoe iskusstvo zahvatilo vsju stranu [Russian Art has Captivated the Entire Country] // *Drugie berega. Russkoe iskusstvo v N'ju-Jorke*. 1924: katalog vystavki. M., 2021. 240 s.
20. Zemljakova O., Leonidov V. Triumf v Amerike [Triumph in America] // *Russkoe iskusstvo*. 2004. № 1. S. 26–37.

Kirill N. Gavrilin – Cand. Sc. (Art History), Professor, Head of the Department of History of Art and Humanities, Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts (Moscow), Corresponding member of the Russian Academy of Arts, e-mail: gavrilin_strog@mail.ru

Natalya V. Fedorova – Senior Lecturer of the Training Center «Art Design» of the Faculty of Art History, Russian State University for Humanitie (Moscow), e-mail: natalyfeodor@gmail.com

Received November 24, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Гаврилин, К. Н. Аршил Горки и художники русской эмиграции в США в 1920–1930-е годы / К. Н. Гаврилин, Н. В. Федорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 50–58. DOI: 10.14529/ssh240106

FOR CITATION

Gavrilin K. N., Fedorova N. V. Arshile Gorky and Russian emigre artists in the USA in the 1920–1930s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 50–58. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240106

«ВЕТВЬ НЕВЬЯНСКОГО СУНДУЧНОГО ПРОМЫСЛА...» (О КУНГУРСКОМ СУНДУЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Г. А. Пудов

Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Урал с давних пор был одним из очагов русского сундучного промысла. В литературе, как правило, речь идет о мастерах Невьянска и Нижнего Тагила. Однако не только в этих заводских поселках делали сундуки и шкатулки. Настоящая публикация посвящена сундучному промыслу, существовавшему во второй половине XIX – начале XX века в деревнях Кунгурского уезда, в которых он зародился под влиянием кустарей Среднего Урала. Эта тема ранее почти не привлекала внимание исследователей. Ее актуальность повышается в контексте того интереса к истории региональных очагов народного искусства, который имеет место сегодня. Цель статьи – общая характеристика сундучного промысла Кунгурского уезда, а также определение его значения для истории русского сундучного производства. Приводится информация об организации промысла, количестве изготовленных сундуков и участии мастеров в выставках. Анализируются художественные и технические особенности изделий. Немалую роль сыграли комплексный и компаративный методы исследования. Делается вывод, что Троельжанская волость Кунгурского уезда во второй половине XIX – начале XX века была одним из центров сундучного дела, имевших региональное значение.

Ключевые слова: Троельжанская волость, Кунгурский уезд, кустарная промышленность, уральский сундук, «мороз» по жести.

Введение

Ко второй половине XIX столетия Урал стал одним из главных центров русского сундучного производства. Местные мастера успешно участвовали в выставках, активно продавали продукцию на многочисленных ярмарках (наиболее крупные – Нижегородская и Ирбитская). Тысячи уральских изделий расходились по всему миру. Деятели Пермского земства называли сундучный промысел «украшением нашего края».

Очевидно, что промысел не мог долгое время оставаться в границах заводских поселков – Невьянск и Нижний Тагил источали мощные культурные импульсы. Под их влиянием зародились сундучные производства в других местах, например, в Тюмени, Семипалатинске, Ирбите. Деревни Кунгурского уезда также стали одним из «филиалов» заводского сундучного дела. Они были своего рода частицей огромной мозаики под названием «уральский сундучный промысел». Однако до сих пор история кунгурского сундучного дела находилась в тени промысла Невьянска и Нижнего Тагила. Актуальность исследования очевидна в контексте возрастающего интереса к народному искусству, который наблюдается в настоящее время.

Цель статьи – характеристика сундучного промысла Кунгурского уезда (Троельжанская волость), определение его значения для истории сундучного производства России. В круг задач входит введение в научный оборот новых сведений и анализ конкретных произведений. Хронологические рамки исследования: вторая половина XIX – начало XX века, это время наибольшей активности кунгурских сундучников.

Следует отметить, что публикация отражает лишь определенный этап исследования и не претендует на окончательные выводы. Возможно, в дальнейшем, при обнаружении большего количества произведений, некоторые положения статьи будут скорректированы.

Обзор литературы

Первые упоминания о кунгурском сундуке появились в 1887 году [1, с. 41–44]. Земский статистик Егор Иванович Красноперов (вернее, один из его сотрудников, «господин Харитонов») привел информацию о мастерах, количестве изготовленных ими сундуков, типах и способах декорирования, а также о местах сбыта. В 1890 году некто П. Х-в также упоминал в газетной заметке о кунгурских сундуках и приводил цифровые показатели, характеризующие масштабы производства [2, с. 95]¹. Подобная информация опубликована в земском издании 1915 года, посвященном кустарной промышленности Кунгурского уезда [3, с. 70], и некоторых статистических изданиях начала XX века.

Научная литература по истории сундучного дела в селениях Троельжанской волости отсутствует². Лишь в монографии автора настоящей статьи, посвященной уральским сундукам XVIII–XX вв. [5, с. 79], есть несколько абзацев о кунгурском сундучном деле. Однако цели и задачи книги касались общей характеристики уральского сундука, поэтому история кунгурского «филиала» была рассмотрена вкратце.

¹ Возможно, это тот же «господин Харитонов».

² В Уральском торгово-промышленном адрес-календаре существуют единичные упоминания о сундучных заведениях и в самом городе Кунгуре (например, И. С. Гурилева, А. Д. Гурилевой) [4, с. 400].

Таким образом, информация о сундучном деле Кунгурского уезда второй половины XIX – начала XX века ограничивается лишь краткими сведениями в нескольких публикациях. При этом они касались исключительно организационной и технической сторон производства. Не было сделано выводов касательно роли кунгурского промысла в общей истории русского сундучного производства, не проанализирована выставочная деятельность кунгурцев, не рассмотрены конкретные произведения.

Методы исследования

Важную роль в ходе исследования сыграли комплексный и компаративный методы. Первый позволил проанализировать кунгурский сундучный промысел в соответствии с методиками, принятыми в краеведении и статистике. На основе второго удалось выявить художественные и конструктивные особенности кунгурских сундуков на фоне среднеуральских, а также констатировать зависимость их художественного стиля от изделий заводских кустарей.

Результаты и дискуссия

Наиболее заметное развитие сундучный промысел получил в Троельжанской волости Кунгурского уезда. Он зародился в середине XIX века, технология была заимствована у невьянских и тагильских сундучников. Основателем промысла считается крестьянин деревни Синеццо Давид Калинин. Причины появления промысла были исключительно экономические: «Спрос на сундуки в то время был большой и плата дорога, почему Калинин и занялся приготовлением их» [1, с. 41]. Сложилась благоприятная условия для появления промысла: наличие спроса, материалов и ремесленных традиций. Деревня Синеццо стала основным местом производства сундуков.

Она известна с 1782 года. Судя по справочной литературе начала XX века, деревня не была крупной: в «Списке населенных мест Пермской губернии» за 1909 год указывалось, что в деревне Синеццо 24 двора, 53 жителя мужского пола и 68 – женского [6, с. 81]³. В настоящее время ее не существует.

Местные мастера во второй половине XIX века делали сундуки трех размеров, длиной от 70 до 110 см. Ящики покупались чаще в Бымовском заводе (Осинский уезд) и деревне Романовка (Старо-Бершетская волость Пермского уезда). Другие необходимые материалы мастера покупали в Кунгуре и Перми, а «железо где попало, лишь бы подешевле» [1, с. 42]. Большинство мастеров замки приобретали в Кунгуре, только Д. И. Калинин делал самостоятельно. Известно, что для наиболее дорогостоящих сундуков, которые изготавлива-

лись по заказу («уборных»), жечь отдавали чеканить в Нижний Тагил и Невьянск. В мастерской Д. И. Калинина чеканкой занималась сестра хозяйина, а «мороз» делал он сам. Пока не ухудшилось зрение, он также печатал рисунки разного рода.

Делались следующие виды сундуков: расписные, обитые железными полосами и «уборные», т. е. обитые «мороженым» железом, с отпечатанными на нем рисунками. В росписи преобладали холодная гамма синих, голубых и зеленых тонов, дополненная желтым [7, с. 132]. Эти цвета характерны для кунгурской росписи.

Всего производилось около полутора тысяч сундуков в год, они сбывались на сельских ярмарках Осинского, Кунгурского и Пермского уездов [2, с. 95]⁴. На две ярмарки приезжали все кустары: Никольскую в Осе и ярмарку «на девятую пятницу» в Кунгуре. Остальные же: Благовещенскую и Введенскую в селе Ординском, Никольскую в селе Ильинском, Алексеевскую в селе Еловом (сёла Осинского уезда) и Мининскую в Кунгуре – посещал только Калинин, иногда он ездил и в Пермь. До строительства железной дороги, соединившей Предуралье и Зауралье, синеццокие сундучники не имели конкурентов и торговали свободно. Однако позднее появились невьянцы и значительно понизили цены на сундуки.

В 1900 году в «Материалах к оценке земель Пермской губернии» указывалось: «В данном промысле кроме столярного искусства требуется некоторый навык в слесарных поделках (некоторые кустары выделывают, наприм., собственноручно личины для сундуков), а также в умение окрашивать сундуки в требуемые потребителями цвета. Материалы кроме дерева, железо, жечь, замки, скобы и проч. приобретаются в Кунгуре и по сельским ярмаркам. Промысел в последние годы за недостатком спроса падает. Чистая выручка от промысла незначительная» [8, с. 73].

На 1915 год в сундучном промысле Троельжанской волости существовало 12 заведений. Сложилась следующая ситуация: подавляющее число работников – мужчины от 21 до 45 лет, работали как члены семьи, так и наемные мастера (формы найма преобладали сдельные и помесечные), максимальная продолжительность рабочего времени – 120 дней в год. Для всех хозяев заведений сундучный промысел был подсобным занятием. Продукция сбывалась как «на вольную продажу», так и скупщикам, материалы использовались свои. Троельжанская волость в это время была главным и единственным центром сундучного промысла в Кунгурском уезде [3, с. 70]. О существовании сундучного производства в уезде после революции 1917 года ничего неизвестно.

³ Сведения о других населенных пунктах, где делали сундуки: с. Троельга – 92 двора (190 мужчин и 209 женщин; наличие земской школы, церкви, библиотеки, фельдшерского пункта), д. Заборская – 46 дворов (98 мужчин и 107 женщин) [6, с. 80].

⁴ В Кунгурском уезде, судя по каталогам выставок, делались также шкатулки, но об их внешнем виде почти ничего неизвестно.

Таким образом, промысел просуществовал чуть более полувека – с середины XIX столетия до 1917 года. Его история знала периоды расцвета и упадка. Положение кунгурского промысла зависело от социально-экономической ситуации в регионе и, вероятно, не в последнюю очередь – от положения в «митрополии» (Невьянск и Нижний Тагил).

Среди известных мастеров, чаще всего упоминаемых в литературе, можно назвать следующих:

Калинин Давид Иванович. Как указывалось выше, считается основателем сундучного промысла, навыки получил у среднеуральских мастеров. Занимался производством сундуков, обитых железом (возможно, вместе с зятем *Матвеем Калининным*) [1, с. 41–44; 7, с. 132; 9, с. 49; 10, с. 119].

Карманов Иван П. Упоминается в 1908 году, продолжительность рабочего времени в его мастерской равнялась шести месяцам в год, насчитывалось трое наемных рабочих [11, с. 84].

Карманов П. П. Упоминается в 1908 году, продолжительность рабочего времени – 1,3 месяца в год, один наемный рабочий [9, с. 49; 11, с. 84].

Паластров Иван. Троельжанская волость, д. Заборская. Делал деревянные сундуки, окованные железом. Сбыт – на месте производства и в городах Кунгур и Оса [10, с. 118].

Ременников Иван. Троельжанская волость, д. Заборская. Делал деревянные сундуки, окованные железом. Сбыт – на месте производства и в городах Кунгур и Оса [10, с. 118].

Синицын Егор Г. Троельжанская волость, д. Синицыно. Делал сундуки (цена – 2 рубля), сбывал в городах Кунгуре и Осе [10, с. 119; 11, с. 84].

Таким образом, кунгурские мастерские – небольшие семейные предприятия с ограниченным числом наемных рабочих. Е. И. Красноперов указывал: «В этом производстве по временам участвует вся семья кустаря, особенно перед какой-нибудь ярмаркой при окраске сундуков» [1, с. 42]. Изготовление сундуков было лишь дополнительным занятием в свободное от полевых работ время. Ни по объемам производства, ни по активности выставочной и ярмарочной деятельности кунгурские мастерские не могут сравниться с невьянскими и нижнетагильскими «фабриками». В этом отношении кунгурский сундучный промысел обнаруживает сходство с соседним вятским.

Установлено участие кунгурских мастеров в двух крупных выставках: Сибирско-Уральской научно-промышленной (Екатеринбург, 1887) и Казанской научно-промышленной (1890). Вероятно, это произошло с помощью Пермского земства, поскольку собственными силами кунгурские кустари вряд ли бы сумели вывезти свою продукцию на столь значительное расстояние. Выставки продемонстрировали крайнюю малочисленность кунгурского сундучного промысла, его ярко вы-

раженный региональный характер и прямую зависимость от тагило-невьянского центра, выступавшего в роли митрополии по отношению к местным очагам производства.

В настоящее время известно немного сундуков Кунгурского уезда. Вероятнее всего, они «тонут» в массе уральской сундучной продукции, потому что при отсутствии клейм и росписи выделить именно кунгурские изделия крайне сложно. Можно констатировать, что среди сундуков и шкапулок, которые ранее атрибутировались как невьянские и / или нижнетагильские, встречаются кунгурские. Очевидно, что в некоторых случаях при определении места производства более корректно указывать «уральский тип», а не, например, «Невьянск», «Нижний Тагил» или «Троельжанская волость Кунгурского уезда» (подобное явление характерно не только для Урала, но и для других центров русского сундучного промысла второй половины XIX – начала XX века, в частности, нижегородского [12, с. 87; 13, с. 153]).

Рассмотрим сундуки, происхождение которых из Троельжанской волости не вызывает сомнений.

На внутреннюю сторону крышки изделия из частной коллекции⁵ нанесено клеймо: «Сундучное производство и торговля Ивана Прокопьевича Каржакова, деревня Синицына, Троельжанская волость, Кунгурская губерния» (см. рисунок).

Клеймо сундучной мастерской И. П. Каржакова
Fig. The stamp of Karzhakov chest workshop

Об этом сундучном заведении на данный момент ничего не известно. Сундук И. П. Каржакова – изделие значительного размера, имеет прямоугольную форму, сверху – покатая крышка. Поверхности окрашены в зеленый цвет. На лицевой стороне размещены две простые геометрические фигуры, декорированные железными полосами, расположенными в виде сетки. Под них подложена цветная бумага. Сундук находится в плохом со-

⁵ Сундук Л. Н. Кузьминых из пос. Суксун Пермского края (материалы полевых исследований автора) [14, с. 218].

стоянии, однако и сегодня очевидно, что он представлял высококлассное произведение народного искусства.

Другой сундук также находится в частном собрании. Он прямоугольной формы, сверху – показная крышка, прикрепленная к задней стенке посредством трех металлических шарниров. По углам и в середине – фигурные ножки. Крышка, задняя и боковые стороны окрашены в зеленый цвет. Наверху крышки и на боковых стенках полосы перекрещиваются и образуют косую сетку. На задней стенке прибиты вертикальные полосы. Передняя сторона покрыта золочеными жестяными листами (края укреплены также металлическими полосами). Композиция «фасада» состоит из трех частей. В каждой – по шестиугольнику, образованному широкими полосами и наугольниками. Кроме того, каждый шестиугольник декорирован «морозом» янтарного цвета. На передней стенке также прикреплены полосы с чеканным орнаментом, состоящим из растительных и геометрических мотивов. На боковых стенках – по две кованые ручки.

Очевидно, что сундук изготовлен в рамках художественных традиций сундучного производства Среднего Урала, однако претворены они несколько иначе. Мастера использовали те же материалы, техники, приемы⁶, но под влиянием местной среды изменились их комбинации, они отличаются от принятых в Невьянске и Нижнем Тагиле. Необходимо также указать на такой фактор, как пожелания покупателей троельжанских сундуков. Кунгурские мастера не ездили на крупные международные ярмарки в Нижний Новгород и Ирбит, поэтому должны были ориентироваться лишь на местные вкусы.

Выводы

Троельжанская волость Кунгурского уезда – один из региональных центров русского сундучного производства⁷. Он возник под непосредственным влиянием промысла Невьянска и Нижнего Тагила.

Однако в данном случае термин «влияние» следует понимать лишь в том смысле, что кунгурский сундук – вариант среднеуральского, это не «внешнее» художественное явление: оно на всем протяжении истории находилось в рамках уральских ремесленных традиций.

Кунгурские мастера обслуживали местный рынок. Кроме того, благодаря деятелям Пермского земства они смогли принять участие в крупных выставках и таким образом представить продукцию большому количеству потенциальных покупателей. Однако следует подчеркнуть, что по масшта-

бам деятельности кунгурцы не могли сравниться с «сундучными королями» Среднего Урала.

Литература

1. Красноперов, Е. И. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 году / Е. И. Красноперов. Вып. 3. – Пермь : Тип. Губ. земской управы, 1889. – 170 с.
2. Х-в, П. Промыслы Кунгурского уезда / П. Х-в // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 5. – С. 95.
3. Очерк кустарных промыслов Кунгурского уезда, Пермской губернии / Оценочно-статистическое бюро Пермского губернского земства. – Пермь : Электро-тип. губ. земства, 1915. – 115 с.
4. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь...: Пермская, Уфимская, Оренбургская и Вятская губернии, 1905 г. – 1904. [Год 7-й] – 484 с.
5. Пудов, Г. А. Уральские сундуки XVIII–XX веков: История. Мастера. Произведения / Г. А. Пудов. – СПб. : Первый класс, 2016. – 339 с.
6. Список населенных мест Пермской губернии. Кунгурский уезд. – Пермь : Эл.-тип. губ. земства, 1909. – 117 с.
7. Искусство Прикамья. Народная роспись по дереву : каталог/ авт.-сост. В. А. Баратулин. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1987. – 184 с.
8. Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. II. Кунгурский уезд. – Пермь : Тип. губ. земской управы, 1900. – 722 с.
9. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Пермское кустарное отделение. – Казань, 1890. – 73 с.
10. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. V. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1902. – 762 с.
11. Мелкие промышленные заведения Пермской губернии. – Пермь : Электро-тип. Губ. земства, 1908. – 236 с.
12. Прокопьев, Д. В. Художественные промысла Горьковской области / Д. В. Прокопьев. – Горький : Горьковское областное издательство, 1939. – 232 с.
13. Овсянников, Н. Н. О торговле на Нижегородской ярмарке / Н. Н. Овсянников // Нижегородский сборник. – Нижний Новгород : Тип. Нижегородского губернского правления и Г. А. Пендрина, 1867. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 153.
14. Пудов, Г. А. Историческое наследие как основа формирования культурной идентичности (на примере русских сундуков) / Г. А. Пудов // Мировая художественная культура XXI века. Предметно-пространственная среда и проблемы культурной идентичности. Т. I. – М. : МГХПА им. С. Г. Строганова : РАХ, МАРХИ, 2021. – С. 214–222.
15. Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии / собр. и обраб. под ред. П. Н. Зверева стат. отд-ние Екатеринбург. земской управы. –

⁶ О материалах и техниках, которые использовались в уральском сундучном промысле, см.: [15, с. 1–40].

⁷ В Рождественской волости того же уезда также известно о небольшом сундучном производстве.

Пудов Глеб Александрович – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), e-mail: narodnik80@list.ru. ORCID 0000-0001-7270-8065

Поступила в редакцию 2 октября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240107

A BRANCH OF THE NEVYANSKY CHEST CRAFT (KUNGUR CHEST PRODUCTION OF THE MID 19th TO EARLY 20th CENTURY)

G. A. Pudov

State Russian Museum, St. Petersburg, Russian Federation

The Urals has long been one of the centers of Russian chest making. The literature usually talks about the masters of Nevyansk and Nizhny Tagil, although chests and caskets were not only made in these villages. This paper is devoted to the chest craft that existed in the villages of the Kungur district and which originated under the influence of factory artisans – a topic which has attracted little attention of researchers. Its relevance is increasing given today's interest in the history of regional centers of folk art. This article offers a general description of the chest craft of Kungur district and determines its significance in the history of Russian chest production. Information is provided on the organization of production, the number of manufactured chests, and the participation of craftsmen in exhibitions. The artistic and technical features of the products are analyzed. Complex and comparative research methods were used in studying the history of the Kungur chest craft. It is concluded that the Troelzhanskaya volost of Kungursky Uyezd in the second half of the 19th to early 20th century was a regionally significant center of the chest production.

Keywords: Troelzhanskaya volost, Kungursky uyezd, handicraft industry, Ural chest, “frost” on tin.

References

1. Krasnoperov E.I. Kustarnye promyshlennost' Permskoj gubernii na Sibirsko-Ural'skoj nauchno-promyshlennoj vystavke v g. Ekaterinburge v 1887 godu [The Handicraft Industry of Perm Province at the Siberian-Ural Scientific and Industrial Exhibition in Yekaterinburg in 1887]. Vyp. 3. Perm': Tip. Gub. zemskoj upravy, 1889. 170 s.
2. H-v P. Promysly Kungurskogo uezda [Crafts of the Kungur District] // *Ekaterinburgskaya nedelya*. 1890. № 5. S. 95.
3. Oчерк kustarnyh promyslov Kungurskogo uezda, Permskoj gubernii / Ocenочно-statisticheskoe byuro Permskogo gubernskogo zemstvo [An Essay on Handicrafts of the Kungursky District, Perm Province / Evaluation and Statistical Bureau of the Perm Provincial Zemstvo]. Perm': Elektro-tip. gub. zemstva, 1915. 115 s.
4. Ural'skij torgovo-promyshlennyj adres-kalendar'...: Permskaya, Ufimskaya, Orenburgskaya i Vyatskaya gubernii, 1905 g. [Ural Commercial and Industrial Address-Calendar...: Perm, Ufa, Orenburg and Vyatka provinces, 1905]. 1904. [God 7-j]. 484 s.
5. Pudov G.A. Ural'skie sunduki XVIII–XX vekov: Istoriya. Mastera. Proizvedeniya [Ural Chests of the XVIII–XX Centuries: History. Masters. Works]. SPb.: Pervyj klass, 2016. 339 s.
6. Spisok naselennyh mest Permskoj gubernii. Kungurskij uezd [The List of Populated Places in Perm Province. Kungursky Uyezd]. Perm': el.-tip. gub. zemstva, 1909. 117 s.
7. Iskusstvo Prikam'ya. Narodnaya rospis' po derevu [The Art of the Kama Region. The folk Painting on Wood]: katalog / avt.-sost. V.A. Baradulin. Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo, 1987. 184 s.
8. Materialy k ocenke zemel' Permskoj gubernii. T. II. Kungurskij uezd [Materials for the Evaluation of the Lands of the Perm Province. Vol. II. Kungursky Uyezd]. Perm': tip. gub. zemskoj upravy, 1900. 722 s.
9. Katalog kazanskoy nauchno-promyshlennoj vystavki 1890 g. Permskoe kustarnoe otdelenie [The Catalog of the Kazan Scientific and Industrial Exhibition of 1890. Perm Handicraft Department]. Kazan', 1890. 73 s.
10. Spravochnyj ukazatel' kustarnyh proizvodstv i kustarnyh masterov. [The Reference Index of Handicraft Industries and Artisanal Craftsmen]. Vyp. V. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1902. 762 s.
11. Melkie promyshlennye zavedeniya Permskoj gubernii [Small Industrial Establishments of the Perm Province]. Perm': Elektro-tip. Gub. zemstva, 1908. 236 s.

12. Prokopyev D.V. Hudozhestvenn'e promysla Gor'kovskoj oblasti [Artistic Crafts of the Gorky Region]. Gor'kij: Gor'kovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1939. 232 s.

13. Ovsyannikov N.N. O torgovle na Nizhegorodskoj yarmarke [About Trade at the Nizhny Novgorod Fair] // *Nizhegorodskij sbornik*. Nizhnij Novgorod: Tip. Nizhegorodskogo gubernskogo pravleniya i G.A. Pendrina, 1867. T. 1. Ch. 2. S. 153.

14. Pudov G.A. Istoricheskoe nasledie kak osnova formirovaniya kul'turnoj identichnosti (na primere russkih sundukov) [Historical Heritage as the Basis for the Formation of Cultural Identity (Using the Example of Russian Chests)] // *Mirovaya hudozhestvennaya kul'tura XXI veka. Predmetno-prostranstvennaya sreda i problemy kul'turnoj identichnosti*. T. I. M.: MGHPA im. S.G. Stroganova: RAH, MARHI, 2021. S. 214–222.

15. Promysly Ekaterinburgskogo uezda Permskoj gubernii [Crafts of the Yekaterinburg District of the Perm Province] / sobr. i obrab. pod red. P.N. Zvereva; stat. otd-nie Ekaterinb.zemskoj upravly. Ekaterinburg, 1889. S. 1–40.

Gleb A. Pudov – Cand. Sc. (Art History), Senior Researcher of the Folk-Art Department, State Russian Museum (St. Petersburg), e-mail: narodnik80@list.ru

Received October 2, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пудов, Г. А. «Ветвь невянского сундучного промысла...» (о кунгурском сундучном производстве середины XIX – начала XX века) / Г. А. Пудов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 59–64. DOI: 10.14529/ssh240107

FOR CITATION

Pudov G. A. A Branch of the Nevyansky chest craft (Kungur chest production of the mid 19th to early 20th century). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 59–64. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240107

ТАНЦЕВАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ ТИТРОВ ИРАНСКОГО КИНО

3. Солейманфар

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Иранский танец отличается рядом специфических особенностей, одной из которых выступают грациозные движения кистей рук, запястий, ног, в сочетании с оживленной мимикой и положением тела. Утонченные, замысловатые и кокетливые жесты и символика персидских придворных, сельных, импровизационных танцев, духовного танца суфиев отражают богатство персидской культуры. После революции 1979 года в соответствии с новыми революционными реалиями танец в Иране попал под ограничения. Однако танцевальное искусство как столп персидской культуры остается важным социальным явлением для нации, преобразуясь и перетекая в другие виды искусства. На примере титров иранских фильмов, созданных после революции 1979 года, автор прослеживает обращение дизайнеров к танцевальному наследию Ирана и выявляет сходство дизайна кинотитров с базисными элементами хореографии, в частности, балетным театром и народным танцем. В данной статье титр рассматривается как продукт комплексного дизайна (саунд-дизайна, кинетической типографики, анимационной графики), чьи фундаментальные элементы (композиция, цвет, формы визуальной коммуникации) аналогичны базису хореографического / балетного искусства (рисунок танца, красочная гамма костюмов, декоративность фона). Отмечается, что при проектировании кинотитров иранскими дизайнерами были использованы отсылки к рисункам танцев (круговым, спиральным, импровизационным), движениям рук (арабеск), ног (петит аллегро, народные танцы хорасани, бахтияри, кешме керманджи), пальцев, бедер, шеи и плеч (городской танец джахели). Выявлено, что подобные заимствования упрощают иранским дизайнерам задачу подготовки зрителя к восприятию кинофильма.

Ключевые слова: иранский танец, киноискусство, дизайн титров, иранское кино, анимационная графика.

Введение

У танца, киноискусства и графического дизайна есть интересные точки соприкосновения, невидимые на первый взгляд. Если рассматривать титры кинофильмов как сложный дизайн-продукт, можно выявить определенные закономерности и визуальные коды, имеющие пересечение с танцевальным искусством.

Дизайн титров представляет собой упорядоченную совокупность элементов графики, кинетической анимации и звукового дизайна, которые передают основную идею и общее настроение фильма, настраивая внимание зрителей перед просмотром основного творческого продукта. Объектом исследования в данной статье выступают, с одной стороны, иранские танцы, с другой, – титры произведенных в Иране кинофильмов. Настоящая статья в основном фокусируется на теории Энтони Шэя, согласно которой все шаблонные движения потенциально можно классифицировать как танец [1]. Опора на данную теорию позволяет находить общность визуальных кодов танцевального искусства Ирана и дизайна кинотитров посредством рассмотрения концепции движения как в светских и духовных (суфийских) танцах, так и в титрах иранских кинокартин.

Обзор литературы

На протяжении доисламского и исламского периодов танец в Иране бытовал в двух основных

формах: региональные сельские танцы, которые, хотя и включают форму индивидуального или парного танца, часто характеризуются групповыми движениями; и городские танцы, которые, даже когда исполняются в группах, характеризуются индивидуальными или парными движениями [2, с. 227].

Городские танцевальные формы досовременной эпохи обычно исполнялись на вечеринках «только для женщин» и в комических музыкальных пьесах руховзи (пьесы, близкие по форме комедии дель арте Европы), в которых типичные движения людей, занятых в разных профессиях, или жесты и привычки людей из разных регионов Ирана изображались с юмором. Городские танцы характеризовались также целым рядом эротических и комических движений туловища и бедер, а иногда и забавными мимикой и жестами, редко встречающимися в сельских танцах.

Танец как вид искусства с формами, заимствованными из обоих этих направлений – городского и сельского – в основном практиковался при дворах аристократии и королей, а исполнителями выступали кочующие группы танцоров, которым априори приписывали распущенность и аморальность. Как отмечают А. В. Березина и М. Г. Делинад, «...вновь открыв для себя древние народные танцевальные традиции, иранцы усовершенствовали технику исполнения, превратив танец в достояние шахского двора и сделав его прерогативой знати [3, с. 217].

Эротические танцы, предназначавшиеся аристократии и правителям, исполнялись придворными танцорами – либо женщинами, либо мальчиками-трансвеститами (занпуш). Для них были характерны вращения тела, подчеркивающие округлую форму юбки, и деликатные круговые движения пальцев, плеч и бедер [4, с. 69]. Некоторые из придворных танцевальных стилей были похожи на сельские танцы с элементами акробатических движений.

Танцы, связанные с профессиями, исполнялись мужчинами, мальчиками и иногда женщинами. Например, танец джахели («грубый танец»), в нынешнем виде возникший в XX веке, исполнялся мужчинами, но с 1950-х годов женщины переодевались в мужские костюмы, чтобы исполнять его в комическом духе. Обычно танцовщицы надевали костюм, черную шляпу и шейный платок и имитировали движения типичного хулигана, двигаясь в ритме соответствующей музыки. Ритмичные движения плеч, груди, рук и шеи должны были подчеркивать мужское начало и силу (рис. 1).

Рис. 1. Элементы танца джахели [2, с. 230]
Fig. 1. Elements of Jaheli dance [2, p. 230]

Особняком стоит еще один тип иранского танца – духовный; он представлен суфийским танцем, известным как сама, и является разновидностью зикра (религиозного песнопения). Поскольку, в каком бы обществе люди ни находились, они склонны к созданию музыки и танцев, ислам, ограничивая светские развлечения, породил интересное явление музыки, которая не классифицируется как музыка (пение Корана), и танца, который не классифицируется как танец (суфийское ритуальное движение). В Иране танец сама до сих пор практикуется суфийскими дервишами ордена Мевлеви и представляет собой исцеляющий ритуал, включающий транс, музыку и вращательное движение, вводящее танцора в состояние, аналогичное экзорцизму. Главная тема танцующего мистика (дервиша) – путешествие человека к достижению совершенства в самом себе [5]. Спиральные движения в танце сама помогают достичь совершенства, забыв об эго и личных желаниях, слушая музыку, сосредоточившись на Боге и вращая тело бесконечное число раз, что рассматривается как символическая имитация движения планеты вокруг Солнца [6, с. 116].

Как отмечает Жан-Пьер Пастори, ни один метод выражения не использовался так часто, как танец, для изображения отношений между человеком и Богом [7, с. 15]. Суфийский танец представ-

ляет собой совокупность движений, в создании которых танцор намеренно не играет никакой конкретной роли, лишь подпитываясь энергией мистического эффекта [8]. В символике танца шляпа дервиша из верблюжьей шерсти представляет собой надгробный камень эго; его широкая белая юбка представляет покров эго. Снимая свой черный плащ, танцор духовно возрождается к истине. В начале танца он держит руки крест-накрест, олицетворяя число «один» и свидетельствуя таким образом о единстве Бога. Во время вращения его руки раскрываются: правая рука направляется к небу, готовая принять Божью милость, а левой рукой, обращенной к земле, он передает духовный дар Бога зрителям. Вращение происходит справа налево – вокруг сердца, танцор таким образом охватывает все человечество своей любовью.

Знаменитый иранский поэт Ахмад Шамлу говорил, что танцевальные узоры персидских ковров берут свое начало в национальной тяге к танцам и музыке. Однако в отличие от других видов искусства, которые были переданы под юрисдикцию правительства Ирана после Исламской революции, танец и балет в стране начиная с 1979 года были полностью запрещены [9, с. 34], поскольку, согласно принципам Культурной революции, они считались деятельностью извращенной, аморальной и греховной [10]. Наиболее важные танцевальные учреждения – Национальная балетная труппа и народная труппа Махалли – были распущены, большинство танцоров эмигрировали в разные страны. В этот запрет был включен и мистический танец суфиев, который, по мнению приверженцев суфизма, способствует их близости к Богу.

Методы исследования

В рамках исследования титров иранских фильмов использовались общенаучные методы, благодаря которым осуществлялась систематизация и теоретическое обобщение выявленных взаимосвязей между дизайном кинотитров и развитием иранского танцевального искусства. Особую роль для исследования сыграл сравнительно-сопоставительный метод, позволивший выявить и соотнести закономерности проектирования дизайна кинотитров в соответствии с визуальными кодами танцевального искусства.

Результаты и дискуссия

Забвение искусства профессионального танца после февральской революции 1979 года не означало окончательного уничтожения этого персидского наследия: президентство Мохаммада Хатами (1997–2005) сопровождалось ослаблением некоторых ограничений, ранее наложенных на танцы; например, был отменен запрет на фольклорные танцы, что особенно важно, учитывая многонациональную структуру иранского общества. Кроме того, в культурный дискурс вошел термин *harekat-e tozoon* (гармонические движения), заменяющий слово «танец», хотя и не отражающий истинную

природу этого занятия. Однако любое искусство, в том числе и танцевальное, в основе своей универсально, и его пульс поддерживается диалогом если не в одном, то в другом месте, в частности, в дизайне титров иранского кино.

В исторический период после Исламской революции в Иране 1979 года в киноискусстве появилась новая волна, которая получила название исламского кино. Несмотря на запреты и ограничения, имеющие место в официальной политике Ирана, кинематограф развивается по своим законам: возникают новые темы, используются новые техники и современные цифровые технологии. Тот факт, что публичные танцы в Исламской Республике Иран официально запрещены, привел к поиску в кинематографе новых путей сложной исторической диалектики отношений с западной традицией.

Хотя в иранском кино поддерживается унаследованное преимущественно негативное восприятие женского тела, танцующего соло, сами кинокадры с танцами не являются преступлением в послереволюционном Иране. Несмотря на запрет публичных танцев, в иранском кинематографе они присутствуют в виде коротких сцен, изображающих мужчин или детей, танцующих региональные формы танца в исторических фильмах и телесериалах («Эджарех нешинха» Дарьюша Мехрджуи (1984), «Сарбедаран» Мохаммеда Али Наджафи (1984), «Имама Али» Давуд Мирбагери (1990), «Сара» Дарьюша Мехрджуи (1993), «Хахаран-игариб» Киумарса Пура Ахмада (1995) и т. д.).

Однако если танцующее тело (особенно женское) рассматривается как объект культурного противостояния и враждебных западных культурных норм, противоречащих иранским послереволюционным стандартам морали и культурной аутентичности, то кинотитры не запрещено проектировать в контексте связи танцевального движения с каллиграфией, музыкой и другими эстетическими аспектами иранской жизни. Следовательно, подобно тому, как исламский запрет на изображение живых существ привел к отказу от живописи, но к созданию каллиграмм (разновидности поэтической типографики, когда слова стихотворения образуют рисунок человека, предмета или животного), так же и запрет на демонстрацию танца в кадре привел к экстраполяции танцевальных движений на кинотитры. В контексте теории Энтони Шэя, упомянутой выше, всякие шаблонные ритмичные движения потенциально можно трактовать как танец, следовательно, в случае с иранским кинематографом можно говорить о дизайне кинотитров в соответствии с визуальными кодами танцевального искусства. Опираясь на высказывание Р. В. Захарова о том, что значительную роль в балетном театре играют «...рисунок в танцевальной композиции, красочная гамма костюмов и декоративный фон» (11, с. 14), к визуальным кодам создания кинотитров можно отнести, соот-

ветственно, аналогичные три элемента: композицию, цвет, фон.

Итак, остановимся на композиции. В титрах иранских фильмов, созданных за последние 40 лет, мы можем видеть отсылки к рисункам танцев (суфийские спиральные движения, рваный импровизационный ритм танца джахели), балетные движения (арабеск, аллегро).

Пример круговых движений текста можно наблюдать в титрах фильма «Барадарам Хосро» [«Мой брат Хосро»] режиссера Эхсана Биглари. Движение титров по дуге сверху вниз и снова вверх по часовой стрелке напоминает движения в иранских групповых танцах бахтияри, касимабади или суфийском танце сама (рис. 2). Круг в восприятии иранцев является воплощением космоса, духовного и бесконечного мира, сотворенного и организованного человеком в противовес неупорядоченной природе. Пространство внутри круга – магическое и священное пространство, ассоциированное с совершенством и целостностью: «...круглое и кольцевое пространства являются хранителями того, что находится внутри кольца» [12, с. 93]. Движение кинотитров по дуге условно разделяет пространство экрана на видимую и невидимую зрителю часть, оставляя в восприятии зрителя ощущение замкнутого пространства – круга, из которого нет выхода, даже если нам кажется, что это полукруг. По сюжету фильма у главного героя биполярное расстройство. Он мертв внутри этого мира, ведь круг не имеет начала или конца, ориентировки или направления, а движущиеся по дуге титры лишь закрепляют границы этого круга, делают их более зримыми.

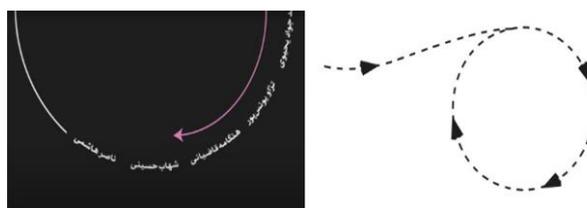

Рис. 2. Слева – движение титров фильма «Барадарам Хосро» (реж. Эхсан Биглари, 2015); справа – графическое изображение коллективных движений танца сама (13, с. 1429)

Fig. 2. Left – movie title movement “Baradaram Khosro” (dir. Ehsan Biglari, 2015); right – graphic representation of the collective movements of the sama dance (13, p. 1429)

Волнообразные танцевальные движения использованы в дизайне титров романтической мелодрамы «Махиха ашег мишаванд» [«Рыбы влюбляются»] режиссера Али Рафии. Движение титров гармонирует с нежным ритмом музыки: имя главного актера появляется в кадре в медленном волнообразном темпе, как будто солируя, затем в том же медленном танцевальном ритме возникают по 2 – 3 имени актеров второго плана. Мягкое колебание титров с именами актеров создает ощущение плавного волнообразного движения тел

танцоров в иранских городских танцах или мягких, «дышащих» рук в арабеске (рис. 3). В этом смысле титры можно интерпретировать не просто как информационный текст, а как письма, которые представляют действующих лиц. Учитывая особенность персидского алфавита и направление письма справа налево по горизонтали, можно понять, что эта мягкость и легкость, запечатленная в волнообразном движении письма, является метафорой опьяненности и саморастворения на фоне величия вселенной.

Рис. 3. Слева – титры фильма «Махиша ашег мишаванд» (реж. Али Рафии, 2005); справа – иранский балетный танец
Fig. 3. Left – movie title “Mahiha Asheg Mishavand” (dir. Ali Rafii, 2005); right – Iranian ballet

В титрах фильма «Делам михад» [«Я хочу»] режиссера Бахмана Фарманара танец можно проследить в специфических движениях, характерных для городского танца джахели. Это шуточный мужской танец «навеселе», сопровождаемый ритмичными движениями плеч, шеи, рук и бедер. Все текстовые элементы титров четко отражают суть названия фильма – «Хочу танцевать». Однако, чтобы получить разрешение на трансляцию, авторы фильма вынуждены были убрать из названия слово «танцевать», оставив только «Хочу». Дизайнер титров очень точно передал характер фильма и его негласное / отцензурированное название, сознательно изобразив танец игрой букв и слов.

Необычность движения титров фильма «Делам михад» (повороты слов вокруг своей оси; колебания текста вправо-влево; прыжки точек над буквами, как в балетном пегит аллегро, в результате чего одна буква алфавита, «теряя» или «находя» новые точки, преобразуется в другую; неритмичные сжимания-растягивания слов и т. п.) в совокупности с мелодией танца настраивает зрителя на определенный сюжет и тональность фильма.

Рваный ритм движений джахели прослеживается в смене имен и фамилий актеров или перемещении точек в фамилиях. В персидском языке добавление одной, двух или трех точек над или под буквами алфавита меняют одну букву на другую, например: добавление трех точек к букве «с» (س) преобразует ее в «ш» (ش), добавление одной точки к букве «р» (ر) преобразует ее в «з» (ز).

На примере этого фильма можно проследить также контрастные гаммы фона и возникающего текста титров. Имя и фамилия актера разделены ровно посередине, белые буквы расположены на контрастном черном фоне, черные – на белом

(рис. 4). Их движение в противоположном друг от друга направлении аналогично движениям влево и вправо шеи и плеч в танце джахили. На рис. 4б и 4в имена актеров, написанные вертикально, также перемещаются влево и вправо, однако уже наподобие рук танцора.

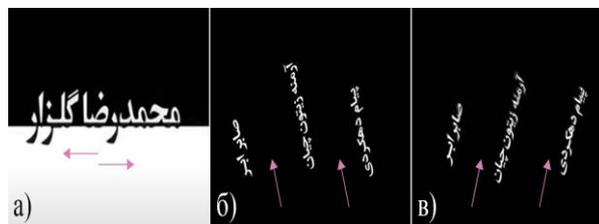

Рис. 4. Титры фильма «Делам михад» (реж. Бахман Фарманара, 2018)
Fig. 4. Movie title “Delam Mikhad” (dir. Bahman Farmanara, 2018)

В титрах комедийного сериала «Шахгуш» [«Король ушей»] режиссера Давуда Мир-Бакери движение имен и фамилий актеров схоже с движениями ног в иранских народных танцах. Направление движения титров, размещенных на плашке, вперед-назад, в сторону-назад, напоминают рисунок в танце «хорасани» [14], бахтияри или в парном танце кешме керманджи (рис. 5). Сопровождение титров быстрой игривой музыкой, исполняемой на традиционных инструментах, под которую имена и фамилии актеров перемещаются на экране, усиливает ассоциацию с танцевальными движениями ног.

Рис. 5. Слева – титры сериала «Шахгуш» реж. Давуд Мир-Бакери, 2013); справа – хорасанский танец
Fig. 5. Left – title of the series “Shahgush” (dir. Davud Mir-Bakeri, 2013); right – Khorasan dance

В дизайне титров комедийного детектива «Чешмо гуш басте» [«Закрытые глаза и уши»] режиссера Фарзада Мотамен использованы яркие цветовые сочетания и игривые движения букв вверх-вниз относительно друг друга. Сюжет фильма построен вокруг приключений двух свидетелей убийства, которые должны избежать опасности быть устранными преступником, при том, что один из них слеп, а второй глух. Титры сопровождаются легкой фоновой лаунж-музыкой периода 1960-х и рисунками в стиле детективных американских комиксов с малой степенью детализации фона. Фон и ритм в данном случае создает резкая смена цветовых сочетаний – аналоговая, триада, квадратная схема основных цветов, – отображающих внутренний смысл произведения в форме символического и метафорического элемента (рис. 6).

Рис. 6. Цветовая гамма титров фильма «Чешмо гуш басте» (реж. Фарзад Мотамен, 2019)

Fig. 6. Color scheme of the movie title “Cheshmo gush baste” (dir. Farzad Motamen, 2019)

Преобладание теплых цветов в аналоговой схеме (желтый, красный как два основных цвета и оранжевый как второстепенный) дает ощущение движения, энергии, оптимизма. В смене кадра фон для петит аллегро букв в словах дополняется цветами холодного спектра (синим как основным цветом и зеленым как второстепенным), которые, с одной стороны, дают отдых глазу зрителя, с другой – поддерживают ритм киноповествования. Контраст и быстрая смена цветов в совокупности с кинетической типографикой (разнонаправленные движения головы и плеч) подобны движениям танцовщицы в народном танце «бандари» [15].

Выводы

Мир многообразен, и в некоторых обществах танцы и музыка являются сакральными занятиями, в других – светскими, но одобряемыми, а в третьих – официально не одобряемыми. Однако искусство в основе своей универсально, и его пульс всегда поддерживается диалогом «в другом месте», будь то на местном, национальном или международном уровне. В результате культурного противостояния с западным образом жизни и в соответствии с канонами ислама, в Иране за последние четыре десятилетия сложилось негативное отношение к хореографии, как светской, так и духовной. Между тем, искусство танца является неотъемлемой частью образа жизни народов Ирана, органичной составляющей их идентичности. Ограниченность возможностей иранского кино заставила дизайнеров по-иному взглянуть на свою работу. В связи с этим дизайнеры при проектировании кинотитров успешно используют визуальные коды танцевального искусства, связывая танцевальные движения с каллиграфией, музыкой и другими эстетическими аспектами иранской жизни, т. е. мы наблюдаем экстраполяцию танцевальных движений на кинотитры с целью ускорения процесса концентрации внимания зрителя перед просмотром и создания у него соответствующего сюжету фильма настроения.

Титр как продукт комплексного дизайна (саунд-дизайна, кинетической типографики, анимационной графики) в фундаментальных своих элементах, таких как композиция, цвет, формы визуальной коммуникации, перекликается с базисными элементами хореографии, в частности, балетным театром, отправными точками которого выступают рисунок танца, красочная гамма костюмов и декоративность фона. Как показало ис-

следование, в титрах иранских фильмов, созданных за период последних 40 лет, дизайнерами были использованы отсылки к рисункам танцев (круговым, спиральным, импровизационным), движениям рук (арабеск), ног (петит аллегро, народные танцы хорасани, бахтияри, кешме керманджи), пальцев, бедер, шеи и плеч (городской танец джахели). Использование движения кинотитров в совокупности с комбинацией изображений, колористическим фоном и звуком позволяет дизайнеру эффективнее передавать зрителю атмосферу фильма, а заимствуя средства выражения из танцевального искусства, дизайнер обогащает язык коммуникации со зрителем.

Литература

1. Shay, A. *Choreophobia: Solo Improvised Dance in the Iranian World* / A. Shay. – Costa Mesa, CA : Mazda Pub. : Bibliotheca Iranica Performing Arts Series, 1999. – 235 p.
2. Mozafarim, P. *Negotiating a Position: Women Musicians and Dancers in Post-Revolution Iran* / P. Mozafari. – 2011. – 308 p. – URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/21127/1/579532.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).
3. Березина, А. В. Персидский танец: традиции и современность / А. В. Березина, М. Г. Делинад // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 1 (9). – С. 214–225.
4. Ameri, A. *Raqs-e Amiyaneh Shahri va Raqs-e mosoom be Kelasic-e Irani* / A. Ameri // *Mahour Music Quarterly*. – 2003. – № 20. – P. 5–74.
5. Полисадова, О. Н. Ритуал Сэма, как пластический феномен идеологии суфизма / О. Н. Полисадова // *Studylib.ru*. – URL: <https://studylib.ru/doc/2111716/o.n.-polisadova-ritual-se-ma--kak-plastiches-kij-fenomen> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Azizi Koutanaei, T. *A Comparative Study on the Relationship between Spiral forms in Sufi Spiral Dance (Sama) and Persian Islamic Paintings* / T. Azizi Koutanaei // *Journal of Islamic Studies and Culture*. – 2015. – Vol. 3. № 1. – P. 113–118. – URL: <http://dx.doi.org/10.15640/jisc.v3n1a14> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Pastori, J. P. *La danse des vifs* / J. P. Pastori ; transl. Hamidreza Shairi. – Tehran : Qatre, 2005. – 168 p.
8. Kaim, A. A. *Sema Ceremony between Ritual and Performance* / A. A. Kaim // *Acta Asiatica Varsoviensia*. – 2012. – № 25. – P. 147–156.
9. *Dance After the Revolution: Interview Ramin Haerizadeh, Rokni Haerizadeh, and Hesam Rahmani-an* // *Insituparis*. – 2020. – P. 30–37. – URL: http://www.insituparis.fr/cspdocs/press/files/spike64_interview.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
10. Kiann, N. *The Era of Pahlavi and Modernisation of Iranian Culture and Arts* / N. Kiann // *Artira.com* – URL: <http://www.artira.com/nimakiann/history/contemporary.html> (дата обращения: 15.02.2023).

11. Захаров, Р. В. Сочинение танца. Страницы педагогического опыта / Р. В. Захаров. – М. : Искусство, 1983. – 237 с.

12. Beaucorps, M. de. Les symboles vivants / M. de Beaucorps ; transl. Jalal Satari. – Tehran : Markazi, 2015. – 144 p.

13. Mirmiran, M. Mutaleeje sahtare rakse sama / M. Mirmiran, M. Masudi // XI Yazdahumin gerdehamoi benol'melali andzhoman tarvizh zabon va adabe farsi. Daneshga Gilan. – 2016. – P. 1413–1436. – URL: <https://www.sid.ir/FileServer/SF/5291>

395h11489.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

14. Mahfuz, F. Pazhyheshi dar raghshey Irani az ryzegarane bastan ta emryz / F. Mahfouz // Farhang va mardom. – 2009. – № 29, 30. – P. 175–200. – URL: <http://noo.rs/T4hP7> (дата обращения: 14.08.2023).

15. Mohammad Tabar, M. Raghshey mahali dar karanehay khalije Fars / M. Mohammad Tabar // Hamaeshe meli khalije Fars. – 2014. – P. 55–76. – URL: <https://www.sid.ir/paper/880379/fa> (дата обращения: 7.11.2023).

Солейманфар Захра – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург), e-mail: rahasoleymanfar@gmail.com

Поступила в редакцию 9 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240108

DANCE ART IN THE ARTISTIC DESIGN OF TITLES OF IRANIAN CINEMA

Z. Soleymanfar

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation

Iranian dance is distinguished by a number of specific features, one of which is the graceful movements of the hands, wrists, and legs, combined with lively facial expressions and body positions. The refined, intricate, and flirtatious gestures and symbols of Persian courtiers, solo, improvisational dances, and the spiritual dance of Sufis reflect the richness of Persian culture. After the 1979 revolution, in accordance with the new revolutionary realities, dance in Iran came under restrictions. However, dance art as a pillar of Persian culture remains an important social phenomenon for the nation, transforming and flowing into other types of art. Using the titles of Iranian films created after the 1979 revolution as examples, this paper traces the designers' appeal to the dance heritage of Iran and reveals the similarity of the design of film credits with the basic elements of choreography, in particular, ballet, theater, and folk dance. The title is considered as a product of complex design (sound design, kinetic typography, animated graphics), whose fundamental elements (composition, color, visual forms of communication) are similar to the basis of choreographic / ballet art (dance movements, costumes, background). When designing film credits, Iranian designers use references to dance movements (circular, spiral, improvisational), movements of hands, legs (arabesque, petit allegro, folk dances of Khorasani, Bakhtiari, Keshmeh kermanji), fingers, hips, neck, and shoulders (urban dance of jakheli). It is revealed that such borrowings simplify for Iranian designers the task of preparing the viewer for the perception of a movie.

Keywords: Iranian dance, film art, title design, Iranian cinema, animated graphics.

References

1. Shay A. *Choreophobia: Solo Improvised Dance in the Iranian World*. Costa Mesa, CA: Mazda Pub.: Bibliotheca Iranica Performing Arts Series, 1999. 235 p.
2. Mozafarim P. *Negotiating a Position: Women Musicians and Dancers in Post-Revolution Iran*. 2011. 308 p. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/21127/1/579532.pdf> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
3. Berezina A.V., Delinad M.G. *Persidskij tanec: tradicii i sovremennost'* [Persian Dance: Traditions and Modernity] // *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura*. 2019. № 1 (9). S. 214–225.
4. Ameri, A. *Raqs-e Amiyaneh Shahri va Raqs-e mosoom be Kelasic-e Irani* [Urban folk dance and the so-called Iranian classical dance] // *Mahour Music Quarterly*. 2003. № 20. P. 5–74.

5. Polisadova O.N. Ritual Sema, kak plasticheskij fenomen ideologii sufizma // *Studylib.ru*. URL: <https://studylib.ru/doc/2111716/o.n.-polisadova-ritual-se-ma--kak-plasticheskij-fenomen> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
6. Azizi Koutanaei T.A Comparative Study on the Relationship between Spiral forms in Sufi Spiral Dance (Sama) and Persian Islamic Paintings // *Journal of Islamic Studies and Culture*. 2015. Vol. 3, № 1. P. 113–118. URL: <http://dx.doi.org/10.15640/jisc.v3n1a14> (data obrashcheniya: 10.02.2023).
7. Pastori J.P. La danse des vifs ; transl. Hamidreza Shairi. Tehran: Qatre, 2005. 168 p.
8. Kaim A.A. Sema Ceremony between Ritual and Performance // *Acta Asiatica Varsoviensia*. 2012. № 25. P. 147–156.
9. Dance After the Revolution: Interview Ramin Haerizadeh, Rokni Haerizadeh, and Hesam Rahmani-an // *Insituparis*. 2020. P. 30–37. URL: http://www.insituparis.fr/cspdocs/press/files/spike64_interview.pdf (data obrashcheniya: 20.02.2023).
10. Kiann N. The Era of Pahlavi and Modernisation of Iranian Culture and Arts // *Artira.com*. URL: <http://www.artira.com/nimakiann/history/contemporary.html> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
11. Zaharov R.V. Sochinenie tanca. Stranicy pedagogicheskogo opyta [Composing a Dance. Pages of Teaching Experience]. M.: Iskustvo, 1983. 237 s.
12. Beaucorps M. de. Les symboles vivants; transl. Jalal Satari. Tehran: Markazi, 2015. 144 p.
13. Mirmiran M., Masudi M. Mutaleeje sahtare rakse sama [A Structural Study of Dance Itself] // *XI Yazdahumin gerdehamoi benol'melali andzhoman tarvizh zabon va adabe farsi. Daneshga Gilan*. 2016. P. 1413–1436. URL: <https://www.sid.ir/FileServer/SF/5291395h11489.pdf> (data obrashcheniya: 12.06.2023).
14. Mahfuz F. Pazhyheshi dar raghshey Irani az ryzegarane bastan ta emryz [A study of Iranian Dances from ancient Times to the Present Day] // *Farhang va mardom*. 2009. № 29, 30. R. 175–200. URL: <http://noo.rs/T4hP7> (data obrashcheniya: 14.08.2023).
15. Mohammad Tabar M. Raghshay mahali dar karanehay khalije Fars [Folk Dances on the Shores of the Persian Gulf] // *Hamaeshe meli khalije Fars*. 2014. R. 55–76. URL: <https://www.sid.ir/paper/880379/fa> (data obrashcheniya: 7.11.2023).

Zahra Soleymanfar – Postgraduate Student, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg), e-mail: rahasoleymanfar@gmail.com

Received November 9, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Солейманфар, З. Танцевальное искусство в художественном проектировании титров иранского кино / З. Солейманфар // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 65–71. DOI: 10.14529/ssh240108

FOR CITATION

Soleymanfar Z. Dance art in the artistic design of titles of Iranian cinema. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 65–71. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240108

В настоящей статье предложен анализ произведений Георгия Георгиевича Демидова, входящих в корпус так называемой лагерной прозы. Многие из бывших заключенных в своих мемуарах оставили свидетельства о колымской каторге XX века в разных жанрах (романы, повести, рассказы, новеллы, очерки, трагедии, реквиемы, записки, дневники, исповеди, жития и др.).

Собственное видение колымского мира с его специфическими северными реалиями представлено в рассказах и повестях Г. Г. Демидова, который акцентирует внимание на запроволочной повседневности с ее неперенным ритуализированным бытом. В подавляющем большинстве случаев в приведенных текстах слово *ритуал*, как совокупность запроволочных обрядовых действий, употребляется исключительно в профанном и негативном смысле. Ритуал – неизменный атрибут тюремно-лагерных реалий Колымы – призван был не только внешне упорядочить и дисциплинировать невольников, но и усилить пытку заключением.

Следствием этих (анти)общественных процессов было сравнительно скорое уничтожение «тонкой пленки цивилизации», восстановление которой в дальнейшем становится чрезвычайно трудной задачей как для отдельного человека, так и для социума в целом.

Ключевые слова: образ, жанр, творческий метод, Колыма, ритуал, первобытность, трудовой лагерь.

Введение

Заключенные, «пригнанные», с Большой земли на морских судах, под конвоем на «остров Колыму», попадали на долгие месяцы и годы (при этом не всегда и далеко не всем судьба благоволила выжить) в незнакомые первобытные условия жизни, т. е. содержания и эксплуатации. Памятные свидетельства о первобытности колымского заключения оставили в многочисленных документально-художественных жанрах (о событиях второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века) выжившие в этих условиях зэка. Назовем основные из жанрового списка: это разновидности романа (документальный, автобиографический, роман-воспоминание, роман-эссе, антироман); повести (повесть о жизни, детстве, лишнего человека, документальная повесть, повесть-хроника, повесть в рассказах, повесть-воспоминание, автобиографическая повесть); рассказы (невыведанные рассказы, рассказ-свидетельство, устные рассказы, рассказ очевидца, рассказы без подробностей). А еще письма, новеллы, очерки, трагедии, трагикомедии, реквиемы, записки и записи, дневники, раздумья, исповеди, жития (в том числе жития не святых), моления, хождения, истории, репортажи, комментарии, размышления, наброски, дела, документы, факты, домыслы и «параша». У этих жанров несколько сотен только «колымских авторов», т. е. заключенных, прошедших через колымскую систему трудовых лагерей. Свое особое место среди «колымских авторов» занимает творчество Георгия

Демидова, писавшего в 1960–1970-е гг. «в стол» рассказы, повести и воспоминания.

Обзор литературы

Так или иначе значительная часть исследователей, обращавшихся к изучению литературы о каторжной Колыме, не могла обойти главную в ряду других тему – о том, что убивало (в прямом и переносном смысле) человека, попадавшего не по своей воле на колымский край земли. Огромный массив исследовательской литературы посвящен самому, пожалуй, известному «колымскому автору» Варламу Шаламову, о творчестве которого писали очень многие, например, Ф. Апанович, М. Берютти, Е. Волкова, А. Гаврилова, Дж. Глэд, В. Есипов, Л. Жаравина, Вяч. Вс. Иванов, Л. Клайн, Дж. Лундблад-Янич, Е. Михайлик, С. Соловьев, И. Сухих, Л. Токер, Л. Юргенсон и др. (Более полный список см. на Шаламовском сайте [1]). Работ, посвященных другим «колымским авторам» (в том числе Г. Демидову), значительно меньше. Здесь назовем такие имена: В. Демидова, Г. Померанц, И. Паникаров, Ю. Самодуров, М. Чудакова, В. Шенталинский, Н. Эйделман, Э. Эпплбаум.

Методы исследования

Одной из методологических посылок статьи явилось понимание творческого мира Г. Демидова как единой, последовательной и стройной конструкции, демонстрирующей / описывающей тюремно-лагерную систему и положение подневольного человека в ней. Наряду с использованием типологического и сравнительно-типологического методов при ответе на ряд вопросов использовались

общепринятые положения, связанные с методическими приемами целостного анализа литературно-художественного текста.

Результаты и дискуссия

Памятные свидетельства о первобытности¹ колымского заключения оставили бывшие узники в воспоминаниях, посвященных событиям второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века. Среди авторов-мемуаристов: Н. Билетов, Е. Владимиров, П. Галицкий, Е. Гинзбург, Г. Горчаков, П. Демант, А. Жигулин, И. Исаев, Г. Кусургашев, Б. Лесняк, В. Плотников, З. Румер, В. Филин, В. Шаламов, Я. Эфрусси, А. Яроцкий и др.

В рассказах и повестях Г. Демидова² внимание сосредоточено на заповоленной повседневности с ее детерминированно ритуализированной составляющей: изображением «доисторических» нравов, предметов, образов и пейзажных описаний.

Так, в повести «На перекрестках невольничьих путей» (1969) явлен далеко не худший по колымским меркам сельхозлагерь, расположенный на небольшом острове и напоминающий рассказчику стоянку первобытного человека, выбравшего место для поселения с учетом близости к воде и меньшего количества кровососущих насекомых [3, с. 53–54]. Первобытные обитатели, они же заключенные этого острова, сооружают навес над очагом, вроде *папуасского*³, для приготовления пищи [3, с. 53]. В этот же типологический ряд вписана *доисторическая предшественница колеса* – примитивная *волокуша*, запряженная лошадей. Такое приспособление по перетаскиванию стогов сена становится незаменимым в условиях колымского сельхозлагеря [3, с. 60]. Двое заключенных (собственно рассказчик повести и Юлия Кравцова⁴) стоят на сенокосе, облаченные в защитные маски от комаров и гнуса, имеют сходство с языческими божествами непонятного происхождения и напоминают изваяния двух сторожевых фигур [3, с. 68].

Охота на здешнего хозяина тайги (медведя) в границах заключенных параллелей сродни охоте в доисторические пещерные времена, когда дикого зверя преследовали, загоняли и брали едва ли не голыми руками: «Но представьте себе медведя, пусть даже не очень крупного, упавшего в яму с ложным дном, которого люди пытаются убить

с помощью вил и самодельных пик, а он вот-вот из этой ямы выберется! Стены-то у нее – галька, лишь слегка скрепленная илом» [3, с. 70–71].

В рассказе «Начальник» (1965) арестанты, попавшие с экстремального холода и мороза в отнositельное тепло барака, сравниваются с медлительными оттаивающими *рептилиями*, удивляющимися, что в этих условиях смогли остаться на плаву и выжить [4, с. 182].

Подневольный человек на колымской каторге в краткие сроки – обычно хватало нескольких недель – обретал тот зоологический эгоизм, который развивался в нем за время общих тяжелых работ и самой примитивной борьбы за существование [3, с. 98]. В описании человеческих чувств и инстинктов рассказчик использует образные сравнения, напрямую связанные не только со знакомым ему колымским контекстом, но и с далекой вольной, прошлой жизнью: «Ревность старше любви настолько же, насколько первобытный ящер старше человека разумного» [3, с. 115].

В повести Г. Демидова «Перстенок» (1969–1973) мастер на все руки ээка по имени «дядя Ваня» изготавливает мундштуки и перстни не только из привычного подручного дерева, но и из весьма экзотического на Большой земле, однако не в этих краях, – «бивней мамонта⁵, благо их тут в вечной мерзлоте находили часто» [3, с. 240]⁶. Любопытно, что кости мамонта мало кого здесь удивляли, тем более что государство, словно повернувшее время вспять, заботливо предоставило заключенным возможность испытать на собственном примере все преимущества обратной колымской эволюции и самим вплотную приблизиться к состоянию вымирающих ископаемых животных. Какая-то часть этих заключенных, подобно своим древним колымским предшественникам из семейства слоновых, до сих пор лежит нетленными в вечной мерзлоте до лучших времен.

Примитивный сверлильный станок упомянутого выше изобретательного «дяди Вани» сконструирован абсолютно по схожему принципу с древним приспособлением для извлечения огня трением [3, с. 240]. Изделия «дяди Вани» колымскими лагерными насельниками разных рангов ценились очень высоко – не меньше различных ценных безделушек европейских первооткрывателей новых земель.

Как известно, основных жизненно необходимых средств для выживания заключенным в северных условиях катастрофически не хватало (одежды, еды, теплых стен в бараке). В свою очередь у подневольных работников необходимые

¹ В нашей статье термин «первобытность» используется в двух словарных значениях: 1. Относящийся к древнейшим эпохам истории человечества. 2. *перен.* Дикий, некультурный, отсталый [2, с. 428].

² В статье анализируются рассказы и повести «Начальник», «Убей немца», «На перекрестках невольничьих путей», «Перстенок».

³ Здесь и далее курсивом выделено мной. – Ч. Г.

⁴ О Юлии Кравцовой в повести говорится, что в прошлой жизни она была художницей из Ленинграда, «...очень миловидная, интеллигентная и какая-то удивительно мягкая и кроткая в отношениях со всеми. Осуждена Кравцова была на восемь лет заключения как член семьи врага народа “Особым Совещанием” при наркомте внутренних дел и, конечно, заочно» [3, с. 16].

⁵ В рассказе В. Шаламова «Иван Федорович» (1962) магаданский заключенный и местный знаменитый косторез изготавливает из бивня мамонта какой-то особенный ларец для молодой жены немолодого начальника Дальстроя [5, с. 213].

⁶ В общем контексте, наверно, не случайно в руках рассказчика повести обычная летучая мышь обретает черты *маленького птеродактиля*.

на общих работах орудия труда, вложенные в их руки представителями власти различных уровней, превращались временами в нечто абсолютно противоположное. Об одном из таких инструментов, неожиданно превратившихся в как бы перекованное орало на меч, т. е. в орудие возмездия, пишет колымчанин Владимир Филин в стихотворении «В тайге» (1958). Подобная перековка в нечеловеческих обстоятельствах, с одной стороны, приближала человека к его первобытно-варварскому состоянию, но с другой – настоятельно напоминала ему же о почти начисто забытом, уничтоженном чувстве справедливости и какого-то собственного достоинства: «<...> Посиди у костра, доходяга, / не бойся! / были предки твои дикари. / Так они у костров дрожали / По ночам до зари / и все дни / голодны. / Только были свободны они. / Ну, а ты – / Каторжанин. / Их пещерная жизнь прошла, / Ты же видел / кое-что лучше. / <...> / Стерегут пулеметные вышки / кругом. / Бригадир все свирепее дышит. / Ты не бойся его, доходяга. / Вот лом! <...>» [6, с. 882–883]. Очевидно, что автор стихотворения проводит линию преемственности от дикарей прошлых времен к одичавшему под натиском заповолочной жизни современному человеку. И оказывается, что в каком-то смысле сравнение воли предков-дикарей, чья *пещерная жизнь* давно канула в Лету, с настоящей пещерной жизнью, замесившей свободу и волю лагернику XX века, – не в пользу последнего. Для лирического героя стихотворения избавление от бригадирсадиста, готового палкой, ломом, чем угодно погнать еле живых, измученных людей на ненавистную, убивающую работу⁷, становится жизненно необходимым с помощью тех же подручных орудий труда (лома, кирки, кайла). Едва ли нужно говорить о том, что такой способ избавления от бригадира вовсе не приближал ээка к свободе, но отодвигал ее на еще более неопределенный срок. Несмотря на это, доведенный до отчаяния человек в сложившихся условиях о высоких материях особенно не размышлял, главным для него было освобождение от ежедневных издевательств независимо от последствий.

Безысходность колымского открытого и одновременно предельно замкнутого пространства усугублялась тем, что побег отсюда на Большую землю был крайне трудным. Тем не менее, тема побегов – одна из лейтмотивных в документально-художественной прозе, посвященной каторжной Колыме. Побег – это отчаянная попытка избавиться от каторжной первобытности, попытка вырваться из крепких колымских объятий на свободу, как правило, весьма зыбкую и смертельную

опасную. В рассказе Г. Демидова «Убей немца» (1965) повествователь разделяет распространенное среди колымчан мнение о том, что «...побег с Колымы все здесь считают делом почти невозможным даже для людей, которых не держат за оградой лагеря под постоянным наблюдением конвойного» [3, с. 278]. О трудностях «ухода во льды» свидетельствовали Д. Алин, Э. Багиров, Г. Вагнер, Г. Нурмина, П. Деманг, А. Жигулин, Б. Лесняк, Г. Темин, В. Шаламов, А. Яроцкий и др.

В повести «На перекрестках невольничьих путей» (1969) дорога, казавшаяся потенциальным беглецам ведущей к освобождению из неволи, на самом деле приводит в тупик, т. е. упирается в бесконечную водную гладь. А в противоположной от моря сухопутной стороне разместилось не менее непреодолимое пространство, которое, по выражению А. Чехова, «знали только перелетные птицы» [7, с. 42] – тундра и тайга. У беглецов, решившихся на отчаянный, смертельно опасный шаг, пробуждалась древняя энергия отчаянной смелости, гнавшая их прочь от лагеря⁸: «Людей в подобных случаях нередко выручает заложенный в них громадный запас первобытной выносливости и терпения» [3, с. 250]. Вохровская погоня за беглецами, в свою очередь, превращалась в первобытную охоту на человека.

После финального эпизода охоты на человека (повесть «Перстенек»), когда беглецы уже наступили и убиты вохровцами, в тексте появляется первобытный языческий образ, поставивший точку в сюжете с погоней. На догоравшем костре рядом с ручьем оказался один из застреленных и упавших в него беглецов. Он «лежал лицом вниз поперек высовывающегося из воды подобия древнеязыческого жертвенника, на котором еще дымилась остатки костра» [3, с. 263]. Убитые были тут же зарыты рядом с импровизированно устроенным жертвенным костром, а кисти рук у беглецов предварительно и предусмотрительно отрезаны для предъявления начальству вещественных доказательств поимки бежавших преступников и дальнейшей процедуры дактилоскопии. Подобная жертвенная церемония с приношением даров на алтарь лагерных богов, едва ли подразумевающая «солидарность между служителем, божеством и жертвуемой вещью» [8, с. 40], – нередкая практика на Колыме описываемых времен. В случае убийства беглых ээка на сравнительно близком расстоянии от лагеря, кисти рук можно было не

⁷ Специфика бригадирской работы много раз описана в воспоминаниях бывших заключенных, например, у В. Шаламова в рассказе «Как это началось»: «Ходили с палкой по забою – эта палка называлась “термометром”, и избивали безответных фраеров. Забивали и до смерти» [5, с. 390].

⁸ Внезапное пробуждение первобытных сил в других обстоятельствах, но схожих с теми, что заставляли человека уходить «во льды», Г. Демидов описывает на примере подследственного инженера повести «Оранжевый абажур»: «Трубриков находился в том состоянии почти звериной ярости (после того, как помощник следователя его грубо оскорбил и ударил. – Ч. Г.), которая проявляется иногда в современном человеке как один из видов атавизма. Мышечная сила удесетеряется. Все реакции становятся до предела быстрыми и точными. Чувства боли и страха как бы выключаются вовсе» [9, с. 171].

отрезать. Трупы беглецов в этом случае и в соответствии с установленными асимметричными⁹ первобытно-ритуальными манипуляциями выставлялись на всеобщее обозрение перед лагерными воротами в виде пугал из когда-то живых людей – в назидание остальным заключенным, для их предостережения и устрашения.

В рассказе «Убей немца» (1965) мысли колымских мальчиков Саша и Кости созвучны мыслям обитателей не здешних, а более южных, далеких и малоизведанных земель. Саша и Костя, юные старожилы колымского края, мечтают соорудить из древесных стволов собственное «плавающее средство», как это делают «аборигены архипелагов Тихого и Индийского океанов» [3, с. 279], потом уплыть с их помощью на материк, на фронт, чтобы сражаться с фашистскими врагами. На впечатлительное детское воображение безотказно действует пропагандистский плакат, выразительно изображавший проткнутую насквозь штыком голову немецкого солдата. Повествователь недвусмысленно комментирует реакцию мальчиков на увиденное: «Их целиком захватило садистское вдохновение художника, которое так легко передать дикарям и детям» [3, с. 276]. Находясь под гипнозом броской идеи плаката, Саша и Костя убивают случайного человека – русского немца из Сибири, Вернера Линде (филолога и преподавателя немецкого языка), который был арестован в 1937 году как иностранец-немец по статье социально-опасный элемент (СОЭ) и отправлен по этапу на Колыму. Они, по детскому недомыслию, и представить себе не могли, что дикие идеи нацистов вместе с фашизмом Вернеру Линде были органически чужды и далеки от его взглядов, мировоззрения и этических представлений [3, с. 294].

Так, плакатный прием сослужил злую службу романтически и воинственно настроенным юным колымским аборигенам Саше и Косте.

Выводы

Несмотря на то что колымская пещерная первобытность едва ли является уникальной в общей запроволочной системе сталинских трудовых лагерей, тем не менее по своей крайней удаленности этого отдельного «государства в государстве» от границ Большой земли, каторжная Колыма внесла свои специфические штрихи в разветвленную картину принудительного труда и тяжелых общих работ в мире «смещенных масштабов».

Г. Демидов, создавая собственную картину колымской планеты, смог найти в ней не только то, что коверкало, ломало и уничтожало человеческое в человеке, но и попытался увидеть в «этом

вогнутом зеркале чувств и поступков» [10, с. 164] то, что способствовало и помогало в подземном аду сохранить заключенному-человеку «невогнотозеркальные» человеческие качества и черты, его облик, чувства и поступки.

Литература

1. <https://shalamov.ru/>.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
3. Демидов, Г. Г. Любовь за колючей проволокой: повести и рассказы / Г. Г. Демидов ; публикация В. Демидовой ; предисл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2010. – 360 с.
4. Демидов, Г. Г. Чудная планета : рассказы / Г. Г. Демидов ; сост., подгот. текста, подгот. ил. В. Г. Демидовой ; послесл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2008. – 360 с.
5. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Т. Шаламов ; сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М. : Худож. лит., 1998. – Т. 1. – 620 с.
6. Поэзия узников ГУЛАГа : антология / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский. – М. : МФД : Материк, 2005. – 992 с. – (Россия. XX век. Документы).
7. Чехов, А. П. Остров Сахалин (Из путевых записок) / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1987. – Т. 14–15. – С. 39–372.
8. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс ; пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб : Республика, 1999. – 392 с.
9. Демидов, Г. Г. Оранжевый абажур : повести / Г. Г. Демидов ; публикация В. Демидовой ; предисл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2009. – 376 с.
10. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер ; сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
11. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Т. Шаламов ; сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М. : Худож. лит., 1998. – Т. 2. – 509 с.
12. Эпплбаум, Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Э. Эпплбаум ; пер. с англ. Л. Мотылёва – М. : Московская школа политических исследований, 2006. – 608 с.
13. Демидова, В. Воспоминания об отце / В. Демидова // Г. Г. Демидов. Чудная планета : рассказы ; сост., подгот. текста, подгот. ил. В. Г. Демидовой ; послесл. М. Чудаковой. – М. : Возвращение, 2008. – С. 5–12.
14. Horvitz, L. A. Encyclopedia of War Crimes and Genocide / L. A. Horvitz, C. Catherwood. – New York : Facts On File, 2006. – 582 p.
15. Apanowicz, F. “Nowa proza” Warłama Szalamowa (problemy wypowiedzi artystycznej) / F. Apanowicz. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. – 198 s.

⁹ «Асимметрия устанавливается заранее» [8, с. 139] между двумя полюсами живых существ в пределах лагеря: эка и администрацией. Но это, конечно, несколько упрощает действительное положение. Стороны могли вполне друг с другом взаимодействовать (стучаство и т. п.), при этом не нарушается внешняя асимметрия, но сохраняется «интерес и цели исполнителей» [10, с. 32].

16. Krupa, B. Wspomnienia obozowe jako specyficzna odmiana pisarstwa historycznego / B.

Krupa. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIwersITAS, 2006. – 174 s.

Горбачевский Чеслав Антонович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheslavgor@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9145-7721

Поступила в редакцию 12 июля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240109

THE NOISE OF TIME IN LITERARY WORKS DEVOTED TO KOLYMA BY G. G. DEMIDOV

C. A. Gorbachevsky

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This paper focuses on the analysis of Georgiy Demidov's camp prose. Many camp survivors write about Kolyma penal servitude of the 20th century in different genres (novels, novellas, short stories, essays, tragedies, requiems, notes, diaries, confessions, etc.).

Demidov's vision of the Kolyma world with its specific northern realities is presented in his stories and novels. He focuses on the ritualized camp routine. In the majority of the cited texts, the word *ritual*, as a set of prison actions, is used mainly in lay and negative senses. *Ritual*, a constant attribute of prison-camp life in Kolyma, was intended not only to organize and discipline the prisoners but also to intensify the torture of imprisonment.

These (anti)social practices resulted in the relatively rapid destruction of *the thin film of civilization*. Its restoration later becomes an extremely difficult task for both the individual and society as a whole.

Keywords: image, genre, creative method, Kolyma, ritual, savagery, labor camp.

References

1. <https://shalamov.ru/>.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57 000 slov [Dictionary of the Russian Language] / pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Y. SHvedovoj. M.: Rus. yaz., 1985. 797 s.
3. Demidov G.G. Lyubov' za kolyuchej provolokoj: povesti i rasskazy [Love behind Barbed Wire: Novels and Short Stories]; publikaciya V. Demidovoj; predisl. M. CHudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2010. 360 s.
4. Demidov G.G. Chudnaya planeta [The Wonderful Planet]: rasskazy; sost., podgot. teksta, podgot. il. V.G. Demidovoj; poslesl. M. CHudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2008. 360 s.
5. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t.; sost., podgot. teksta i primech. I. Sirotinskoj. M.: Hudozh. lit., 1998. T. 1. 620 s.
6. Poeziya uznikov GULAGa: antologiya [Poetry of GULAG Prisoners]; pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva; sost. S. S. Vilenskij. M.: MFD: Materik, 2005. 992 s.
7. Chekhov A.P. Ostrov Sahalin (Iz putevyh zapisok) [Sakhalin Island (From Travel Notes)] // *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: v 30 t. M.: Nauka, 1987. T. 14–15. S. 39–372.
8. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking]; per., vstup. st., primech. A. Ostrovskogo. M.: TERRA-Knizhnyj klub: Respublika, 1999. 392 s.
9. Demidov G.G. Oranzhevyj abazhur [Orange Lampshade]: povesti; publikaciya V. Demidovoj; predisl. M. Chudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2009. 376 s.
10. Ternер V. Simvol i ritual [Symbol and Ritual]; sost. i avtor predisl V.A. Bejlis. M.: Nauka, 1983. 277 s.
11. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 4 t.; sost., podgot. teksta i primech. I. Sirotinskoj. M.: Hudozh. lit., 1998. T. 2. 509 s.
12. Jeppibaum J. GULAG. Pautina Bol'shogo terrora [The GULAG. The Web of the Great Terror]; per. s angl. L. Motyl'jova M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2006. 608 s.
13. Demidova V. Vospominaniya ob otce [Memories of father] // *G.G. Demidov. Chudnaya planeta*: rasskazy; sost., podgot. teksta, podgot. il. V.G. Demidovoj; poslesl. M. Chudakovoj. M.: Vozvrashchenie, 2008. S. 5–12.

14. Horvitz L.A., Catherwood C. Encyclopedia of War Crimes and Genocide. New York: Facts On File, 2006. 582 p.
15. Апанович Ф. “Nowa Proza” Wałama Szałamowa (Problemy Wypowiedzi Artystycznej). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996. 198 s.
16. Krupa B. Wspomnienia Obozowe jako Specyficzna Odmiana Pisarstwa Historycznego. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIwersITAS, 2006. 174 s.

Cheslav A. Gorbachevsky – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheslavgor@gmail.com

Received July 12, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбачевский, Ч. А. «Шум времени» в произведениях о Колыме Г. Г. Демидова / Ч. А. Горбачевский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 72–77. DOI: 10.14529/ssh240109

FOR CITATION

Gorbachevsky C. A. *The Noise of time* in literary works devoted to Kolyma by G. G. Demidov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 72–77. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240109

НЕНАДЕЖНАЯ НАРРАЦИЯ И НЕНАДЕЖНАЯ ФОКАЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

М. А. Смоленская

*Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара,
Российская Федерация*

Статья посвящена категориям ненадежного нарратора и ненадежного фокализатора в русской литературе конца XIX – начала XX века. На материале рассказов В. Я. Брюсова, повести А. П. Чехова «Драма на охоте», романа Е. И. Замятина «Мь» разграничиваются понятия ненадежного нарратора и фокализатора: в отличие от ненадежного фокализатора ненадежный нарратор сознательно желает обмануть читателя или запутать его, сталкивая в тексте противоположные точки зрения на одно событие. Выявлены подтипы ненадежного фокализатора в зависимости от причины ненадежной оптики – наивность, ограниченная информированность, изменения в психике, девиантное поведение, измененная картина мира героя. Рассматриваемые тексты относятся к неклассической парадигме художественности. Эпоха модернизма привлекает читателя к сотворчеству, а фигура ненадежного нарратора позволяет автору вовлечь его в эту «игру». Изменение повествовательных техник – фрагментарность, множественность точек зрения, пересмотр авторских стратегий – ведут к усложнению нарратива и появлению ненадежного повествования и ненадежной фокализации в текстах указанного периода. Разнообразие ненадежных нарраторов и фокализаторов позволяет говорить об этой стратегии как заметной черте произведений неклассической парадигмы художественности.

Ключевые слова: ненадежный нарратор, фокализация, точка зрения, событие, неклассическая парадигма художественности.

Введение

В связи с исследованием категории ненадежного нарратора авторские стратегии текстов классической литературы могут быть пересмотрены. Развитие понятия ненадежного фокализатора позволяет проанализировать феномен «наивного повествования», а разрыв между взглядом фокализатора и позицией нарратора становится необходимым для постижения истинного смысла рассказанной истории.

Обзор литературы

Некоторые определения «ненадежного нарратора», в том числе и трактовка термина У. Бутом, признанная классической, характеризуют его в сравнении с имплицитным автором: нарратор надежен, если «...говорит или действует в соответствии с нормами произведения (то есть, с нормой имплицитного автора)» [1, с. 159]. В. И. Тюпа, обращаясь к категории имплицитного автора («носитель подлинного смысла произведения как высказывания некоего нарратора» [2, с. 96]), выделяет два возможных варианта их взаимоотношений: «...нарратор бывает близок автору», и далек «...от понимания подлинного смысла своей истории» [2, с. 96]. Второй случай представляет собой ненадежного нарратора: «...конструктивное затруднение, преодоление которого выводит к истинному (авторскому) смыслу рассказанного» [2, с. 96]. По мнению исследователя, свидетельство ненадежного нарратора «...должно быть читателем в известной степени преодолено для постижения действительного смысла рассказанной ему истории» [2, с. 95].

Д. Шэнь считает повествователя недостоварным, если он «...неверно или недостаточно полно сообщает о событиях и людях, интерпретирует и оценивает их» [3]. Г. А. Жиличева выделяет формы ненадежности: «...утверждения нарратора могут не соответствовать друг другу» [4, с. 116], «...нарратор может сознательно лгать» [4, с. 117], «...некомпетентность или непрофессионализм рассказчика» [4, с. 118], «...измененное состояние сознания говорящего или его физическая неполноценность» [4, с. 118]. А. В. Жданова считает, что для ненадежного повествования характерны «...персонифицированная ситуация повествования, деформированность исходящей от нарратора информации, ненамеренное самоизобличение рассказчика, связь повествования с традициями детективного жанра» [5, с. 17].

А. В. Жданова, используя термин Жерара Жеттета, вводит понятие ненадежной фокализации, поскольку в этом случае «...отсутствует установка на самооправдание в глазах читателя и манипулирование им, не происходит и невольного самообличения рассказчика» [6, с. 155]. Причины такой фокализации разнообразны: нечеловеческая природа рассказчика, его психическая неполноценность, детский возраст, принадлежность к инопланетной цивилизации, в целом, ограниченное владение информацией [6, с. 155]. Таким образом, обращаясь к формам ненадежности Г. А. Жиличевой, лишь две из них можно отнести к ненадежной наррации – противоречивость утверждений нарратора и его сознательный обман, тогда как некомпе-

тентность, непрофессионализм рассказчика или его неверная интерпретация вследствие измененного сознания или физической неполноценности становятся, скорее, ненадежной фокализацией.

Ненадежность – качество текста, позволяющее имплицитному автору организовать сотворчество читателя. В зависимости от количества маркеров ненадежности его участие может быть более или менее активным: обманывающий нарратор неминуемо закладывает в текст множество намеков на собственную ненадежность, тогда как наивный, ошибающийся ненадежный фокализатор не ставит перед собой цель обмануть. Именно поэтому активность читательского участия в восстановлении идеи произведения снижается, поскольку такое восприятие менее направленно: нарратор не лжет, а в силу различных причин демонстрирует ограниченное знание о мире, что читатель распознает, опираясь на собственный жизненный опыт. Чем более явны в тексте знаки ненадежной наррации, тем более направленным оказывается восприятие читателя.

Перейдем к известным типологиям ненадежного нарратора. Традиционным является подход Г. Олсон, в котором выделены ошибающийся и не заслуживающий доверия нарратор. Первый тип объясняется не зависящими от нарратора обстоятельствами или недостаточной образованностью и информированностью [7]. Он ненадежен в силу различных причин, но без злого умысла. В определении ошибающегося нарратора виден прообраз термина «ненадежный фокализатор».

Ошибающимся считается нарратор, который неправильно оценивает или интерпретирует описываемые события. Д. Филан группирует шесть типов недостоверности по двум категориям:

- 1) неверные сведения, интерпретация или оценка, что является ошибочными сообщениями;
- 2) недостаточные сведения, неполная интерпретация и недооценка, что трактуется как недостаточное [8, с. 50].

Первая категория соответствует ненадежной фокализации, тогда как вторая может характеризовать ненадежность нарратора.

Предпримем попытку разграничить ненадежного нарратора и ненадежного фокализатора на материале текстов неклассической парадигмы художественности (концепция Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы и С. Н. Бройтмана). Мы считаем, что расцвет ненадежности возможен при наличии определенных отношений между автором и читателем. После парадигм рефлексивного традиционализма и креативизма появляется эпоха модернизма в связи с ощущением исчерпанности оснований и возможностей классической парадигмы художественности: «Художественное произведение обретает статус дискурса трехстороннего коммуникативного события: автор – герой – читатель» [9, с. 102]. Модернизм переворачивает тра-

дицию всезнающего, объективного нарратора, благодаря чему появляется больше текстов с ненадежным нарратором. Текст творим не только автором, но и читателем, который способен в процессе прочтения привнести дополнительные смыслы. В неклассической художественности «...дискредитация авторской монополии креативного сознания отводит автору роль организатора коммуникативного события <...>, тогда как его реализатором выступает сотворческая инстанция адресата» [10, с. 139–140].

Именно в это время текст начинает мыслиться как сотворчество. Когда основная роль отводится читателю, автору становится интересно «играть» с рецепцией. А фигура ненадежного нарратора дает возможность осуществить эту игру – путем эффекта «обманутых читательских ожиданий», манипулирования чувствами, игрой с восприятием, сменой точек зрения. Художественные произведения, выбранные нами в качестве материала исследования, относятся к этой парадигме. В. И. Тюпа считает, что эта тенденция зарождается в текстах А. П. Чехова, в которых «...зерно недосказанного в авторском тексте смысла художественного должно прорасти на почве воспринимающего сознания» [10, с. 140]. При ненадежной фокализации нарратор может устраниваться от вынесения прямолинейных оценок, «спрятаться» за ошибающимся героем, чтобы по разрыву между суждениями фокализатора и позицией нарратора читатель выявил истинный смысл произведения.

Методы исследования

В процессе исследования был использован нарративный метод анализа текста.

Результаты и дискуссия

В ходе исследования создана типология ненадежных нарраторов и ненадежных фокализаторов, в которой мы придерживаемся традиционного взгляда на разделение двух типов ненадежных нарраторов, ошибающегося и сознательно недостоверного, однако первый случай считаем ненадежной фокализацией. Мы также предлагаем выделять второй тип ненадежного нарратора, сталкивающего разные точки зрения на одно событие, поскольку такой нарратор особым образом направляет рецепцию.

Обратимся к ненадежной фокализации. В ходе исследования удалось выявить четыре подтипа ненадежной фокализации: фокализатор ограниченной информированности, наивный фокализатор, фокализатор с явными психическими расстройствами, фокализатор, находящийся в пограничном состоянии.

Рассмотрим фокализатора ограниченной информированности. Такого фокализатора находим в незаконченном тексте В. Я. Брюсова «Восстание машин». Подзаголовок «Из летописей ***-го века» относит его к некоему будущему. Текст от первого лица представляет собой письмо другу,

в котором очевидец необычайного восстания машин описывает эти события. Отправной точкой для повествования становится просьба друга героя рассказать о случившемся, поскольку после трагических событий выжило лишь несколько жителей города. Фокализатор, комментируя собственное письмо, признается в некомпетентности и в невозможности делать выводы, обобщения, анализ случившегося: «...я никогда не принял бы на себя этой ответственной задачи, потому что во многом она мне не по силам. Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию» [11, с. 99]. Своей задачей он ставит воспроизвести, насколько сможет, «...фантастические происшествия» [11, с. 99] и «...быть правдивым, насколько то возможно для человека, который терял грань между явью и сном и уже не сознавал, что реальность и что призрак» [11, с. 99–100].

Автор письма признается, что до случившихся событий не углублялся в суть происходящих процессов, лишь пользовался благами цивилизации. Осознанный прием нарратора – показать картину мира фокализатора, которого машины и роботы не поражают, а являются частью повседневности: «...я пользовался всеми благами современных машин, но никогда не задумывался над вопросом, как и где они приводятся в движение или каково их устройство» [11, с. 100]. С помощью этой ограниченности фокализатора нарратор способен показать далекое будущее, где люди живут в новом мире по новым законам. Читатель не получает сведений об устройстве этого общества. Фокус смещается на восстание машин: факт их существования привычен, понятен, это обыденность, тогда как их неподчинение человеку становится настоящим событием, изменяющим ход жизни человечества.

Как сообщает автор письма, пережитое заставляет измениться и начать приобретать знания – об устройстве нового мира (разделение на машинные районы, дистрикты, фемы, наличие сети станций, обслуживающих машин), о уже имевшихся прогнозах восстания этих машин (о чем, к своему стыду, фокализатор не знает). Он пытается разобраться в жизни своего мира и предполагает наличие «плана восстания», однако, как всегда, с оговоркой о собственном неведении: «Можно ли говорить о плане восстания, его “подготовленности”, его “сознательности”, – я не знаю. Как ни нелепа подобная мысль, но после всего пережитого мною я более не знаю, что немыслимо и что возможно» [11, с. 102].

Читатель остается в неведении о причинах восстания, его организации, последствиях. Главное здесь – фокус на сознании человека нового мира, который, достигая высот в технологичном развитии, деградирует, становится способным

лишь нажимать кнопки для вызова лифта и доставки еды.

Иной случай – наивный фокализатор романа Е. И. Замятина «Мы». Автор дневника воспринимает современный ему мир через некую «призму». Противоречие между видением фокализатора и истинным отношением нарратора к миру будущего в таких текстах становится одним из основных доказательств ненадежности.

Мир будущего читатель видит через призму строителя ИНТЕГРАЛА, который, ощущая личную необходимость присоединиться к объявлению правительства, пишет записки для жителей других планет. Его дневник – рождение писателя и человеческого сознания. В начале романа, до этой трансформации, его повествование проникнуто наивной оценкой и интерпретацией событий. Читателя ужасают описываемые реалии этой жизни (вместе с нарратором!), фокализатор же не задумывается о «неправильности» законов повседневности. Расписание поездов для него – древнейший и главнейший памятник литературы, розовые талоны – окончательное подчинение инстинктов человека математическим законам, наличие материнской и отцовской норм, «детоводство» – достижение будущего.

Казнь предателя государства он описывает как литургию, светлый, торжественный день, когда «...забываешь о своих слабостях» [12, с. 241]. Казнь человека – это «...просто, все это знал каждый из нас: да, диссоциация материи, да, расщепление атомов человеческого тела» [12, с. 243], он оценивает ее как чудо и знамение. Разрыв между представлениями фокализатора и этическими нормами читателя позволяет назвать его ненадежным. В этом отношении показательно описание Бюро Хранителей, куда Д-503 пытается донести на I-330, но не решается: «В глубине сквозь стекла длинная очередь голубоватых юниф. Как лампы в древней церкви – теплятся лица: они пришли, чтобы совершить подвиг, они пришли, чтобы предать на алтарь Единого Государства своих любимых, друзей – себя» [12, с. 222]. Он не замечает ужаса происходящего, напротив, очередь предателей есть подвиг.

После появления в его жизни I-330, загадочного «икса», переменной уравнения, у автора дневника появляются чувства, которые он отрицает: «И дальше – опять не помню, очень возможно потому что... Ну, да скажу прямо: потому что к “рояльному” ящику подошла она – I-330. Вероятно, я был просто поражен этим ее неожиданным появлением на эстраде» [12, с. 222]. В попытке скрыть влюбленность он ссылается на пробелы в памяти. Факт смущения объясняется им внезапностью произошедшего на сцене.

Во время первого свидания с I-330 фокализатор сравнивает себя с «уличной мембраной нового типа», которая записывает разговоры горожан [12,

с. 246]. Читателю остается лишь удивляться порядкам жизни будущего, тогда как слезка за жителями государства у автора дневника вопросов и недовольства не вызывает, напротив, мембраны «изящно задекорированы», а перепонка уха описана как живая, «трепещущая». Сравнение выбрано нарратором сознательно.

Таким образом, «наивный» фокализатор не вполне объективно оценивает события и людей – это свойство его личности. Он интерпретирует события недостоверно, исходя из собственных взглядов на мир, оценивая все с точки зрения своей картины мира. Через наивную оценку прорывается позиция нарратора, позволяющая убедиться в ошибочности его суждений. Разрыв между их взглядами позволяет оценить идею нарратора – о бесчеловечности жизни в условиях тоталитарного государства.

Отдельный подтип составляют фокализаторы с психическими расстройствами. Подобным примером становится новелла В. Я. Брюсова «В зеркале». Повествование ведется с точки зрения героини, тогда как подзаголовок «Из записок психиатра» явно выставлен рукой нарратора. Этот подзаголовок не только объясняет измененную картину мира героини, но и задает читательское восприятие: женщина больна и проходит курс психотерапии.

Текст – исповедь героини, с ранних лет полубившей зеркала. Она желала лишь одного: «...отдавать своё тело этим беззвучным далям, этим перспективам без эха, этим отельным вселенным, перерезывающим нашу» [11, с. 51]. Особенно ее привлекает двойник, призрак, «...странно удваивавший её существо» [11, с. 51]. Существование героини становится подчиненным идее разгадать тайну этого двойника – понять их сходства, выявить суть их различий: «Та, другая, знала то, чего я не могла разгадать, владела тайной, навек сокрытой от моего рассудка» [11, с. 52].

Повествование проникнуто внутренней точкой зрения о мире: в один миг двойник, раньше так увлекавший ее воображение, меняется с героиней местами: «Я поняла, что моя соперница теперь живет моей жизнью, пользуется моими туалетами, считается женой моего мужа, занимает в свете мое место» [11, с. 56]. Женщина считает себя одним из изображений, населяющих зеркальный мир: «...началась моя жизнь как отражения. Странная, полусознательная, хотя тайно-сладостная жизнь. Нас было много в этом зеркале...» [11, с. 56].

Героиня решает на борьбу со своей «соперницей», постепенно овладевая ее жизнью. Как она сама признается, быстро действовать женщине не хотелось, чтобы насладиться небытием. Раздвоенность собственного сознания ей самой сознается, но она не пугает, а приносит удовольствие.

После победы – перевоплощения – женщина приказала вынести роковое зеркало, а «...в первом

порыве ликования не остереглась» [11, с. 59] и полностью описала семье мучительную борьбу с двойником. В этом признании важно, что ранее ее представления о мире зеркал были тайной для близких.

Уже находясь в психиатрической лечебнице, героиня пытается убедить себя, что она жаждет «...вернуться к радостям жизни» [11, с. 59]. Однако следующие слова выдают ее истинные желания: «Я не должна сомневаться, что я это – я» [11, с. 59].

Итак, причиной ненадежности фокализатора становится психическое заболевание. Нарратор ставит своей целью показать болезненное сознание душевнобольного человека.

На периферии ненадежности находится нарратив пограничного состояния. Такой ненадежный фокализатор, как указывает В.И. Тюпа, «...в своей патологической обособленности видит то, чего никто из людей видеть не может» [13, с. 14]. Подобный фокализатор присутствует в пограничном состоянии, между сном и реальностью.

В рассказе В. Я. Брюсова «Теперь, когда я проснулся...» подзаголовок «Записки психопата» также принадлежит нарратору. Такой подзаголовок показывает отношение нарратора к повествующему герою и задает линию восприятия его записок.

В первых фразах герой признается в своей лживости: «Конечно, меня с детства считали извращенным. Конечно, меня уверяли, что моих чувств не разделяет никто. И я привык лгать перед людьми» [11, с. 43]. Повествование крайне диалогизировано, герой будто оправдывается, продолжая диалог, начатый за пределами записок. В следующих строчках налицо искаженные представления о природе человеческой души: «Но в тайне души я был убежден, и убежден даже и теперь, что по своей природе человек преступлен» [11, с. 43].

Сны, не только свои, но и каждого человека, он считает «второй действительностью» [11, с. 44]. Если сначала герою были интересны неведомые миры, то потом сны привлекают его с точки зрения возможности совершать в них безнаказанные преступления: «...я стал палачом» [11, с. 45]. Для осуществления своих тайных желаний повествующий герой овладевает способностью управляемого сна: «Это – мгновения того странного состояния, когда наше тело покоится во сне, а мысль, зная то, тайно объявляет нашему призраку, блуждающему в мире грез: ты свободен!» [11, с. 44]. Он решает на преступление во сне, «дикий, злой, греховный» [11, с. 44] поступок, поскольку знает, что останется совершенно безнаказанным.

Нарратор предлагает оценить состояние фокализатора двояко: перед нами нездоровый человек с расщепленным сознанием или преступник-

обманщик: «Я умел и жить в своих грезах, и созерцать эту жизнь со стороны» [11, с. 46]. Герою утверждается даже наличие «...второго сонного сознания» [11, с. 49], принадлежащего другой действительности. Однако первые фразы текста заставляют подозревать героя: что, если все описанное, вероломный обман?

Ответственность за произошедшее убийство он перекладывает на своих друзей. Герой убежден, если бы не они, он остался бы «безумным, одинокими счастливым» [11, с. 46]. В текст косвенно включена внешняя точка зрения – мнение друзей о его расстройстве: «Но немногие бывшие у меня друзья, найдя меня больным и близким к помешательству, захотели меня спасти» [11, с. 46]. Женившись, герой, по его собственному признанию, пытался вернуться к реальному миру. Но желать погрузиться в осознанный сон и предаться безумствам он не перестал. Так рождается мысль о раздвоении: оставаться в действительности любящим мужем, но ввести образ жены в свои сны: «Я мог, наконец, осуществить свою тайную мечту <...>. И все это должно было остаться известным лишь мне одному» [11, с. 49].

Кульминационный эпизод текста посвящен описанию убийства жены. И фокализатор, и читатель вслед за ним убеждены, что описываемые события происходят во сне. Подробно описано «вхождение» в состояние сна, такое родное, знакомое, близкое фокализатору. Герой, будто невзначай, отмечает детали, доказывающие его пребывание во сне: он не идет, а летит, «...как то всегда бывает во сне» [11, с. 49]. Видя жену, жалея ее, он напоминает себе, что всё это сон.

В текст подспудно включены детали, позволяющие двойко оценить произошедшее. В момент убийства женщина просыпается и открывает глаза, что явно отсылает к реальности героя: «Она проснулась сразу, открыла глаза и вся заметалась под моей рукой» [11, с. 49]. Обращает на себя внимание и изменение тона повествования: если раньше о снах герой сообщал лишь в нескольких чертах (спутники-помощники, «любимые типы жертв» [11, с. 46], орудия пыток, без уточнения), то это убийство описано натуралистично. Налицо и противоречивость фокализатора. В начале рассказа он заявлял о созданной им подходящей обстановке в сновидениях, а теперь место действия – спальня супругов, с деталями реальной действительности: лампадкой, что освещает комнату, платком у подушки, так как жена плакала, прежде чем уснуть. Все это не соответствует ранее описанному сну как творимой второй действительности. Герой явно обращает внимание на детали повседневности, утаивая истинные мысли.

Финальной фразой рассказа нарушаются ожидания: «Тогда вдруг я понял, что этот в раз все, что свершилось, было не во сне» [11, с. 50]. Сон обернулся явью. Неизвестно лишь, стало ли это

для него открытием, или все описанное – подтверждение заявленной привычки лгать. Оборванность финала заданную раздвоенность прочтения сохраняет.

Подзаголовок рассказа В. Я. Брюсова «В башне» – «Записанный сон» – однозначно определяет характер событий: все произошедшее с героем приключения нереальны: «Нет сомнения, что все это мне снилось, снилось сегодня ночью» [11, с. 61]. Следующей фразой его уверенность нивелируется: «Правда, я никогда не думал, что сон может быть столь осмысленным и последовательным» [11, с. 61]. Сомнения и тревоги дают толчок к рассуждению о соотношении сна и действительности: «А чем иным отличается сон от яви, кроме того, что оторван от прочной цепи событий, совершающихся наяву?» [11, с. 61].

Во сне герой становится заложником рыцарского замка, влюбляется в дочь короля, Матильду, бунтует против его политики. Финальной фразой новеллы разрушаются горизонты ожидания произведения: «Но странная и страшная мысль тихо подымается из темной глубины моего сознания: что если я сплю и грежу теперь и вдруг проснусь на соломе, в подземелье замка Гуго фон-Ризен?» [11, с. 65]. Последняя мысль фокализатора обрывает повествование. Налицо пограничное состояние фокализатора.

От проанализированных ненадежных фокализаторов стоит отличать ненадежного нарратора. Нам представляется, что существует два типа таких нарраторов: классические обманщики и нарраторы, сталкивающие точки зрения на одно событие, удаляющиеся от вынесения однозначных оценок. Обманывающего нарратора мы находим в повести А. П. Чехова «Драма на охоте».

В повести присутствуют два нарратора – первичный и вторичный. Первичным нарратором выступает редактор А. Ч., который описывает встречи с Камышевым, начинающим литератором. Камышев – вторичный ненадежный нарратор: он конструирует свой литературный образ – следователя Зиновьева, выбирая, что акцентировать, а что утаить.

В ходе повествования отмечается противоречивость Камышева в выносимых оценках, излишняя эмоциональность и предвзятость к описываемым событиям. Так, представляя Оленьку, свою жертву, Камышев отказывается повествовать: «К чему трогать память этого молодого, безгрешного существа?» [14, с. 381]. Однако затем он переоценивает «белокурую головку» и называет девушку «глубоко павшей красивой женщиной» [14, с. 381].

В поведении Камышева наблюдается желание утаить от читателя собственные неблагоприятные черты. Так, доктор бранит его за разгульное поведение: тот чуть не убил человека. Читатель понимает, что Камышев вспоминает эти события: «Я по-

краснел и прошелся из угла в угол» [14, с. 407], но отворачивается от собеседника, чтобы скрыть вину.

В тексте есть проявления внешней точки зрения на повествующего героя – взгляд других персонажей, которые обличают его во лживости, даже выносят приговор: *«Дай бог, чтоб я заблуждался, но мне кажется, что вы немножко психопат»* [14, с. 417]. Обращает на себя внимание и изменение тона повествования после убийства Ольги, и реакция читателя А. Ч. на это изменение: *«...ничего не говорит о впечатлении, произведенном на него видом умирающей Ольги. Думаю, что это пробел преднамеренный»* [14, с. 498].

Первичный нарратор А. Ч. включает встречи с Камышевым в текст и делает их первым и финальным эпизодами повести. А. Ч. рисует портрет Камышева положительными красками. Первичный нарратор входит в текст не только как автор двух эпизодов, но и как комментатор рукописи вторичного нарратора. Он оставляет свои примечания, комментарии на полях текста Камышева, которые направляют читателя к признанию ненадежности вторичного нарратора. С помощью сносок в текст вводится внешняя точка зрения редактора, которая «ведет» читателя к разгадке. А. Ч. – олицетворение эксплицитного читателя, а процесс чтения отражают поля рукописи Камышева.

Редактор представляется нам нарратором надежным, поскольку располагает эпизоды в хронологическом порядке: первую встречу, когда он не знаком с рукописью и может оценивать посетителя лишь по благоприятному внешнему виду, после которого следует процесс чтения и постепенное раскрытие вины Камышева. И, наконец, финальный эпизод с «допросом» автора записок. В финальной сцене Камышев признает сознательную установку на ненадежное повествование: *«Что ни страница, то ключ к разгадке...»* [14, с. 540]. Герой создает образ ненадежного рассказчика, чтобы даже *«средний читатель»* [14, с. 540] обличил его в совершении преступления.

Первичный и вторичный нарраторы текста являются эксплицитными нарраторами. За ними «прячется» имплицитный нарратор, который оформляет основные события именно в этом порядке. Мы идем вслед за В. Шмидом, который считает, что «...нарратор всегда предстает как субъект, наделенный более или менее определенной точкой зрения, которая сказывается, по меньшей мере, в отборе тех или иных элементов из “событий” для повествуемой “истории”» [15, с. 66–67]. Имплицитный ненадежный нарратор передает право слова эксплицитным нарраторам и устраняется от вынесения оценок. Однако в расположении эпизодов, в подборе языковых средств и проявляется эффект «обманутого читательского ожидания». Представляя читателю редактора, первого читателя записок, он заставляет доверять выносимым оценкам, чтобы затем обмануть его ожи-

дания – что делает его нарратором, который желает обмануть читателя.

Особняком стоят произведения, в которых нарратор «сталкивает» различные точки зрения персонажей или несколько точек зрения одного героя на событие. Хрестоматийным примером этого типа ненадежного нарратора является «В чаще» Рюноске Акутагавы, где даны точки зрения свидетелей и участников событий, которые, тем не менее, не дают целостной и истинной картины. Нарратор стремится запутать читателя, показать недостижимость истинных знаний и полноценной, окончательно достоверной информации. Отсутствие однозначной развязки делает такие тексты нарративами с ненадежным нарратором. Версии могут противоречить друг другу, однако нарратор не раскрывает истинное положение вещей.

Новелла В. Я. Брюсова «За себя или за другую?» начинается с восклицания главного героя *«Она! Нет, конечно, она!»* [11, с. 198]. Петр Андреевич Басманов, встречая на улице Интерлакена женщину, принимает ее за свою прошлую любовь: *«Он не сомневался более, что это Елизавета»* [11, с. 198]. Возможность двойного прочтения заложена в характеристику, которую Басманов дает героине: *«Это – Елизавета, потому что не может быть двух женщин тождественных, как тождественны два отражения в двух смежных зеркалах!»* [11, с. 198]. Эта характеристика выстраивает шесть женских образов – два зеркала, две женщины, два отражения.

Колебание героини при первой встрече также можно прочитать двояко: чем оно вызвано – узнаванием мужчины или удивлением от поведения незнакомца – не ясно.

Герой начинает обманывать себя, убеждать, что встретил именно ее, находя объяснения для возникающих несоответствий Елизаветы и этой дамы: акцент он списывает на долгое пребывание за границей, нежелание узнавать его – на обиду за прошлые поступки, холодный характер – на жизненные испытания. В ходе дальнейшего сближения героев женщина соглашается играть роль Елизаветы: *«Вам так хочется, чтобы я была Елизаветой. Ну, хорошо, я буду Елизаветой»* [11, с. 203]. И вновь ее слова звучат двояко: с одной стороны, перед нами Екатерина и она соглашается притвориться другой женщиной, возлюбленной героя. С другой – прошло много времени, Елизавета могла измениться, ее любовь закончилась – и тогда, действительно, этой Елизаветы из прошлого уже нет. Женщины, которая любила Басманова, больше нет, но она может согласиться быть той Елизаветой для него снова – сыграть себя из прошлого, чтобы отомстить мужчине.

Встретившись со страстной женской любовью, Басманов утверждает, что испугался и стал инициатором разрыва: *«Он побоялся взять эту любовь, потому что взамен надо было что-то»*

дать, а он чувствовал себя духовно нищим» [11, с. 199]. «Началась вторая игра», и женщина постепенно развенчивала представления мужчины о ее «безумной, яростной, иступленной» любви, какой вспоминает ее Басманов при первой встрече. Согласившись играть роль другой, женщина постепенно «...вносила траву в самые заветные воспоминания Басманова. Своими намеками она развенчивала все прекраснейшие факты прошлого. Она давала понять, что многое из того, что Басманов считал проявлением ее самоабвенной любви, было лишь притворством и игрой» [11, с. 204]. Возможно, это месть, что затеяла неизвестная, возможно – уязвленное самолюбие отвергнутой женщины.

Все его существование подчиняется попытке разгадать тайну, он уже не так уверен, что перед ним Елизавета, причем в его сознании эта двойственность закреплена в слиянии фамилии: «Словно маниак, он думал об одном: как разгадать тайну Свибловой-Садиковой» [11, с. 205].

Две возможные версии слитны в финальном письме, которым оканчивается новелла. Сознание героя раздвоено, нарратор устраняется от вынесения однозначных оценок: «Предположите, что я была совершенно незнакома с вами, но, узнав из ваших взволнованных рассказов, как жестоко вы обошлись когда-то с некоей Елизаветой, я решила отомстить вам за нее» [11, с. 205]. Вопрос, за кого мстила героиня, оказывается снятым. В подлинной слитности двух точек зрения максимально явлена в соединении имени героини с именем бывшей возлюбленной: Елизавета – Екатерина. В финальной фразе текста образ из прошлого и настоящего сливается воедино. Для нарратора не важно, какая именно женщина мстит герою, важно понимание женщины как сильной, мстящей силы, привносящей хаос в установленный порядок.

В новелле все двойится: прошлое и настоящее, Россия и Швейцария, Елизавета и Екатерина, воспоминания и их развенчание, месть за себя или за незнакомку. Однозначен лишь реванш героини.

Выводы

Использование ненадежного нарратора и ненадежного фокализатора становится заметной тенденцией русской литературы рубежа веков. Тексты с ненадежным фокализатором демонстрируют классический разрыв между тем, «кто видит», и тем, «кто говорит». Нарратор «прячется» за словами ненадежного фокализатора, зная больше, чем видит и может понять герой. Авторской стратегией в подобных случаях становится не сознательный обман читателя, а демонстрация картины мира повествуемого героя: психическое изменение человека рубежа веков, наивность жителя тоталитарного государства, заинтересованность погружением в пограничное состояние для избегания действительности. Тексты с ненадежным нарратором многогранны и разнообразны. В произве-

дениях неклассической парадигмы художественности находим как классического обманщика, скрывающего преступление и желающего быть пойманным, так и «усложненного» ненадежного нарратора. Сознательно дистанцируясь от истинного положения вещей в художественной действительности, такой нарратор сталкивает точки зрения, не восстанавливая подлинной картины событий. В подобных случаях нарратором движет не желание утаить неприятные факты от читателя, а вовлечение его в игру. Столкновение версий, оказывающихся равноправными, позволяет сместить акцент с восстановления истинного положения вещей на конфликт и идею произведения.

Литература

1. Booth, W. C. *The Rhetoric of Fiction* / W. C. Booth. – Chicago : The university of Chicago press, 1961. – 552 p.
2. Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии / В. И. Тюпа. – СПб. : Алетей, 2021. – 270 с.
3. Шэнь, Д. Нарративная недостоверность: типы, подходы и перспективы исследования / Д. Шэнь // *Narratorium*, 2012. – № 2 (4). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628919> (дата обращения: 07.11.2023).
4. Жиличева, Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) : дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Жиличева. – М., 2015. – 429 с.
5. Жданова, А. В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В. В. Набокова «Лолита») : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Жданова. – Самара : Самарский государственный университет, 2007. – 24 с.
6. Жданова, А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. – 2009. – № 2. – С. 151–164.
7. Olson, G. *Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators* / G. Olson // *Narrative*. – 2003. – № 11. – P. 93–109.
8. Phelan, J. *Living to Tell about It* / J. Phelan. – Ithaca : Cornell UP, 2005. – 236 p.
9. Тamarченко, Н. Д. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тamarченко. – М. : Академия, 2004. – 512 с.
10. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тamarченко. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 358 с.
11. Брюсов, В. Я. Повести и рассказы / В. Я. Брюсов ; сост., вступ. статья и примеч. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. – М. : Сов. Россия, 1983. – 368 с.
12. Замятин, Е. И. *Собрание сочинений* : в 5 т. Т. 2. Русь / Е. И. Замятин ; сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. – М. : Русская книга, 2003. – 592 с.

13. Тюпа, В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе / В. И. Тюпа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 2. – С. 10–18.
14. Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 12 т.

- Т. 2 : Рассказы 1883–1885 / А. П. Чехов ; под общ. ред. В. В. Ермилова, К. Д. Муратовой, З. С. Паперного, А. И. Ревякина. – М. : ГИХЛ, 1960. – 592 с.
15. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Смоленская Мария Александровна – аспирант, ассистент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), e-mail: ilcheva.mariya@psga.ru. ORCID: 0000-0002-9474-1955

Поступила в редакцию 30 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240110

UNRELIABLE NARRATION AND UNRELIABLE FOCALIZATION IN WORKS OF NON-CLASSICAL RUSSIAN LITERATURE

M. A. Smolenskaya

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

This article is devoted to unreliable narration and unreliable focalization in Russian literature of the late 19th and early 20th centuries. The analyzed texts belong to the non-classical paradigm of art. Texts of the modernist era attract the reader with co-creation, and the unreliable narrator allows the author to involve reader. The concepts of unreliable narration and unreliable focalization are differentiated. An unreliable focalizer may be naive, limited in information, or have changes in consciousness and psyche. A narrator who deliberately deceives and a narrator who brings together several points of view on one event in the text are considered unreliable. Unreliable narration and unreliable focalization are features of non-classical literature.

Keywords: unreliable narrator, focalization, point of view, event, non-classical literature.

References

- Booth W.C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: The university of Chicago press, 1961. 552 p.
- Тюпа В.И. *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. SPb.: Aletejja, 2021. 270 s.
- Shen D. *Narrativnaya nedostovernost': tipy, podhody i perspektivy issledovaniya* [Narratorial Unreliability: Types, Approaches, and Extensions (translated by I. G. Drach)] // *Narratorium*. 2012. № 2 (4).
- Zhilicheva G.A. *Narrativnye strategii v zhanrovoj strukture romana (na materiale russkoj prozy 1920–1950-h gg.* [Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (Based on Russian Prose of the 1920s–1950s)]: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2015. 429 s.
- Zhdanova A.V. *Struktura povestvovaniya v uslovijah nenadezhnogo narratora (roman V.V. Nabokova «Lolita»)* [Narrative Structure in the Context of an Unreliable Narrator (V. V. Nabokov's Novel «Lolita»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet, 2007. 24 s.
- Zhdanova A.V. *K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoj narracii* [History of Unreliable Narration Occurrence as Literary Phenomenon] // *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*. 2009. № 2.
- Olson G. *Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators* // *Narrative*. 2003. № 11. P. 93–109.
- Phelan J. *Living to Tell about It*. Ithaca: Cornell UP, 2005. 236 p.
- Tamarchenko N.D., Tiupa V.I., Brojtman S.N. *Teoriya literatury: uchebnoe posobie: v 2 t. T. 1. Teoriya hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [The Theory of Literature: Study Guide: in 2 vols. Vol. 1. The Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics]. M.: Academy, 2004. 512 s.
- Поетика: словарь актуальных терминов и понятий [Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts] / pod red. N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj: Intrada, 2008. 358 s.
- Brjusov V.J. *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. M.: Sov. Rossija, 1983. 368 s.
- Zamjatin E.I. *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 2. Rus'* [Collected Works in 5 Vol. V. 2. Rus']. M.: Russkaja kniga, 2003. 592 s.

13. Тура V.I. Pogranichnye sostojanija v literaturnom narrative [Borderline States in Fictional Narrative] // *Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*. 2019. № 2. S. 10–18.
14. Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 2: Rasskazy 1883–1885 [Collected Works: in 12 vol. V 2. Stories 1883–1885]. M.: GIHL, 1960. 592 s.
15. Shmid B. Narratologija [Narratology]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

Mariya A. Smolenskaya – Postgraduate Student, Assistant of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara), e-mail: ilcheva.mariya@psga.ru

Received November 30, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смоленская, М. А. Ненадежная наррация и ненадежная фокализация в произведениях неклассической парадигмы художественности / М. А. Смоленская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 78–86. DOI: 10.14529/ssh240110

FOR CITATION

Smolenskaya M. A. Unreliable narration and unreliable focalization in works of non-classical Russian literature. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 78–86. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240110

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ПОЭЗИИ МОЛОДЫХ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ АВТОРОВ

Е. А. Смышляев, В. И. Ибраева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В данной статье исследуются особенности субъектной организации в поэзии молодых южноуральских авторов (Р. Аглиуллиной, Е. Коляченко, А. Маниченко, Р. Япишина). Данное поколение поэтов пришло в литературу в период активного развития новых информационных и коммуникационных технологий. Цифровой поворот привел к стремительному увеличению текстов, публикуемых в интернете, а также к возможности молодых авторов опираться на более широкий круг художественных текстов, нежели у предыдущих поколений, что проявилось в полистилистичности и полипарадигматичности поэтического языка.

Категория субъектности в поэзии молодых авторов проявляется вариативно. Это может быть десубъективация, то есть различные формы косвенного высказывания, масочность и многоголосие лирического «я». Зачастую субъект в поэзии молодых авторов трансгрессивен, является транслятором болезненного опыта взаимодействия с миром, опыта преодоления травмы.

Важным для понимания субъектной структуры творчества молодых поэтов является термин «трансубъективность», связанный с явлением «нового эпоса» в современной русской литературе. Для молодых южноуральских авторов важной становится трансляция историй «других» голосов, историй не о себе, но о других людях, рефлексия чужих чувств, чужого опыта. Трансубъективность зачастую является способом самоидентификации в современной поэзии, попыткой рассмотрения индивидуального опыта сквозь призму чужого, взгляд на себя со стороны.

Ключевые слова: субъектность, адаптивность, лирический субъект, современная уральская поэзия, трансубъективность, десубъектация, самоидентификация.

Введение

Младшее поколение современных челябинских поэтов заявило о себе не так давно: их активное участие в литературной жизни началось примерно в период с 2008 по 2015 год, но их творчество уже тогда вызвало сильный интерес, в том числе на всероссийском уровне. Так, челябинские поэты становятся лауреатами таких всероссийских премий, как «Осиянное слово», «Сочи-МОСТ», входят в лонг- и шорт-листы крупных литературных премий «Дебют», «ЛитератураРентген» и др., их произведения публикуют крупные журналы, такие как «Воздух», «Урал», «Москва», а в 2013 году публикуется сборник «На достаточных основаниях», составленный Я. Грантсом, в который вошли произведения пятнадцати молодых челябинских поэтов.

Многие исследователи современной русской литературы, такие как А. А. Житенев, Д. М. Давыдов, И. В. Кукулин, А. Э. Скворцов, Д. В. Кузьмин и др., отмечают, что в начале XXI века становится невозможным единый литературный процесс в том понимании, как его воспринимали на протяжении XVIII–XX вв. Говоря о молодых поэтах 2000-х годов в статье «Русская поэзия в начале XXI века», Д. В. Кузьмин отмечает «...резкий стилистический и мировоззренческий разброс среди молодых авторов, входивших в литературу одновременно и, казалось бы, в сходных условиях» [1]. В статье «Без поколения» А. Э. Скворцов отмечает, что «...младшие нередко приходят в поэтическое пространство словно бы на пустое место,

не столько борясь с предшественниками, сколько игнорируя их или вообще не имея представления о том, что предшественники были и есть» [2].

Процесс личностного и творческого созревания резко изменился в начале первого десятилетия XXI века, связано это было в первую очередь с повсеместным проникновением в жизнь человека информационно-коммуникационных технологий. Д. М. Давыдов отмечает это в статье «Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия», подчеркивая, что для молодого поколения «...характерен генезис в Интернете, ориентация на сетевые формы организации. Отсюда – равная возможность опереться на самые различные литературные источники» [3, с. 366]. Эта возможность приводит к вариативности, полипарадигматичности и полистилистичности поэтического языка.

Обзор литературы

Термин «лирический герой»¹ был впервые использован Ю. Н. Тыняновым в 1921 году при изучении поэзии А. А. Блока. Ученый отмечал: «Блок – самая большая лирическая тема Блока. Эта тема притягивает как тема романа еще новой, нерожденной (или неосознанной) формации. Об этом *лирическом герое* и говорят сейчас» [4, с. 118]. Б. О. Корман в своей концепции в качестве главного признака лирического героя выделяет двойственность его природы, которая проявляется в совмещении субъектных и объектных качеств:

¹ Понятия «лирический субъект» и «лирический герой» синонимичны.

он – «...и носитель сознания, и предмет изображения» [5, с. 45]. В. Е. Хализев, говоря об особенностях лирики, различает «...автопсихологического и ролевого субъекта лирического произведения» [6, с. 91], в зависимости от того, близок ли лирический субъект автору или нет. Это же отмечает и Л. Я. Гинзбург, говоря о синтезе субъектных и объектных признаков, которые и определяют сущность лирического героя. По мнению исследователя, лирическая личность создает проекцию бытия ее двойника в реальной жизни, «...причем этот лирический двойник... не является эмпирической, биографической личностью, взятой во всей противоречивой полноте и хаотичности своих проявлений» [7, с. 149]. Во всех рассмотренных случаях особый упор делается на опосредованных связях лирического «я» с биографическим «я» поэта, что позволяет четко разграничить объективный мир и художественную реальность.

Проблема субъектной структуры в современной отечественной поэзии является одной из ключевых. Интерес к якобы исчезнувшей под напором постмодернизма, с его заявлениями о вторичности любого высказывания и власти языка над сознанием и личностью, категории лирического субъекта становится все более напряженным. Так, А. В. Штраус в своей диссертации «Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990–2000-х годов» отмечает, что «...лирический субъект продолжает существовать как особый тип героя, свойственный лишь лирическому миру, ибо без него невозможно самое воплощение лирического мира. Следовательно, формы, возникающие как замена лирического героя, на самом деле являются вариантом развития этой категории. Кризис, собственно говоря, захватывает не категорию лирического героя, а теоретико-литературные модели, такового героя описывающие» [8, с. 31].

Говоря об особенностях субъектной структуры поэзии конца XX века, безусловно повлиявших на творчество молодых авторов, А. А. Житенев в монографии «Поэзия неомодернизма» связывает кризис субъектности с понятием «смерти автора» (Р. Барт), отказом от веры в то, что у текста есть личностно обусловленный вектор: «...“смерть автора” предполагает не столько деструкцию субъектности как таковой, сколько постановку под вопрос самотождественного субъекта, его замену “субъектом-в-процессе” (sujet en proces), принципиально “неготовым”, фрагментарным, утверждающим себя через сомнение» [9, с. 98].

В философских трудах постструктуралистов (Ж. Деррида и М. Фуко) [10, 11] субъект представляется фрагментарным. Стремясь разрушить «логоцентризм» (язык власти и власть языка), они, по сути дела, доводят до конца разрушение субъекта, начатое Л. Витгенштейном.

Десубъектация, исчезновение субъекта или его расщепление на множество голосов, становится

ключевым в философии и творчестве М. Бланшо: «Бланшо руководствуется, как он говорит в начале “L’Entretien infini”, анонимным, отвлеченным, отсроченным и рассредоточенным способом существования во взаимоотношениях, при котором все ставится под сомнение – и в первую очередь идея Бога, “Я”, субъекта, затем истины и единого, и, наконец, идея книги и произведения» [12, р. 31]. И. Кукулин в статье «Создать человека, пока ты не человек...» делает важные замечания о ключевых тенденциях в поэзии 2000-х. Так, в качестве ключевых векторов в новейшей русской поэзии ученый выделяет преодоление «героического консенсуса» через уход в рефлексию личного (внимание к людям вокруг себя, их историям и жизням) и транссубъективность, заключающийся в смене регистра высказывания от прямого к косвенному, трансляции нарративов «разных людей, разными голосами» [13]. Данные тенденции связаны как с развитием традиций, заложенных еще в XX веке, так и с развитием нового пространства для самопрезентации: социальных сетей, где «...стихотворение, вывешенное в личном блоге автора, за несколько часов “обрастает” многочисленными комментариями сочувствующих и оппонентов; современные любители поэзии начинают день с просмотра “ленты друзей” или сводки новостей». Таким образом, для творчества молодых поэтов, генезис которых происходит во многом в интернете и социальных сетях, перечисленные выше тенденции становятся ключевыми.

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительный, структурный, типологический и аналитический методы.

Результаты и дискуссия

В творчестве младшего поколения челябинских поэтов можно выделить следующую тенденцию: лирическое «я» отличается неоднородностью, часто встречается многоголосие. Молодые поэты не стремятся создать прямое лирическое высказывание, наоборот, уходят от него, избегая подчеркнутой автобиографичности. Для них характерна смена образов, использование различных ситуационных контекстов и миров. Эти приемы необходимы для того, чтобы дать читателю почувствовать переживания, ощущения, мысли, возникающие в процессе сопоставления различных образов, приемов, лексики. Как отмечает в статье «Создать человека, пока ты не человек...» исследователь современной поэзии, литературовед, критик И. В. Кукулин, «Поэтическое “я” 2000-х, – внутренне разнородное, собирающее себя из нарочито конфликтных элементов» [13]. А. Маниченко в своих произведениях выстраивает драматургические отношения, участниками которых становятся разные формы лирического «я» – персонажи, маски и голоса. Так, в поэтическом тексте «Сад (мистерия)» сюжет разворачивается между персона-

жами «земля» и «мертвая невеста». Уже в заглавии видно соединение поэтического и драматургического начала, автор четко показывает жанровую принадлежность – мистерия. Присутствуют и другие маркеры драматического жанра: деление на реплики, ремарки, мизансцены, имена действующих лиц.

САД (мистерия)

нежные мертвецы хрупкие косточки

этот старик смотрит на них и знает

слишком много

его надо заткнуть

пока не разболтал государственную тайну

смерть нежна ночь еще нежней

соловьи тихие о ее любви о ее

розы вянут о ее любви о ее касаниях

о ее тонких пальцах

холодных взглядах

медленных признаниях

земля:

мне холодно приходи ложись

обнимай

расскажи мне сказку а то темно

и такая ночь

<...>

мертвая невеста:

мухи в моем саду в моей голове

рой мушиный жужжит

приходи ко мне ложись в траве

видишь как мир дрожит [14].

Нелинейность лирического высказывания А. Маниченко во многом соотносится с таким явлением, как «новый эпос», манифестированным Ф. Сваровским в 2007 году в журнале «РЕЦ»: «Итак, мне кажется, что последние 10 лет в русской словесности обнаруживается качественно новое явление, которое я бы назвал “новым эпосом”. Его основные внешние признаки: повествовательность и, как правило, ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов, а также концентрация смыслов не на реальной личности автора и его лирическом высказывании, а на некоем метафизическом и часто скрытом смысле происходящего, находящемся всегда за пределами текста» [15, с. 3–4]. Доказательством влияния Ф. Сваровского и А. Равинского на А. Маниченко становится анкетирование, проведенное нами для исследования, в котором поэт упоминает эти имена в числе читаемых им авторов.

В книге стихотворений «Гербарий» Александр Маниченко затрагивает тему творчества и значения поэтического искусства. Важным для понимания особенностей лирического субъекта книги «Гербарий» становится тема произведе-

ния – сопоставление роли бога-творца и роли поэта-творца. Как известно, бог создал райский сад, полный всевозможных растений и животных. В книге же Александр Маниченко персонифицирует свое лирическое «я» – непосредственно автора. Объединяющим их началом становится возможность создавать что-то новое, процесс творения, созидания, демонстрация творческого акта.

Уже в первом сонете в двух катренах нам показаны два лирических героя – это сам бог, демиург, создавший свой сад и наслаждающийся им («сам бог гуляя по утрам...»), и лирический субъект (лирическое «я» автора) («не вянут на моих руках...»). Резкий переход от одного к другому, от третьего лица к первому («свои венки плетет – не вянут на моих руках...») в пределах двух строк позволяет соотнести между собой различные позиции и провести параллель между образами. Лирический субъект здесь уподобляется богосоздателю, творящему началу, и творческий акт сравнивается с актом сотворения мира, но уже не физического, а пространства слов и названий. Так, перечисляя дары бога, помимо физических, материальных объектов появляются слова – уже результат творчества поэта: «о красоты твоих даров из ветра птиц и слов...». Таким образом, следующее за этим обращение «о как твой замысел хитер...» направлено уже не только к образу бога, но и к лирическому автору.

В шестом сонете через синтаксический параллелизм подчеркивается синкретизм образа бога и лирического автора. Выстраивается логическая связь: Бог – лирический автор и цветы – слова. Таким образом расширяется сфера субъекта, он не просто уподобляется Богу в акте творчества, но и сам становится Богом создаваемой им реальности. Значение цветов, первоначальное связанное с богом, расширяется, в том числе и из-за жанровой номинации – *венки* сонетов, поэтому слова лирического «я» автора обретают новое значение: автор сам наблюдает и анализирует процесс своего творчества. Плетение венков из цветов равняется процессу создания стихотворения. Порою субъект начинает иронически переосмысливать самого себя – и будто смотрит на свою работу со стороны. В 5 сонете опять обыгрывается многозначность слова «венки» для книги стихотворений – и вот уже не просто цветы становятся символом слов, а лирическое «я» поэта открыто рассуждает о процессе своего творчества.

потом я сделаю катрен

а может быть букет

построю образы в каре

или в ритмический дуплет [16, с. 8]

Происходит так называемое разрушение четвертой стены между авторским началом и читате-

лем, который становится свидетелем создания и к которому уже непосредственно обращается автор:

читатель может и не знать
что бархатцы шафраном можно звать [16, с. 9]

Эта особенность лирического субъекта в «Гербарии» – раздвоенность и в то же время тесная связь двух образов: Бога-творца и поэта-творца – определяет главную идею всего цикла – бессмертие поэта в его творчестве. Материальный мир у Александра Маниченко предстает прекрасным, но не вечным, хрупким. Процесс номинации, запечатление в стихе становятся актом сохранения в вечности.

фиалки скромно тлевшие в кустах
теперь блистают в композициях
не вянут на моих руках
а замирают как прекрасное мгновение
бессмертны как цветы бессмертника
цветы-слова прозрачные и легкие как тени
[16, с. 11]

Вечная тема бессмертия поэта и его творчества прослеживается и через реминисценцию, всем знакомую строку из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А. С. Пушкина «Мой прах переживет и тленья убежит», которая в книге стихотворений «Гербарий» встречается три раза («и тленья убегут»).

Схожие мотивы прослеживаются в еще одном сборнике поэта – «Бестиарий». Как и в предыдущем сборнике, здесь лирический субъект предельно близок фигуре автора (повествование ведется от первого лица). Уже в первом и втором стихотворении задается главная идея всего сборника: возможность через творчество запечатлеть, увековечить мимолетные моменты жизни:

Неужто все забудется, и все?
Все пропадет без всякого следа
в какое-то нигде и никогда,
сгорит и растворится, или что?

Нет, если их я буду сохранять,
запоминать и в памяти держать,
рассказывать, какие они были.
Я буду их свидетель и словарь,
их предпоследняя надежда и фонарь
в закатной – я хотел сказать, конечной, –
непрозрачной пыли [17, с. 16].

Рассуждая о недолговечности мира, его печальной мимолетности («все мимолетно, все недолговечно», «но есть изъян, печальное увечье: / все – пассажир в автобусе, и вот уже конечная»), лирический субъект отчаянно пытается найти ре-

шение проблемы конечности всего сущего: от «вещей красивых» до человеческой жизни. И опять же путем к вечности становится созидающий акт поэта, который через свое творчество способен запечатлеть, «запоминать и в памяти держать».

Далее идет положенное жанру бестиария описание живых существ, от стрекозы до ящерицы. Каждое из животных становится аллегорией человеческой жизни, тех или иных психотипов, ситуаций, людских чувств. Через эти описания лирический субъект стремится сохранить частицу мира, конечного по своей природе. Именно поэзия становится средством к достижению бессмертия. Поэтому в стихах то и дело прослеживается указание на письменную, стихотворную природу («слова висят в воздухе *дать взять*», «я словно малое вплетенное в напев», «любой глагол не убежит / их совка строго сторожит»).

Последние два стихотворения подытоживают весь сборник, в них лирический субъект подводит итоги своему труду. Мы видим, что изначальное желание «посоветовать на неизбежный скоротечный обреченный ритм» внутри героя перерастает в более мощное («но ярость, слезы, жажда жизни, крик») желание перебороть, победить течение времени. Появляющееся в конце местоимение «мы» делает эту интенцию общечеловеческим желанием, а не только волей поэта и подчеркивает свойственное для человека стремление к вечности («чего? чего мы просим?», «Нам мало! Мало! Мало!», «что нам натворить?»). В итоге поэзия лирического субъекта становится способом борьбы с забвением, и финальные строчки подтверждают это превосходство творчества над беспомощностью, не случайно последний стих не оканчивается точкой:

Вы победили.
Бесконечны ваши жизни [17, с. 29]

Таким образом, особенностью лирического субъекта в циклах Александра Маниченко «Гербарий» и «Бестиарий» становится создание двух лирических героев: бога-творца и поэта-творца. Образ поэта-творца, он же лирический субъект, становится через ряд смысловых и синтаксических параллелей комплементарным богу-творцу. Это слияние двух образов в один творящий субъект выражает одну из главных идей двух книг стихотворений – бессмертие поэта в его творчестве и увековечивание через акт творческого созидания.

Р. Япишин в своем творчестве использует обе модели построения лирического высказывания: это и прямое лирическое высказывание, в котором присутствует явная автобиографическая составляющая (как и у других челябинских поэтов – В. Кальпиди, Я. Грантса, А. Самойлова), и стратегия полифонизма лирического «я», выраженная

через сложные аллегоричные, а порой сюрреалистичные образы, напоминающие бестиарий:

Кричи, но не горчи.
Разбуженные совы
Взирают на тебя
С продавленных ветвей <...> [18].

Как тебе живется в рыбьем рабстве?
Где глаза открыты у прохожих,
Где стеклянные волнуются медузы,
Где снов нет и где их быть не может.
Этот мир для снов предельно узок [18].

Для творчества Риммы Аглиуллиной характерна транссубъектность, заключающаяся в рассмотрении индивидуального опыта сквозь призму чужого. Говорение от первого лица сменяется рассказыванием историй других людей, окружающих, случайно подслушанных:

растерянно подходит
говорит
у меня представляете
сумку
из черного кожзама
взяли и

оно бы ничего
потертый кошелек, смятые инфляцией купюры
полусъеденная помада
но альбом

старый альбом клеенчатая обложка
карточки врассыпную
мама, папа,
бабушка, дедушка, брат, сестра
куда же
это же не представляет никакой

ГРАЖДАНЕ НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ
ПРОХОДИМ
НАШИ СОТРУДНИКИ ПРОВОДЯТ
ДОСМОТР
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ
НА ТЕРРИТОРИЮ УБЕЖИЩА НЕ [19]

В приведенном выше поэтическом тексте главным становится не субъект речи, а его история, ситуация, происходящая вокруг. Повествовательность и острота темы, сюжета компенсируют нелинейность высказывания. В стихотворении, явно постапокалиптическом, фрагмент речи открывает пространство для размышлений о ценности памяти, стирании всего сентиментального, гуманного в момент катастрофы. Важна также структура стихотворения, его обрывистость (без начала и конца), которая создает ощущение мимо-

летности, неустойчивости, зыбкости существования. Голос человека в катастрофе, что подчеркивается на графическом уровне, мал, по сравнению с голосом системы.

Ощущение катастрофы пронизывает поэтические тексты молодых авторов. С одной стороны, это явление объясняется возрастом, но в большей степени положением вещей и тем пространством, которое открывается молодому взору. Так, для поэзии Е. Коляченко свойственна десубъектация, исчезновение или расщепление на множество голосов:

и слова до неприличия сократятся
и ждать
станет нечего
оранжевый морок от неба спускается
потому что нигде нету солнца
особенно вечером <...> [20]

Люди люди много их всех
Я-снежинка
Громкая музыка
Пакостный смех
Встаньте вокруг встаньте в круг
Это то что должны любить дети правда?

Откуда мне все это знать
Откуда мне знать [20]

Десубъектация позволяет молодым авторам обратиться к коллективной травме, как, например, в стихотворении Р. Аглиуллиной «Не до любви»:

Не до любви,
надо выстроить убежище из своего тела,
и чьего-то еще тела,
и чьих-то еще тел,
и сомкнуться плотнее, ведь за нами
старый, малый, убогий, незащитный,
отвергнутый, ненавидимый, обвиненный,
неудобный, отвратительный, живой и теплый [19].

Говоря о поэзии южноуральских авторов, не только молодых, следует отметить достаточно частотное изображение окружающего их пространства как негативного. М. С. Мозжерина, исследуя хронотоп субъективной реальности в творчестве Лены Элтанг, пишет следующее: «...субъективное восприятие времени и пространства активно изучается в психологии, косвенно соприкасаясь с понятием “хронотоп” и его воплощением в литературе» [21]. Так, пространство, описываемое поэтами в их художественных текстах, может не совпадать с объективной реальностью. Зачастую отображение окружающего пространства (города и региона) связано с воспоминаниями, осмыслением событий

прошлого. Также на негативное изображение пространства города и региона влияют локальные мифы (зачастую хтонические) и стереотипные образы. Ничего не радует глаз, не услаждает слух. Вокруг лишь пустота, немота, холод, дым, сера – одни из ключевых маркеров южноуральской поэзии.

Выводы

На субъектную организацию поэзии молодых авторов Южного Урала во многом повлияло то время, когда они вошли в литературу – период 2008–2015 годов. Новая информационная среда, развитие цифровых технологий сподвигают авторов на различные эксперименты с формой, жанром, субъектной организацией. Поэтические тексты молодых поэтов отличаются полисемантической: мы можем наблюдать сочетание совершенно различных стилистик, тематик и жанров в творчестве одного и того же автора.

В отличие от своих предшественников, поэтов среднего поколения, молодые авторы чаще всего уходят от прямого лирического высказывания. Их субъект все чаще становится необозримым, одним из множества голосов, одной из множества масок. Выбирая такой способ высказывания, обращаясь к транссубъектности, молодые авторы по-своему обращаются к феномену «нового эпоса» (тенденция к системному нелинейному высказыванию), возникшему в современной русской литературе в конце 1990-х. Ключевым для субъектности молодых авторов становится глубокая рефлексия себя через окружение или даже через попытку понять нечто «чужое».

Еще одной важной особенностью субъектной структуры молодой поэзии является десубъектация – полное отсутствие субъекта в художественном тексте. Во многом данный феномен связан с негативным восприятием окружающего пространства, восприятием локуса как невозможного для жизни, уход в трансцендентность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00855).

Литература

1. Кузьмин, Д. Русская поэзия в начале XXI века / Д. Кузьмин. – URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-review/view_print/.
2. Скворцов, А. Э. Без поколения / А. Э. Скворцов // Журнальный зал Русского Журнала : Архив. – URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/18s.html>.
3. Давыдов, Д. М. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия / Д. М. Давыдов // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Вып. 2. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – 408 с.
4. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – 578 с.
5. Корман, Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б. О. Корман // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981. – С. 39–53.
6. Хализев, В. Е. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины : учебное пособие / В. Е. Хализев ; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа : Академия, 1999. – С. 89–95.
7. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – М., 1997. – 380 с.
8. Штраус, А. В. Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990–2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Штраус. – Пермь, 2009. – 132 с.
9. Житенев, А. А. Поэзия неомодернизма : монография / А. А. Житенев. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2012. – 481 с.
10. Деррида, Ж. Эдмон Жабе и вопрос книги / Ж. Деррида // Письмо и различие. – СПб. : Академический проект, 2000. – 495 с.
11. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
12. Hart, K. The Aggrieved Community. Nancy and Blanchot in Dialogue / K. Hart // Journal for Continental Philosophy of Religion. – 2019 (1). – P. 27–42.
13. Кукулин, И. Создать человека, пока ты не человек... / И. Кукулин // Сетевое издание «Горький». – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html.
14. Маниченко, А. Стихи / А. Маниченко // Сайт «Полутона». – URL: <http://polutona.ru/?show=manichenko>.
15. Сваровский, Ф. Несколько слов о «новом эпосе» / Ф. Сваровский // РЕЦ. – 2007. – № 44. – С. 3–6.
16. Маниченко, А. Гербарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 36 с.
17. Маниченко, А. Бестиарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 31 с.
18. Япишин, Р. Стихи / Р. Япишин. – URL: https://45parallel.net/roman_yapishin/.
19. Аглиуллина, Р. Стихи / Р. Аглиуллина. – URL: https://45parallel.net/rimma_agliullina/pismo_pered_ischeznoveniem/.
20. Коляченко, Е. Номера экстренных служб : стихи / Е. Коляченко. – URL: <https://polutona.ru/print.php3?address=0610180954>.
21. Мозжерина, М. С. Хронотоп субъективной реальности в романном творчестве Лены Элтанг / М. С. Мозжерина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 93–99.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: smyshliaevea@susu.ru. ORCID 0000-0002-4848-4986

Ибраева Валентина Игоревна – магистрант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: valya.ibraeva.99@mail.ru

Поступила в редакцию 30 декабря 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240111

SUBJECTIVE STRUCTURE OF POETRY OF YOUNG SOUTH URAL AUTHORS

E. A. Smyshlyayev, V. I. Ibraeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article examines the features of subject organization in the poetry of young South Ural authors (R. Agliullina, E. Kolyachenko, A. Manichenko, R. Yapishina). This generation of poets entered literature during a period of active development of new information and communication technologies. The digital turn has led to a rapid increase in texts published on the Internet, as well as to the ability of young authors to rely on a wider range of literary texts than previous generations, which manifested itself in the polystylistic and polyparadigmatic nature of poetic language.

The category of subjectivity in the poetry of young authors manifests itself variably. This can be desubjectivization, that is, various forms of indirect utterance, masking and polyphony of the lyrical “I”. Often the subject in the poetry of young authors is transgressive, a translator of the painful experience of interacting with the world, the experience of overcoming trauma.

Important for understanding the subjective structure of the work of young poets is the term “transsubjectivity”, associated with the phenomenon of the “new epic” in modern Russian literature. For young South Ural authors, it becomes important to broadcast stories of “other” voices, stories not about themselves, but about other people, reflection of other people’s feelings, other people’s experience. Transsubjectivity is often a way of self-identification in modern poetry, an attempt to consider individual experience through the prism of someone else, a look at oneself from the outside.

Keywords: subjectivity, adaptability, lyrical subject, modern Ural poetry, transsubjectivity, desubjectification, self-identification.

References

1. Kuzmin D. Russkaja poezija v nachale XXI veka [Russian Poetry at the Beginning of the 21st Century]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-review/view_print/.
2. Skvortsov A.E. Bez pokolenija [Without a Generation] // Zhurnal’nyj zal Russkogo Zhurnala : Arion. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/18s.html>.
3. Davydov D.M. Pokolenie vs pojetika: molodaja ural’skaja poezija [Generation VS Poetics: Young Ural Poetry] // *Literatura Urala: istorija i sovremennost’*: sbornik statej. Vyp. 2. Ekaterinburg: UrO RAN: Sojuz pisatelej, 2006. 408 s.
4. Tynyanov Y.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. M., 1977. 578 s.
5. Korman B.O. Celostnost’ literaturnogo proizvedenija i jeksperimental’nyj slovar’ literaturovedcheskih terminov [Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms] // *Problemy istorii kritiki i pojetiki realizma*. Kujbyshev, 1981. S. 39–53.
6. Khalizev V.E. Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie. Osnovnye ponjatija i terminy [Lyrics Introduction to Literary Criticism. Literary Work. Basic Concepts and Terms]: uchebnoe posobie; pod red. L.V. Chernec. M.: Vysshaja shkola: Akademiya, 1999. S. 89–95
7. Ginzburg L.Y. O lirike [About Lyrics]. M., 1997. 380 p.
8. Strauss A V. Problema liricheskogo geroja v sovremennoj poezii: novye tendencii 1990–2000-h godov [The Problem of the Lyrical Hero in Modern Poetry: New Trends of the 1990s – 2000s]: dis. ... kand. filol. nauk. Perm’, 2009. 132 s.
9. Zhitene, A A. Pozejija neomodernizma [Poetry of Neomodernism]: monografija. SPb.: INA-PRESS, 2012. 481 s.

10. Derrida Zh. Jedmon Zhabe i vopros knigi [Edmond Jabot and the Question of the Book] // *Pis'mo i razlichie*. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. 495 s.
11. Foucault M. Germenevtika sub'ekta [Hermeneutics of the Subject]. SPb.: Nauka, 2007. 677 s.
12. Hart K. The Aggrieved Community. Nancy and Blanchot in Dialogue // *Journal for Continental Philosophy of Religion*. 2019. № 1. P. 27–42.
13. Kukul'in I. Sozdat' cheloveka, poka ty ne chelovek... [Create a Person while You are not a Person...] // *Setevoe izdanie «Gor'kiy»*. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html.
14. Manichenko A. Stihy [Poems] // *Site «Polutona»*. URL: <http://polutona.ru/?show=manichenko>.
15. Swarovsky F. Neskol'ko slov o «novom jepose» [A Few Words about the “New Epic”] // *REC*. 2007. № 44. S. 3–6.
16. Manichenko A. Gerbarij [Herbarium]. Chelyabinsk, 2019. 36 s.
17. Manichenko A. Bestiarij [Bestiary]. Chelyabinsk, 2019. 31 s.
18. Yapishin R. Stihy [Poems]. URL: https://45parallel.net/roman_yapishin/.
19. Agliullina R. Stihy [Poems]. URL: https://45parallel.net/rimma_agliullina/pismo_pered_ischeznoeniem/.
20. Kolyachenko E. Nomera jekstreennyh sluzhb: stihy [Emergency numbers]. URL: <https://polutona.ru/printer.php3?address=0610180954>.
21. Mozzherina M.S. Hronotop sub'ektivnoj real'nosti v romannom tvorchestve Leny Jeltang [The Chronotope of Subjective Reality in the Novel Work of Lena Eltang] // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*. 2022. T. 22, № 1. S. 93–99.

Evgeniy A. Smyshlyayev – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Valentina I. Ibraeva – Master's Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: valya.ibraeva.99@mail.ru

Received December 30, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смышляев, Е. А. Субъектная структура поэзии молодых южноуральских авторов / Е. А. Смышляев, В. И. Ибраева // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 87–94. DOI: 10.14529/ssh240111

FOR CITATION

Smyshlyayev E. A., Ibraeva V. I. Subjective structure of poetry of young South Ural authors. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 87–94. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240111

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ

Ю. Тянь

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

В данной статье автор анализирует некоторые особенности функционирования социальных сетей в контексте пандемии на примере Китая. Преимущественно на основе зарубежных публикаций показано, как социальные сети влияют на феномен инфодемии в контексте чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения. Данная проблема рассматривается в контексте вопроса о правительственном регулировании общественного мнения при пандемии. В качестве примера в статье приводится факт использования государством социальных сетей WeChat и Weibo в ситуации коронавируса. Отдельное внимание уделяется анализу критерия «продолжительность» в процессе распространения интернет-мнения. Также автор показывает, как китайская цензура влияет на распространение информации в контексте чрезвычайных ситуаций, демонстрируя эту проблему на примере информационной асимметрии. Пандемия COVID-19 заставила переосмыслить устоявшиеся подходы к организации взаимодействия между обществом и государством в чрезвычайных ситуациях. Стало понятно, что мобильные социальные сети могут использоваться для улучшения качества реагирования на проблемные ситуации в обществе и что выражение общественных настроений на онлайн-платформах представляет собой флюгер реальных социальных тенденций. Социальные сети способны как разъединять, так и объединять государство и общество в борьбе с чрезвычайными ситуациями.

Ключевые слова: социальные сети, Китай, коронавирус, COVID-19, инфодемия, пандемия.

Введение

Во время пандемии COVID-19 первой реакцией большинства правительств было активировать систему управления чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения и следовать заранее запланированной политике повестки дня. Централизованное принятие решений доминировало в установлении повестки дня под руководством Китая. Общественность и другие заинтересованные стороны информировались, обучались или подавлялись с целью поддержки правительственных инициатив. *Однако пандемия COVID-19 была настолько беспрецедентной, что существующего антикризисного планирования часто было недостаточно.*

Хотя связь между социальными сетями и чрезвычайными ситуациями привлекла значительное внимание исследователей, относительно мало известно о коммуникативном поведении пользователей мобильных социальных сетей во время чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Также существует дефицит исследований о том, как правительства могут улучшить общественное доверие и участие путем укрепления их коммуникационных возможностей, а также снизить страх перед кризисом в области общественного здравоохранения.

Ученым необходимо углублять понимание коммуникации пользователей, поскольку в перспективе это позволит минимизировать негативные аспекты информационных потоков. Очевидно, что распространение ложной и непроверенной информации о COVID-19 в социальных сетях

представляло собой проблему и угрозу для общественного здравоохранения и доверия к правительству. Государственные СМИ могут улучшить эффективность управления общественным здравоохранением в чрезвычайных ситуациях путем повышения их коммуникационной мощности и авторитета.

Обзор литературы

Среди русскоязычных публикаций, затрагивающих указанную проблему, стоит выделить исследования С. С. Келичековны и Ч. Н. Монгуш [1], Ю. Сяо [2], Г. Вэй и Т. В. Семиной [3], О. И. Калинина и Д. В. Мавлева [4], В. Сюй, А. В. Петрова [5, 6], И. В. Ерофеевой, Ю. В. Толстокулаковой, А. В. Муравьева [7], И. А. Суманеева [8], К. Л. Зуйкиной и Д. В. Соколовой [9], О. С. Дейнека и А. А. Максименко [10], И. Кумылгановой и К. Ма [11], Н. К. Радиной [12], С. Жэнь и Г. Ду [13], О. И. Калинина [14]. К сожалению, в настоящее время имеется мало работ, обобщающих отдельные исследования интересующей нас проблематики.

Методы исследования

Методом нашей работы выступил анализ тематических публикаций по интересующей нас теме с акцентом на зарубежных исследованиях (вышедших в свет в период с 2020 по 2023 гг.). При помощи системного метода были структурированы результаты эмпирических исследований и теоретические выводы зарубежных ученых, касающиеся значения социальных сетей в контексте реагирования правительства и общества в чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения с учетом китайского опыта.

Результаты и дискуссия

В начале 2020 года разразилась эпидемия COVID-19 в Ухане и быстро распространилась по всему миру, постепенно перерастая в глобальную пандемию. Кроме того, поскольку с появлением технологии Web 2.0 социальные сети стали ведущей платформой для публичного распространения и приобретения информации, параллельно с пандемией стала распространяться «инфодемия» (сочетание понятий «информация» и «эпидемия»), бесконтрольно охватывая земной шар. В данном контексте общественность потребовала всеобъемлющей и точной информации о стратегиях профилактики и контроля, связанных с COVID-19. Термин «инфодемия» был придуман Эйзенбахом в 2002 году, когда возникла вспышка атипичной пневмонии. Затем генеральный директор ВОЗ вновь использовал термин «инфодемия» в Мюнхенской службе безопасности (конференция 15 февраля 2020 г.).

Растущий глобальный доступ к социальным сетям через мобильные телефоны привел к экспоненциальному росту производства дезинформации. Инфодемия COVID-19 в китайских социальных сетях, действительно, характеризовалась постепенным прогрессом. Эта инфодемия представляет собой феномен переизбытка информации, вызванной дезинформацией о COVID-19, которая быстро распространилась в социальных сетях и привлекла широкое внимание со стороны правительства и учреждений здравоохранения во время продолжающейся пандемии. Инфодемия сделала пандемию еще хуже, причинив вред большому количеству людей и поставив под угрозу глобальное здравоохранение, его охват и устойчивость системы. ВОЗ назвала это заболеванием, сопровождающим эпидемию COVID-19. Действительно, дезинформация не позволяла людям демонстрировать эффективное поведение в отношении здоровья и ослабило доверие населения к системе защиты от коронавируса.

Инфодемия COVID-19 существенно отличается от более ранних; не зря она называется «первой истинной инфодемией социальных сетей». Это также первая инфодемия, которая, в отличие от Эболы и Зика, была широко распространена через социальные сети и существенно повлияла на общественное здравоохранение. Напомним, что к 2020 году социальными сетями пользовались более 3,8 млрд человек. Во время эпидемии пользование соцсетями логичным образом резко возросло. Недавно оксфордское агентство Reuters расследовало распространение дезинформации и обнаружило, что большая часть (88 %) дезинформации о COVID-19 возникла *именно из социальных сетей*. Стоит сказать, что в Китае инфодемия была более серьезной, в сравнении с иными странами. Социальными сетями пользовались две трети населения Китая. Примерно 87 % всех

пользователей столкнулись с дезинформацией во время кризиса COVID-19. Такая дезинформация, распространявшаяся в китайских социальных сетях, включала в себя суждения о том, что это китайская медицина может вылечить COVID-19; что употребление метанола, этанола или отбеливателя может защитить или вылечить COVID-19; что вакцины против пневмонии могут защитить от SARS-CoV-2; что употребление чеснока может убить вирус; что 5G мобильная сеть распространила COVID-19. Бесчисленные недоказанные истории, советы и методы лечения, связанные с COVID-19, были широко распространены и резко возросли в китайских социальных сетях. 5800 человек были госпитализированы из-за коронавируса по причине их доверия дезинформации, распространяемой в социальных сетях [15]. Дезинформация о том, что употреблением чистого алкоголя можно вылечить COVID-19, привело к сотням смертей из-за отравления. Инфодемия провоцировала вспышки паники и ксенофобии.

Инфодемия COVID-19 быстро распространялась в социальных сетях и представляла собой серьезную угрозу для системы здравоохранения и управления людьми. Стало понятно, что правительство может использовать средства массовой информации как каналы повышения осведомленности пользователей об информационной безопасности. Пандемия выступила уникальной проблемой для правительств с точки зрения эффективной борьбы со вспышкой и в плане информирования общественности.

Чтобы повлиять на общественное мнение, правительство использует сообщество вопросов и ответов для отслеживания изменений в настроениях пользователей. Прогнозирование участия пользователей Twitter посредством публикаций в социальных сетях и коммуникационных технологий также помогли в борьбе с пандемией.

Использование социальных сетей в борьбе с чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения является частным случаем более широкого контекста, а именно вопроса о том, могут ли негосударственные субъекты повысить социальную устойчивость, чтобы справиться с экстремальными событиями? Путем изучения и сравнения гражданской реакции общества на COVID-19 в Китае, Японии и Южной Корее было выявлено, что представители гражданского общества в этих странах способствовали социальной устойчивости [16]. Нельзя забывать, что у каждой из них есть исторические черты конфуцианской культуры, которая характеризуется сильным вмешательством государства в экономические дела в сочетании с обширным регулированием и планированием. Однако имеются и различия: являясь авторитарным государством, Китай долгое время подавлял развитие гражданского общества. Государство

принимало стратегию поэтапного контроля над гражданским обществом.

Глобальные меры реагирования на пандемию – это не только правительственная задача, действия государственной политики или правоохранительных органов; это сотрудничество между различными субъектами общества, что, как показала практика, сыграло важную роль в ограничении распространения COVID-19.

С улучшением осведомленности граждан о кризисных ситуациях и медиаграмотности китайские пользователи мобильных социальных сетей склонны использовать мобильные социальные сети и приложения для управления чрезвычайными ситуациями в будущем, чтобы обмениваться информацией, связанной с чрезвычайными ситуациями [17].

Ярким примером для нашей темы является WeChat – это самая динамичная и важная социальная сеть в Китае, платформа с более чем 1,1 миллиарда активных пользователей в месяц. В Китае официальные аккаунты WeChat представляют собой жизненно важную интерактивную платформу для правительства и его агентств, позволяющую распространять своевременную информацию, а также предоставляющую общественности возможность участвовать в политических и социальных дебатах.

WeChat предоставляет информацию быстро и удобно. Официальные аккаунты на этой площадке необходимы для распространения информации в области общественного здравоохранения. Правительство распространяет информацию с целью повлиять на общественное мнение и улучшить репутацию самого правительства. Также часто WeChat используют для мониторинга тенденций общественного мнения. Исследования показывают, что в будущем органам общественного здравоохранения стоит больше полагаться на социальные сети в деле мониторинга развития эпидемии или пандемии. Анализируя время публикации и содержание твитов, мы обнаружили, что изменения в количестве статей, публикуемых в WeChat, и изменения по содержанию и развитию пандемии COVID-19 почти синхронизированы [18]. В то же время официальные аккаунты правительства WeChat еще не сформировали гармоничное диалоговое пространство между правительством и общественностью; оно нуждается в улучшении [19]. Нельзя забывать, что WeChat работает в Китае в соответствии с китайским законодательством, которое включает строгие положения о цензуре и протоколы перехвата.

На ранних этапах пандемии правительство использовало данные постов Weibo – китайского сервиса микроблогов, запущенного в 2009 году. Являясь своего рода гибридом между «Твиттером» и Facebook, он позволял правительству определить стадии развития вспышки и принять надлежащие меры.

Действительно, использование правительством социальных сетей может повысить цифровую грамотность в области здравоохранения в рамках подготовки к будущим пандемиям. Между тем, нельзя забывать, что люди предпочитают «теплые» социальные сети «холодному» электронному правительству. Однако значение государственных социальных сетей в плане раскрытия информации во время эпидемии также имеет важное значение, как показывает пример Португалии, где такая информация доказанно уменьшила кризис здоровья населения [18]. В кризисе коммуникации правительство может попытаться смягчить сильные негативные эмоции, порождаемые некоторыми кризисными ситуациями, и / или продемонстрировать публике необходимые чувства, чтобы избежать внешнего вида «холодно-рационального» института. С участием инструмента социальных сетей слухи о пандемии могут распространиться раньше, быстрее и шире, чем традиционным способом.

Критерий «продолжительность» является важной переменной при изучении общественного мнения в интернете относительно чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, а также он является одним из важных механизмов с точки зрения эволюции онлайн-общественного мнения, который может повлиять как на прогнозы, так и на принятие решений правительствами, предприятиями и организациями, которые часто надеются, что онлайн-мнения рассеиваются относительно быстро.

Последствия чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения в целом можно измерить и оценить на основе их распространения, степени воздействия и продолжительности в медиасфере. Как правило, чем дольше продолжительность чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, тем больше внимания она привлекает и тем большее влияние оказывает.

Продолжительность – это количественный показатель и мера жизненного цикла информации. Определение жизненного цикла публичного мнения относительно чрезвычайных ситуаций вытекает из концепции жизненного цикла живых существ. Общественное мнение о чрезвычайных ситуациях имеет начальную точку, а также конечную точку, где они больше не обсуждаются. Эволюция развития общественного мнения от начала до конца следует определенным законам. Период от появления общественного мнения до его стабилизации и возможного исчезновения можно разделить на разные стадии. Заимствуя концепцию биологического жизненного цикла, американский учёный Хортон предложил концепцию, согласно которой жизненный цикл информации аналогичен циклическому пути жизни, в нем выделяются четыре стадии: рождение, рост, упадок и смерть. Позже ученые предложили разные стадии онлайн-

общественного мнения подразделения, в том числе трехступенчатое, четырехэтапное деление, пятиэтапное деление и, наконец, разделение на шесть этапов. Однако многие из этих моделей основаны на субъективных предположениях при недостаточности эмпирических данных. В случае важных чрезвычайных ситуаций продолжительность жизни мнений может длиться в течение нескольких недель, а в случае мгновенных событий они могут исчезнуть всего за несколько дней. Исследования жизненного цикла онлайн-общественного мнения не только отражают эволюционный закон его развития, но и требуют соответствующих контрмер на разных этапах его становления.

Общественное мнение в интернете о крупных чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения следует жизненному циклу, который проходит через указанные последовательные стадии. Сначала люди сосредотачиваются на том, от какого возбудителя происходит заболевание, где находится очаг, какие симптомы появятся. Затем внимание общественности начинает уделяться источнику возбудителей, действиям и самозащите медицинских работников, а также потребностям повседневной жизни [20].

Исследователи выявили, что средняя продолжительность онлайн-общественных мнений относительно чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения составляет 43 дня, что не соответствует популярной идее под названием «Семидневный закон размножения» – убежденности в том, что продолжительность жизни возникающих событий онлайн составляет всего 7 дней. Согласно данной теории, активный период любого широко распространенного общественного мнения длится недолго – не более недели (стоит сказать, что этот закон был выведен на основе анализа данных Твиттера). Деление онлайн-общественного мнения, согласно критикам «Семидневного закона размножения», можно разделить на три этапа: этап быстрого спада (0–50 дней), стадия замедления (51–200 дней) и стадия исчезновения (через 200 дней) [21]. Участие СМИ является важным фактором влияния на продолжительность жизни онлайн-мнения. Вообще нужно заметить, что текущие исследования продолжительности общественного мнения очень скудны.

Государственные СМИ Китая являются рупором правительства. Правительство и система СМИ в Китае имеют тесные взаимоотношения, поскольку государственные СМИ Китая считаются «горлом и языком» Коммунистической партии Китая (КПК). Во время общественного кризиса в области здравоохранения, такого как пандемия COVID-19, они несут ответственность за распространение важной информации среди общественности от имени правительства. Исследователи изучили сообщения Sina Weibo, опубликованные тремя ведущими государственными средствами массо-

вой информации (CCTV, People's Daily и информационное агентство Синьхуа) во время первой волны вспышки коронавируса [22].

Анализируя коммуникационное поведение пользователей мобильных социальных сетей во время пандемии COVID-19 в Китае, исследователи пришли к выводу, что китайские пользователи мобильных социальных сетей активно обменивались информацией, связанной с пандемией, но обмен информацией о пандемии в мобильных социальных сетях не был столь широко распространен, как поиск информации, связанной с пандемией. Можно предположить, что *строгая цензура социальных сетей* влияет на поведение их пользователей при обмене информацией во время пандемии.

Пример Китая с наибольшей вероятностью будет демонстрировать установление повестки дня под руководством правительства и с наименьшей вероятностью будет показывать установление повестки дня под руководством общественности. Китай с его авторитарным политическим режимом имеет сильную тенденцию к централизованному принятию политических решений, хотя в последнее время исследования показали, что *китайское правительство демонстрирует некоторую степень реагирования общественному мнению* (нельзя произвольно приравнять «формирование повестки дня под руководством правительства» к «авторитаризму»). Стоит напомнить о том, что в значительном количестве стран существует сочетание формирования повестки дня под руководством правительства и общества. Также уникальность китайского случая заключается в том, что Китай был первой страной, серьезно пострадавшей от COVID-19, и у его правительства *не было никаких шансов узнать от других государств о том, какие вопросы следует включить и расставить по приоритетам* при формировании повестки дня. Кроме того, европейские СМИ высоко оценили реакцию на коронавирус в азиатских странах.

Правительство должно серьезно относиться к общественному мнению во время кризисов и научиться использовать его мудро. На примере Китая мы видим, что традиционные «хитрости», такие как удаление повестки дня посредством цензуры и преднамеренного формулирования проблемы может спровоцировать гнев общественности (особенно в кризисной ситуации), и этого, безусловно, следует избегать [23].

Может показаться, что с точки зрения государственного управления централизованное правительство функционирует более эффективно, сталкиваясь с меньшими институциональными трениями во время пандемического кризиса. Однако исследования показывают, что во время пандемического кризиса между центральным и местным правительством могут возникать трения даже в такой централизованной стране, как Китай. Яв-

ная сила партийно-государственного правления и жесткий социальный контроль часто маскируют более фундаментальные аспекты кризисного управления в этом крупном авторитарном государстве.

Действительно, в 2020 году центральное правительство Китая начало беспрецедентную национальную кампанию по сдерживанию болезни. Однако Китай заплатил огромную цену за первоначальные задержки и медленную реакцию. Строгий государственный контроль над информацией стал основной причиной раннего молчания СМИ, что непосредственно привело к тому, что большинство людей оказались неподготовленными к COVID-19 [24]. Китайские чиновники местных органов власти предпочитали скрывать плохие новости из-за страха экономических потерь или критики со стороны чиновников высшего уровня, что могло бы повлиять на их личные политические достижения. Нельзя забывать, что фактически такие страны, как Соединенные Штаты и многие европейские страны, также столкнулись с некоторым отставанием в процессе формирования достойного ответа пандемии, несмотря на наблюдение за тем, как китайцы демонстрируют серьезные последствия задержки любого ответа во время первого этапа распространения коронавируса.

Будучи двумя тесно связанными обществами в одной стране, материковый Китай и Гонконг демонстрируют две отличительные информационные экосистемы в условиях пандемии COVID-19. Пример материкового Китая демонстрирует авторитарную модель управления информацией, при которой правительство имеет полную власть определять объем «публикуемой» информации, а также пространство, к которому могут получить доступ средства массовой информации и общественность.

Случай Гонконга, напротив, иллюстрирует образец информационной анархии в его пандемической информационной экосистеме. Хотя эта политика борьбы с пандемией вызывает дебаты, правительство публикует информацию о пандемии открыто и своевременно. Электронные СМИ и общественность имеют свободу производить и распространять информацию о пандемии, которая осуществляет систему сдержек и противовесов над правительством. В отличие от материкового Китая, в Гонконге нет эффективных механизмов, чтобы корректировать и регулировать информацию в социальных сетях. Хотя правительство пыталось исправить дезинформацию, оно не смогло эффективно устранить сомнения и страхи общественности из-за ее низкого доверия правительству. Гонконг пострадал от онлайн-дезинформации о пандемии в ситуации кризиса общественного здравоохранения. Вспышка коронавируса, с одной стороны, ярко демонстрирует две отличительные закономерности информационного управ-

ления, концептуализируемого как «информационный авторитаризм» на материке и «информационная анархия» в Гонконге.

Исследования показывают, что призывы общественности к прозрачности усиливали давление на распределение ответственности среди чиновников сверху вниз [25]. Непрозрачность поставила центральное руководство под огромное давление, требующее возложить ответственность на местных чиновников. В свете общественного протеста в пользу прозрачности и подотчетности местные чиновники и технократы центрального здравоохранения стремились склонить общественное мнение в свою пользу в игре с обвинениями. Очевидно, что в контексте проблем в области общественного здравоохранения прозрачность и подотчетность являются основой, которая поддерживает права людей на информацию. В то же время не менее очевидным является и то, что «правда» о негативных событиях, таких как пандемия, кризис и катастрофа, по сути, является социальным конструктом – подборкой и наиболее выгодной интерпретацией фактов [25].

На примере вспышки COVID-19 в Ухане удобно показать роль правительства в смягчении проблем информационной асимметрии во время пандемического кризиса через использование социальных сетей в качестве ключевого фактора – механизма формирования действий центральными органами правительства в его координации с органами местного самоуправления в период ответа на пандемию [26]. Китайское правительство эффективно сотрудничало с платформой социальных сетей, чтобы не только создать специальный канал, позволяющий гражданам размещать информацию о пандемии, но еще и для того, чтобы ускорить оказание помощи, а также мобилизовать граждан и некоммерческие организации для поддержки усилий правительства по реагированию и восстановлению. Примером правительственного использования соцсетей в контексте коронавируса выступает Гонконг, где в 2020 г. было запущено мобильное приложение под названием StaySafeHome для наблюдения за инфицированными гражданами во время домашнего карантина.

Это говорит еще и о том, что социальные сети могут предоставить правительству возможность не только справиться с информационной перегрузкой, но и смягчить трения между различными уровнями государственного управления. Дело в том, что разные уровни власти имеют доступ к разным типам и объемам информации на низовом уровне (например, местные правительства имеют доступ к местным ситуациям лучше, чем центральные правительства), и это создает проблему информационной асимметрии среди государственных администраторов и мешает им принимать своевременные решения в отношении соответствующих мер. Действительно, институцио-

нальные разногласия сильно влияют на правительственную обработку необходимой информации.

На примере анализа публикаций китайских граждан в социальной сети Weibo становится очевидным, что социальные сети играют ключевую роль во влиянии или формировании действий и политики центрального правительства, а также, что центральное правительство в координации с компанией, занимающейся социальными сетями, может создать специальный канал для расширения возможностей, позволяющих гражданам публиковать сообщения с информацией о пандемии [26]. Хотя мы мало знаем о том, как социальные сети в конечном итоге влияют на реакцию или политику центрального правительства во время пандемии COVID-19, наблюдения показывают, что социальные СМИ действительно работают как эффективная платформа для смягчения информационной асимметрии. Соцсети помогли не только центральному правительству контролировать работу местного самоуправления, но и местному правительству своевременно выявлять потребности жителей и оказывать им критически важную помощь.

Также необходимо учитывать, что в эпоху социальных сетей многие пользовательские материалы из самостоятельных СМИ и различная информация об эпидемии в социальных сетях имеет сильную эмоциональную окраску. Мы имеем возможность проанализировать законы и особенности *эволюции эмоциональных тенденций* пользователей в чрезвычайных ситуациях в области общественного здравоохранения. Так, учеными была изучена эмоциональная эволюция ситуации среди пользователей платформы Weibo, связанная с неожиданной вспышкой эпидемии. Исследование пользовательского поведения на трех стадиях: период вспышки, период тупика и период разрешения – показало, что эмоциональные тенденции пользователей изменчивы и нестабильны, они легко индуцируются различными факторами. Также было отмечено, что существует значительная положительная корреляция между зарегистрированными подтвержденными случаями заражения и количеством сообщений в блогах Weibo. Индивидуальные эмоциональные тенденции *могут иметь положительные изменения*. Ученые пришли к выводу, что «...учитывая поэтапную эволюцию и повторяющиеся колебания эмоциональных тенденций, соответствующие ведомства должны эффективно использовать этот закон и разработать различные планы реагирования по разным этапам» [27]. Опираясь на опыт коммуникации пользователей соцсетей в ситуации коронавируса, мы имеем реальную возможность *прогнозировать поведение* интернет-сообщества и реальное психическое состояние людей (тревожность, разочарование, гнев, волнение и замешательство и т. д.). Однако нужно учитывать, что исследователи вирусного распространения инфор-

мации в интернете приходят порой к противоречивым выводам по указанному вопросу. В любом случае во время чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения люди могут *обрести чувство принадлежности и уменьшить свое беспокойство*, используя социальные сети, подкасты, веб-сайты и другие платформы

Широкая общественность действует как нечто большее в сравнении с простым поставщиком информации правительству в условиях пандемии; она эффективно продвигает повестку дня в качестве дополнительного процесса к кризисному планированию, поднимая важные вопросы, которые правительство не может определить из-за отсутствия информации и опыта. Правительство, следовательно, с большей вероятностью отреагирует на запросы общественности, чтобы получить своевременную обратную связь по антикризисной политике с целью совершенствования. Кроме того, общественные эмоции также служат как сильный политический сигнал, влияющий не только на повестку дня, но и на социальную стабильность. Ученые обнаруживают взаимосвязь между общественными эмоциями и эмоциональными реакциями правительства во время кризиса.

Несмотря на определенные проблемы, период пандемии показал, что китайское правительство и общественность способны взаимодействовать онлайн, чтобы справиться с серьезными чрезвычайными ситуациями. Социальный дискурс правительства оказал значительное влияние на социальный дискурс общественности. Стало очевидно, что учетные записи могут направлять и изменять общественное поведение, способствуя решению социальных проблем. СМИ сыграли ключевую роль в стабилизации настроения людей [28]. Группы Wechat, система управления большими данными и технологии искусственного интеллекта, используемые в Ухане и других частях Китая, были признаны Всемирной организацией здравоохранения как то, что играет значительную роль в реакции Китая на COVID-19 [29].

Выводы

Мобильные социальные сети стали важной платформой для получения информации, обмена и социального взаимодействия во время чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, что стало актуальным во время пандемии COVID-19. Пандемия заставила многие агентства по чрезвычайным ситуациям переосмыслить устоявшиеся подходы к организации указанного взаимодействия. Стало понятно, что мобильные социальные сети могут быть использованы для реагирования на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения. Также они имеют большой потенциал в плане укрепления отношений между правительством и гражданами в сложные для общества периоды.

Выражение общественных настроений на онлайн-платформах может рассматриваться как *флюгер реальных социальных тенденций*. На общественные настроения в интернете могут влиять экономические, культурные и политические события в реальном мире. Имеется и обратная зависимость: события в интернете могут иметь серию «эффектов бабочки» на реальный мир. Анализ эволюции эмоциональной динамики помогает властям и властям распространять научные данные о вспышках заболеваний и проверенные новости, а также предоставлять своевременное руководство для противодействия эмоциональной поляризации, которое вызвано асимметрией информации. Все перечисленные нами факты свидетельствуют о том, что прозрачность и точность информации имеют решающее значение для эффективного реагирования на кризисные ситуации, а также о том, что социальные сети становятся важным инструментом управления.

Литература

1. Кечилековна, С. С. Влияние публикаций в социальных сетях на формирование доминирующих эмоций у общественности в условиях пандемии / С. С. Кечилековна, Ч. Н. Монгуш // Вестник Тувинского государственного университета. – 2020. – № 2 (63). – С. 6–11.
2. Сяо, Ю. Связи с общественностью в органах государственной власти Китайской Народной Республики / Ю. Сяо // Меди@льманах. – 2021. – № 3 (104). – С. 133–142.
3. Семина, Т. В. Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией COVID-19 в Китае (КНР) / Т. В. Семина, Г. Вэй // Вестник Московского университета. – 2022. – № 28 (1). – С. 216–237.
4. Калинин, О. И. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2020. – № 18 (4). – С. 99–109.
5. Сюй, В. СМИ об общественном здоровье в современных китайских городах (на примере борьбы с эпидемией COVID-19 в Шицзячжуане, провинция Хэбэй, КНР) / В. Сюй, А. В. Петров // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2021. – № 1 (58). – С. 103–107.
6. Сюй, В. Общественное здоровье и социальная солидарность в России и Китае в период пандемии COVID-19 / В. Сюй, А. В. Петров // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2021. – № 4 (61). – С. 18–24.
7. Ерофеева, И. В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания / И. В. Ерофеева, Ю. В. Толстокулакова, А. В. Муравьев // Вопросы теории и практики журналистики. – 2021. – № 10 (1). – С. 78–93.
8. Суманев, И. А. Пандемия коронавируса и политические режимы / И. А. Суманев // Политическая наука. – 2022. – № (2). – С. 251–259.
9. Зуйкина, К. Л. Пандемия COVID-19 как медиасобытие: особенности конструирования в социальных медиа / К. Л. Зуйкина, Д. В. Соколова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 77. – С. 222–240.
10. Дейнека, О. С. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций / О. С. Дейнека, А. А. Максименко // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2020. – № 2 (55). – С. 28–39.
11. Кумылганова, И. А. Особенности формирования повестки дня в социальных сетях России и Китая в период пандемии COVID-19 / И. А. Кумылганова, К. Ма // Меди@льманах. – 2022. – № 2 (109). – С. 50–60.
12. Радина, Н. К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) / Н. К. Радина // Вестник Московского университета. – 2021. – № 5. – С. 116–136.
13. Жэнь, С. Использование метафорических моделей для концептуализации нового коронавируса: на примере СМИ КНР / С. Жэнь, Г. Ду // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 7. – С. 247–251.
14. Калинин, О. И. Формирование медиаобраза болезни как способ борьбы с эпидемией (на материале китайских СМИ) / О. И. Калинин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2021. – № 10 (852). – С. 32–46.
15. Zhang, S. Characterizing the COVID-19 Infodemic on Chinese Social Media: Exploratory Study / S. Zhang, W. Pian, F. Ma, Z. Ni, Y. Liu // JMIR Public Health and Surveillance. – 2021. – Vol. 7(2). – P. 1–13.
16. Cai, Q. Civil Society Responses to the COVID-19 Pandemic: A Comparative Study of China, Japan, and South Korea / Q. Cai, A. Okada, B. G. Jeong, S.-J. Kim // The China Review. – 2021. – Vol. 21. – № 1. – P. 107–137.
17. Wang, H. Understanding Chinese mobile social media users' communication behaviors during public health emergency / H. Wang, L. Xiong, C. Wang, N. Chen // Journal of Risk Research. – 2022. – Vol. 25 (7). – P. 874–891.
18. Li, Z. Improving the Communication and Credibility of Government Media in Response to Public Health Emergencies: Analysis of Tweets From the WeChat Official Accounts of 10 Chinese Health Commissioners / Z. Li, M. Wang, J. Zhong, Y. Ren // Frontiers in Public Health. – 2022. – Vol. 10. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2022.900776/full>.
19. Shao, C. Social media interactions between government and the public: A Chinese case study

of government WeChat official accounts on information related to COVID-19 / C. Shao, X. Guan, J. Sun, M. Cole, G. Liu // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 23. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.955376/full>.

20. Lu, Y. Social media WeChat infers the development trend of COVID-19 / Y. Lu, L. Zhang // *Journal of Infection*. – 2020. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32283142/>.

21. Liu, X. Event history analysis of the duration of online public opinions regarding major health emergencies / X. Liu, J. Zhao, R. Liu, K. Liu // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.954559/full>.

22. Zhang Meadows, C. Managing government legitimacy during the COVID-19 pandemic in China: a semantic network analysis of state-run media Sina Weibo posts / C. Zhang Meadows, L. Tang, W. Zou // *Chinese Journal of Communication*. – 2021. – Vol. 15 (3). – P. 1–26.

23. Dai, Y. Government-Led or Public-Led? Chinese Policy Agenda Setting during the COVID-19 Pandemic / Y. Dai, Y. Li, C.-Y. Cheng, H. Zhao, T. Meng // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. – 2021. – Vol. 23 (2). – P. 157–175.

24. Shangguan, Z. What Caused the Outbreak

of COVID-19 in China: From the Perspective of Crisis Management / Z. Shangguan, M. Y. Wang, W. Sun // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2020. – Vol. 17. – P. 1–16.

25. Ran, R. When Transparency Meets Accountability: How the Fight against the COVID-19 Pandemic Became a Blame Game in Wuhan / R. Ran // *The China Review*. – 2021. – Vol. 21. – № 1. – P. 7–36.

26. Li, Y. Crisis Coordination and the Role of Social Media in Response to COVID-19 in Wuhan, China / Y. Li, Y. Chandra, N. Kapucu // *American Review of Public Administration*. – 2020. – Vol. 50 (1). – P. 1–8.

27. Hu, N. Sentiment Analysis of Texts on Public Health Emergencies Based on Social Media Data Mining / N. Hu // *Computational and Mathematical Methods in Medicine*. – 2022. – Vol. 2022. – P. 1–17.

28. Tan, Y. The Motivation of Media Users and China's National Media Digitization Construction in the Post-COVID-19 Era / Y. Tan, X. She, C. Zhou, F. Wang // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.849097/full>.

29. He, A. J. Crisis governance, Chinese style: distinctive features of china's response to the Covid-19 pandemic / A. J. He, Y. Shi, H. Liu // *Policy Design and Practice*. – 2020. – Vol. 3 (3). – P. 242–258.

Тянь Юнчунь – аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов (Москва), e-mail: 1042225221@pfur.ru. ORCID 0009-0009-5694-3968

Поступила в редакцию 20 ноября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240112

FEATURES AND PROBLEM ASPECTS OF THE OPERATION OF SOCIAL NETWORKS IN THE CONTEXT OF CHINESE INFORMATION POLICY DURING THE PANDEMIC

Y. Tian

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

In this article, the author analyzes some features of the functioning of social networks in the context of a pandemic using the example of China. Mainly based on foreign publications, it is shown how social networks influence the phenomenon of infodemic in the context of health emergencies. This problem is considered in the context of the issue of government regulation of public opinion during a pandemic. As an example, the article cites the state's use of social networks WeChat and Weibo in the coronavirus situation. Special attention is paid to the analysis of the "duration" criterion in the process of disseminating online opinions. The author also shows how Chinese censorship affects the dissemination of information in the context of emergency situations, demonstrating this problem using the example of information asymmetry. The COVID-19 pandemic has forced us to rethink established approaches to organizing interaction between society and the state in emergency situations. It has become clear that mobile social networks can be used to improve the quality of responses to problematic situations in society and that

the expression of public sentiment on online platforms represents a weather vane of real social trends. Social networks can both separate and unite the state and society in the fight against emergency situations.

Keywords: social networks, China, coronavirus, COVID-19, infodemic, pandemic.

References

1. Kechilekovna S.S., Mongush Ch.N. Vlijanie publikacij v social'nyh setjah na formirovanie dominirujushih jemocij u obshhestvennosti v uslovijah pandemii [The Influence of Publications in Social Networks on the Formation of Dominant Emotions Among the Public During a Pandemic] // *Vestnik Tuvinского gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 2 (63). S. 6–11
2. Sjao Ju. Svjazi s obshhestvennost'ju v organah gosudarstvennoj vlasti Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Public Relations in Government Bodies of the People's Republic of China] // *Medi@l'manah*. 2021. № 3 (104). S. 133–142.
3. Semina T.V., Vjej G. Sociokul'turnaja sreda i mery bor'by s pandemiej COVID-19 v Kitae (KNR) [Sociocultural Environment and Measures to Combat the COVID-19 Pandemic in China (PRC)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2022. № 28 (1). S. 216–237.
4. Kalinin O.I., Mavleeva D.V. Sopostavitel'nyj analiz metaforicheskogo obraza koronavirusa v SMI KNR i Respubliki Koreja [Comparative Analysis of the Metaphorical Image of Coronavirus in the Media of the People's Republic of China and the Republic of Korea] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 18 (4). S. 99–109.
5. Sjuj V., Petrov A. V. SMI ob obshhestvennom zdorov'e v sovremennyh kitajskih gorodah (na primere bor'by s jepidemiej COVID-19 v Shiczjachzhuane, provincija Hjebej, KNR) [Media about Public Health in Modern Chinese Cities (on the Example of the Fight Against the COVID-19 Epidemic in Shijiazhuang, Hebei Province, China)] // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2021. № 1 (58). S. 103–107.
6. Sjuj V., Petrov A. V. Obshhestvennoe zdorov'e i social'naja solidarnost' v Rossii i Kitae v period pandemii COVID-19 [Public Health and Social Solidarity in Russia and China during the COVID-19 Pandemic] // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2021. № 4 (61). S. 18–24.
7. Erofeeva I.V., Tolstokulakova Ju.V., Murav'jov A.V. Pandemija koronavirusa v konceptual'noj sfere mediadiskursa Rossii i Kitaja: strategija vyzhivanija [Coronavirus Pandemic in the Conceptual Sphere of Media Discourse in Russia and China: Survival Strategy] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2021. № 10 (1). S. 78–93.
8. Sumaneev I.A. Pandemija koronavirusa i politicheskie rezhimy [Coronavirus Pandemic and Political Regimes] // *Politicheskaja nauka*. 2022. № (2). S. 251–259.
9. Zujkina K.L., Sokolova D.V. Pandemija COVID-19 kak mediasobytie: osobennosti konstruirovanija v social'nyh media [The COVID-19 Pandemic as a Media Event: Design Features in Social Media] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 77. S. 222–240.
10. Dejneka O.S., Maksimenko A.A. Ocenka psihologicheskogo sostojanija obshhestva v uslovijah infodemii posredstvom analiza social'nyh setej: obzor zarubezhnyh publikacij [Assessing the Psychological State of Society in Conditions of an Infodemic through the Analysis of Social Networks: a Review of Foreign Publications] // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2020. № 2 (55). S. 28–39.
11. Kumylganova I.A., Ma K. Osobennosti formirovanija povestki dnja v social'nyh setjah Rossii i Kitaja v period pandemii COVID-19 [Features of Agenda Formation in Social Networks of Russia and China during the COVID-19 Pandemic] // *Medi@l'manah*. 2022. № 2 (109). S. 50–60.
12. Radina N.K. Metodika identifikacii kontekstual'nyh ideologem v cifrovom mediadiskurse (na primere mediadiskursa o pandemii COVID-19) [Methodology for Identifying Contextual Ideologies in Digital Media Discourse (Using the Example of Media Discourse about the COVID-19 Pandemic)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2021. №5. S. 116–136.
13. Zhjen' S., Du G. Ispol'zovanie metaforicheskikh modelej dlja konceptualizacii novogo koronavirusa: na primere SMI KNR [Using Metaphorical Models to Conceptualize the New Coronavirus: the Example of the PRC Media] // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023. № 7. S. 247–251.
14. Kalinin O.I. Formirovanie mediaobraza bolezni kak sposob bor'by s jepidemiej (na materiale kitajskih SMI) [Formation of a Media Image of the Disease as a Way to Combat the Epidemic (based on the Chinese Media)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2021. № 10 (852). S. 32–46.
15. Zhang S., Pian W., Ma F., Ni Z., Liu Y. Characterizing the COVID-19 Infodemic on Chinese Social Media: Exploratory Study // *JMIR Public Health and Surveillance*. 2021. Vol. 7(2). P. 1–13.
16. Cai Q., Okada A., Jeong B. G., Kim S.-J. Civil Society Responses to the COVID-19 Pandemic: A Comparative Study of China, Japan, and South Korea // *The China Review*. Vol. 21. № 1. P. 107–137.

17. Wang H., Xiong L., Wang C., Chen N. Understanding Chinese Mobile Social Media Users' Communication Behaviors during Public Health Emergencies // *Journal of Risk Research*. 2022. Vol. 25 (7). P. 874–891.
18. Li Z., Wang M., Zhong J., Ren Y. Improving the Communication and Credibility of Government Media in Response to Public Health Emergencies: Analysis of Tweets From the WeChat Official Accounts of 10 Chinese Health Commissioners // *Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2022.900776/full>.
19. Shao C., Guan X., Sun J., Cole M., Liu, G. Social Media Interactions between Government and the Public: A Chinese Case Study of Government WeChat Official Accounts on Information Related to COVID-19 // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 23. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.955376/full>.
20. Lu Y., Zhang L. Social Media WeChat Infers the Development Trend of COVID-19 // *Journal of Infection*. 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32283142/>.
21. Liu X., Zhao J., Liu R., Liu K. Event History Analysis of the Duration of Online Public Opinions Regarding Major Health Emergencies // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.954559/full>.
22. Zhang Meadows C., Tang L., Zou W. Managing Government Legitimacy during the COVID-19 Pandemic in China: a Semantic Network Analysis of State-Run Media Sina Weibo Posts // *Chinese Journal of Communication*. 2021. Vol. 15(3). P. 1–26.
23. Dai Y., Li Y., Cheng C.-Y., Zhao H., Meng T. Government-Led or Public-Led? Chinese Policy Agenda Setting during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2021. Vol. 23(2). P. 157–175.
24. Shangguan Z., Wang M. Y., Sun W. What Caused the Outbreak of COVID-19 in China: From the Perspective of Crisis Management // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. P. 1–16.
25. Ran R. When Transparency Meets Accountability: How the Fight against the COVID-19 Pandemic Became a Blame Game in Wuhan // *The China Review*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 7–36.
26. Li Y., Chandra Y., Kapucu N. Crisis Coordination and the Role of Social Media in Response to COVID-19 in Wuhan, China // *American Review of Public Administration*. 2020. Vol. 50 (1). P. 1–8.
27. Hu N. Sentiment Analysis of Texts on Public Health Emergencies Based on Social Media Data Mining // *Computational and Mathematical Methods in Medicine*. 2022. Vol. 2022. P. 1–17.
28. Tan Y., She X., Zhou C., Wang F. The Motivation of Media Users and China's National Media Digitization Construction in the Post-COVID-19 Era // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.849097/full>.
29. He A. J., Shi Y., Liu H. Crisis Governance, Chinese style: Distinctive Features of China's Response to the Covid-19 Pandemic // *Policy Design and Practice*. 2020. Vol. 3 (3). P. 242–258.

Yongchun Tian – Postgraduate Student of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), e-mail: 1042225221@pfur.ru

Received November 20, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Тянь, Ю. Особенности и проблемные аспекты функционирования социальных сетей в контексте китайской информационной политики периода пандемии / Ю. Тянь // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 95–104. DOI: 10.14529/ssh240112

FOR CITATION

Tian Y. Features and problem aspects of the operation of social networks in the context of Chinese information policy during the pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 95–104. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240112

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2024 Том 24, № 1

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 19.01.2024. Дата выхода в свет 26.01.2024. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,55. Тираж 500 экз. Заказ 4/11. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.